Cm Comunitas
5985 5ª R.
3846

А 1170

[redacted]

Сентябрь 1960 г.

ЛИКЕЙ

или

КРУГЪ СЛОВЕСНОСТИ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ;

сочиненіе

І. Ф. Лагарпа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

переведенная

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Петромъ Соколовымъ,

и оною Академіею изданная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

въ Типографіи В. Плавильщикова.

1811 года.

Indocti discant, et ament meminisse periti.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1910

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЙ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

стран.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *Древніе писатели* 1
КНИГА ПЕРВАЯ. *Поэзія* - - - —
ГЛАВА V. *О древней трагедіи* - —
ОТДѢЛЕНІЕ I. *Общія понятія о театрѣ древнихъ народовъ* —
ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Эсхилѣ* - - - 13
ОТДѢЛЕНІЕ III. *О Софоклѣ* - - 60
ОТДѢЛЕНІЕ IV. *О Эврипидѣ* - - 172
ГЛАВА VI. *О древней комедіи* - - 236
ОТДѢЛЕНІЕ I. *О комедіи Греческой* —
ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Латинской комедіи* 285
ГЛАВА VII. *О лирической поэзіи древнихъ* - - - - - - - 320
ОТДѢЛЕНІЕ I. *О Греческихъ лирикахъ* —
ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Горація* - - - 342
ГЛАВА VIII. *О пастушеской поэзіи и баснѣ* - - - - - - - 360
ОТДѢЛЕНІЕ I. *Пастушескія стихотворенія* - - - - - - —
ОТДѢЛЕНІЕ II. *О баснѣ* - - - - 365

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОЭЗІЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О древней Трагедіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Общія понятія о театрѣ древнихъ народовъ.

Во всякомъ родѣ сужденія нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ мнѣнія, такъ сказать, крайнія, и потому нѣтъ ничего рѣже истинны; ибо она, будучи добродѣтелію, находится между двумя крайностями. Еще и понынѣ многіе изъ людей просвѣщенныхъ отдаютъ Греческому театру великое преимущество предъ нашимъ: они утверждаютъ, что Эсхила, Софокла и Эврипида не только никто не превзошелъ, но даже и не сравнился съ ними. Между учеными будутъ всегда и такіе, которые удивляются

однимъ только древнимъ сочинителямъ; ибо особенную имѣютъ любовь и привязанность къ предмету своего ученія и не могутъ ни переводить, ни объяснять писателей новѣйшихъ. Съ другой стороны находится много людей, впрочемъ весьма умныхъ, но древностію мало занимавшихся, или не могущихъ привыкнуть ко нравамъ, отъ нашихъ весьма отличнымъ, кои почитаютъ Греческую трагедію за драматическій велерѣчивый разказъ, и видятъ въ ней только младенчество того искуства, которое мы довели до совершенства. Оба сіи мнѣнія почитаю я равно несправедливыми. Брюмуа, Словесникъ довольно ученый, но имѣющій гораздо болѣе познаній, нежели вкуса, сильно нападаетъ на оба сіи крайнія сужденія, однакоже и самъ не совсѣмъ избятъ отъ предубѣжденій. Признаваясь, что мы усовершили театръ, онъ оправдываетъ многія погрѣшности, и часто старается разностію времени извинить то, что всегда и вездѣ само по себѣ есть худо. Онъ охуждаетъ театральныя сочиненія, коихъ содержаніе вымышлено, и полагаетъ, что таковыя творенія не могутъ возбуждать въ здравомъ разумѣ никакого соучастія. Заира, Алзира и многія другія сочиненія, великое дѣйствіе производящія, мнѣніе его достаточно опровергаютъ. Не знаю, разумѣлъ ли самаго себя Брюмуа, когда при изслѣдованіи своемъ, въ чемъ состоитъ главное основаніе и цѣль трагедіи, изъясняется онъ слѣдующимъ образомъ: „Страхъ и жалость суть

„страсти, столько же опасныя, сколько и „обыкновенныя. Ибо естьли одна, слѣдова„тельно и другая, по взаимной ихъ связи, „непрестанно приводитъ людей въ нѣкое „оцѣпенѣніе; то душа не можетъ уже имѣть „твердости необходимо нужной для пре„несенія неизбѣжныхъ несчастій, случаю„щихся въ жизни, и для преодолѣнія впеча„тлѣній, часто и сильно ими производимыхъ. „Трагедія исправляетъ страхъ страхомъ, „а жалость жалостію; сіе бываетъ тѣмъ „болѣе пріятно, что человѣкъ любитъ „свои чувствованія и свои слабости; слѣдова„тельно онъ воображаетъ, что слабости его „почитаются извинительными, и думаетъ, „что онъ уже совершенно изцѣлился „тѣмъ самымъ удовольствіемъ, которымъ „обольщается.“

Признаюсь, что въ трагедіи не видалъ я ничего сему подобнаго. Слова Брюмуа суть не иное что, какъ тонкое и неправильное толкованіе одного мѣста изъ Аристотеля, въ коемъ сказано, что *трагедія страхомъ и жалостію цѣлитъ исправлять сіи двѣ душевныя страсти.* Сіе значитъ только то, что драматическое представленіе, заставляя насъ ощущать сіи страсти, отнимаетъ у нихъ все то, что имѣютъ онѣ въ себѣ тягостнаго и горестнаго. Изтолкованіе сіе столь же ясно, сколь и благовидно. Но принявшіе мнѣніе Брюмуа могутъ извиниться тѣмъ, что неопреодолимая судьба, обременяя смертныхъ неизбѣжными несчастіями, составляла сущность трагедіи у Грековъ,

такъ какъ онаже служила и основаніемъ ихъ вѣры. Но сему правилу зрѣлище несчастій человѣческой жизни, представленное на театрѣ, могло служить наставленіемъ, убѣждающимъ вооружаться мужествомъ и терпѣніемъ, отражать страхъ, приводящій душу въ оцѣпенѣніе, и ту жалость, которая дѣлаетъ ее слабою. Но хотя бы и въ самомъ дѣлѣ всѣ Греческія трагедіи могли преподавать сіе наставленіе, однакожъ нигдѣ не видно, чтобы Аристотель заключалъ въ ономъ главнѣйшій предметъ трагедіи и первую цѣль драматическаго искуства. Новѣйшіе писатели ошиблись, приявъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ сказанное нами мнѣніе сего знаменитаго *учителя*, а особливо Брюмуа весьма спарается доказать, что естьли Эсхилъ и Софоклъ не имѣли точно сей мысли, то *они должны были имѣть нѣчто тому подобное; и не можетъ статься, чтобы сіи великіе мужи трудились безъ всякой цѣли*; какъ будто бы собирать своихъ сограждан на великолѣпное позорище для доставленія имъ забавы, для возбужденія въ нихъ соучастія и для ихъ наученія, приводить въ движеніе ихъ сердца, обольщая слухъ, и получать въ почесть себѣ вѣнки, доставляя народу увеселенія, не можно было почитать никакою цѣлію.

Не знаю, что намѣренъ сказать Брюмуа, утверждая, что *жалость есть страсть опасная; что она всегда приводитъ людей въ оцѣпенѣніе*? Большая часть нравственныхъ добродѣтелей, а особливо тѣ, кои должны

быть драгоцѣннѣйшими для общества, потому что онѣ суть необходимѣйшія, произходятъ отъ чувствованія жалости. Сіе-то самое чувствованіе трагедія не только, въ нихъ, не изтребляетъ, но еще весьма удачно разпространяетъ и усиливаетъ; чувствованіе сіе не только не приводитъ сердца въ *оцѣпѣнѣніе*, но содѣлываетъ его способнымъ къ возпріятію пѣхъ впечатлѣній, кои заставляютъ насъ любить, сожалѣть и вспомоществовать подобнымъ себѣ. Брюма впалъ въ одинакую погрѣшность съ тѣми, коихъ обвиняетъ онъ въ недостаточномъ различеніи временъ, народовъ и нравовъ. Онъ забылъ, что въ новѣйшія времена не было уже ни боговъ притѣснителей, ни несчастныхъ предсказаній, ни неизбѣжныхъ преступленій, предписываемыхъ самимъ небомъ; что слѣдовательно трагедія не только не содѣлываетъ насъ нечувствительными къ несчастію другихъ, но еще приводитъ насъ въ умилѣніе безъ всякой опасности; вселяетъ въ сердце всѣ ощущенія, питающія и умножающія нашу чувспвительность; возбуждаетъ сожалѣніе къ несчастію; наполняетъ насъ ненавистію къ преступленію, возхищаетъ удивленіемъ къ добродѣтели; и, такъ сказать, рѣзцомъ Стихотворства начертываетъ въ насъ великія и полезныя истинны. Вотъ предметъ драматическаго искуства, искуства гораздо обширнѣйшаго, нежели каковымъ было оно при Аристотелѣ, и коего онъ самъ, не могъ объять во всемъ его пространствѣ; ибо и самый превозходный умъ не-

въ состояніи предвидѣть всей опытности грядущихъ вѣковъ и шествія отмѣнныхъ дарованій.

Источникъ заблужденія, находящагося почти во всѣхъ сочиненіяхъ, писанныхъ о трагедіи, есть склонность судить по одинакимъ правиламъ о древнемъ и новѣйшемъ театрахъ, которые хотя и сходствуютъ въ начальныхъ правилахъ искуства, и въ красотахъ тому и другому общихъ; однакоже въ посторонныхъ принадлежностяхъ и въ самыхъ средствахъ между собою весьма различествуютъ. Мы приходимъ въ театръ съ разположеніемъ ума совсѣмъ отличнымъ отъ того, съ каковымъ ходили въ оный древніе Греки; и то, чего они требовали отъ своихъ драматическихъ писателей, было бы сочинителямъ нашимъ недостаточно для полученія успѣха. Одно или два явленія въ дѣйствіи, хоры не сходящіе съ театра и почти всегда вмѣшивавшіеся въ разговоръ при обстоятельствахъ важнѣйшихъ, — вотъ все, что требовалось отъ стихотворца. Всѣ предметы, извлеченные изъ Греческаго бытописанія, не взирая на чрезмѣрную ихъ простоту, привлекали зрителей весьма удобно, и потому не нужно было, чтобы дѣйствіе непрестанно усиливающееся то страхомъ, то надеждою, никогда не останавливаясь и не ослабѣвая, во все продолженіе пяти дѣйствій ежеминутно и постепенно умножало въ зрителяхъ соучастіе, подавало новую пищу любопытству и не прежде удовлятворяло оному совершенно, какъ только при самомъ концѣ драмы. Почему

же? по тому, что у насъ зрѣлища представляются не для всякаго, но для людей избранныхъ: а у нихъ театръ сдѣланъ былъ для народа. У Грековъ трагедія была родъ празднества, каковое давали градоправители въ извѣстныя времена года, на иждивеніи республики, коея казна разточаема была на зрѣлища. Безчисленное множество народа собиралось въ обширномъ амфитеатрѣ; предъ нимъ представлялись знаменитыя произшествія, коихъ ирои были его соотечественники, коихъ время событія не изгладилось еще изъ памяти народа, коихъ подробныя обстоятельства каждый, даже и самыя малыя дѣти знали на изусть. Величественность зодчества, великолѣпіе зрѣлищныхъ украшеній съ самаго начала привлекали взоры, и однѣ они могли бы представить важное зрѣлище. Произглашеніе лицедѣевъ, управляемое правильною мѣрностію и шествіемъ музыки, многочисленный хоръ, коего пѣсни возвышены были самою смѣлою мусикійскою мѣрою, содѣлывались громогласнѣйшими чрезъ всякія средства, могущія усилить голосъ, когда необходимость требовала, дабы пѣніе далеко раздавалося по обширному пространству, однимъ только холстомъ огражденному. Непрерывное согласіе между произглашеніемъ, на ноты положеннымъ, и между тѣлодвиженіями размѣрными и музыкою, — согласіе, составлявшее одно изъ величайшихъ уровольствій народа, коего слухъ ощущалъ гармонію гораздо болѣе, нежели сколько вообразить себѣ можемъ; наконецъ все, что

только намъ извѣстно, хотя весьма несовершенно, о зрѣлищахъ древнихъ, личины выдуманныя для усиленія голоса, разставленные мѣдные сосуды для бо́льшаго разпространенія онаго, все показываетъ намъ, что древніе старались удовлетворять чувствамъ несравненно болѣе, нежели мы; что природа, представляемая на театрѣ вдали, была по необходимости увеличиваема; что древніе, употребляя крайность въ своихъ средствахъ и въ самомъ исполненіи, больше старались соединять различные роды увеселеній, нежели приближаться къ точному правдоподобію; они желали болѣе нравиться зрѣнію и слуху, нежели обольщать разумъ.

Пусть разсмотрятъ теперь всѣ разности между симъ театральнымъ основаніемъ и нашимъ. Мы заключены въ тѣснѣйшихъ мѣстныхъ предѣлахъ, и вымышленные предметы, видѣнные нами вблизи, должны быть представляемы съ строжайшимъ правдоподобіемъ. Мы говоримъ такимъ людямъ, коихъ вкусъ, будучи изощренъ ежедневнымъ навыкомъ въ сужденіи, долженъ быть по необходимости гораздо строже, и коихъ душа, приобыкши къ сильнымъ ощущеніямъ, тѣмъ съ бо́льшимъ трудомъ можетъ быть приведена въ движеніе. Не имѣя никакой причины, могущей ихъ разсѣять и польстить ихъ чувствамъ, они могутъ вооружиться всею строгостію своего разсудка, и бываютъ болѣе разположены судить, нежали чувствовать. Тутъ нѣтъ никакого разсѣянія благопріятнаго стихотворцу: на

него одного возложено все, и ему ни въ чемъ не прощаютъ. Нѣтъ музыки, плѣняющей слухъ; и нѣтъ хора, замѣняющаго театральное дѣйствіе пѣніемъ. Ему не позволятъ написать дѣйствія съ одою или повѣствованіемъ, какъ то часто дѣлали Греческіе стихотворцы. Должно, чтобы онъ стремился прямо къ самому дѣлу, хотя бы надлежало ему разсуждать только объ одномъ предметъ въ продолженіи всѣхъ пяти дѣйствій; чтобы онъ поддерживалъ любопытство, хотя ему надлежитъ занимать оное только однимъ произшествіемъ; чтобы драма въ каждомъ явленіи простиралась впередъ и не престанно бы тревожила зрителя, который желаетъ, что бы ни на минуту не давали ему отдохновенія. Къ толикимъ неудобствамъ, которыя побѣдить должно каждому драматическому сочинителю, желающему, чтобы сочиненія его были играны съ продолжительнымъ успѣхомъ, присовокупите еще бо́льшее и гораздо рѣже побѣждаемое затрудненіе, которое должно преодолѣть человѣку отмѣнныхъ дарованій, желающему, чтобы творенія его читаны были современниками и потомствомъ; трудность быть стихотворцемъ на языкѣ не столь удобномъ къ стихотворенію, какъ языкъ Греческій, и въ такомъ родѣ, въ коемъ должно съ толикимъ же стараніемъ скрывать стихотворство, съ каковымъ Греки показывали оное; то вы увидите, что Расинъ и Волтеръ суть сочинители несравненно превосходнѣйшіе, нежели Еврипиды и Софоклы.

Хоры, бывшіе въ употребленіи у Грековъ, дозволяли драматическому сочинителю возноситься до вышшей степени стихотворства, и Мелпомена изъявляла тогда жалобы свои на лирѣ Пиндара. Съ другой стороны свойство нарѣчія ихъ дозволяло имъ употреблять множество обыкновенныхъ и простосердечныхъ выраженій, которыя на языкѣ нашемъ были бы подлы и проспонародны. Итакъ Греческій стихотворецъ поперемѣнно могъ употреблять слогъ весьма естественный, нимало не опасаясь показаться низкимъ, и быть весьма высокимъ безъ надутости. Слѣдовательно сугубая сія польза, доставляемая свойствомъ языка и нравами, легко отдаляла его отъ двухъ претыканій, къ которымъ мы весьма близки.

О всѣхъ новѣйшихъ писателяхъ вообще сказать можно, что они углубляются болѣе въ чувствованія и страсти, стараются болѣе входить въ театральныя положенія, движутъ сердце гораздо сильнѣе, и лучше умѣютъ перемѣнять и умножать душевныя потрясенія. — Таковый успѣхъ надлежало сдѣлать только искуству. И хотя знаменитые наши трагики успѣли придать бо́льшую сочиненіямъ своимъ силу, однакоже не могли превзойти древнихъ въ истиннѣ, и въ сей-то части театральныхъ представленій подражать Грекамъ съ надлежащею точностію не можно. Отъ сего отличительнаго ихъ качества происходитъ то, что хорошо переводить творенія ихъ, а

особливо стихами, весьма трудно. Различіе вѣ языкахъ сдѣлало великую разность между ихъ разговоромъ и нашимъ. У нихъ самыя маловажныя произшествія вѣ простой жизни, и обыкновенный разговоръ не были изключены изъ стихотворческаго языка; почти нѣтъ ни одного слова, которое само по себѣ было бы низко или простонародно, что частію приписывать должно постановленію республиканскому, великому вліянію, каковое имѣлъ народъ вѣ правленіе и всегдашнему его обращенію съ ораторами. Слово, ежедневно употребляемое, не почиталось простонароднымъ, и слово самое простое могло быть помѣщено вѣ стихахъ самыхъ пышныхъ и вѣ словоизвитіи самомъ отважномъ: напротивъ того стихотворцы наши не пользуются и третьею частію обыкновеннаго языка; прочее все имъ возпрещено, какъ недостойное стихотворца. Ему предоставлено только нѣкоторое число словъ отборныхъ; и превозходство слога состоитъ вѣ многоразличномъ измѣненіи и вѣ непрестанномъ представленіи уму и воображенію такихъ отношеній, кои были бы новы, не показываясь страннымі, и остроумны безъ всякой натяжки. Тайна сія извѣстна бываетъ только тремъ или четыремъ человѣкамъ вѣ цѣломъ столѣтіи, прочіежъ всѣ, желая быть стихотворцами, становятся декламаторами; или думая, что они пишутъ слогомъ естественнымъ, дѣлаются низкими. Ибо трудно выдержать слогъ опредѣленный, коему нѣтъ никакого образца вѣ обществѣ, и заставить

разговаривать лица такъ, чтобы онѣ въ разговорѣ своемъ, сколько ввзможно болѣе избѣгали словъ общеупотребительныхъ. Потребна великая разборчивость ума и чрезвычайная гибкость въ словоизраженіи, дабы умѣть отличить и кстати употребить даже и самыя малыя въ знаменованіи словъ отмѣны, составляющія то, что называется хорошимъ вкусомъ. Вкусъ бываетъ по необходимости повелителемъ самовластнымъ въ такомъ языкѣ, который въ началѣ своемъ былъ варварскій, и который совершенствомъ своимъ обязанъ только вѣжливости просвѣщеннаго вѣка; напротивъ того о языкѣ Греческомъ сказать можно, что самъ геній присутствовалъ при его рожденіи, и съ самаго того времени не переставалъ управлять онымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЭСХИЛЪ.

Эсхилъ есть истинный основатель Греческаго театра. Ибо игрища Ѳесписовы не заслуживали сего имени. Эсхилъ родился въ Аттикѣ отъ древняго и знаменитаго семейства. Съ самой юности своей прилѣжалъ онъ къ философіи, къ военному искуству и театру. Онъ слѣдовалъ ученію Пиѳагора, находился въ сраженіи при Саламинѣ, раненъ на битвѣ Мараѳонской, и въ трагедіи своей *Персы* представилъ на позорищѣ тѣ побѣды Греціи, коихъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Воинскій духъ блисталъ въ его твореніяхъ, и *трагедію его Седмь Вождей предъ Ѳивами* называли *Разрѣшеніемъ Марса отъ бремени.* Послѣдній его военный подвигъ былъ при Платеѣ, доставившій Грекамъ славу не меншую предъидущихъ. — Съ сего времени предался онъ совершенно театру, и въ правленіе Архонта Менона сочинилъ четыре трагедіи, которыя и были увѣнчаны: *Ѳиней, Главкъ, Персы* и *Птоломей.* Мы имѣемъ только [illegible] послѣднія. Историки о числѣ его трагед[illegible]сны между собою. Фабрицій счит[illegible] ста. Эврипидъ и Софоклъ [illegible] больше, что и оправдываетъ [illegible] выше, что искуство теат[illegible] творческое было для Грек[illegible] нежели для насъ. Самые [illegible] нители наши далеко не[illegible]

числа, которое правда ничего не значитъ въ сравненіи съ нашимъ Гарди, написавшимъ шесть сотъ театральныхъ сочиненій. Но Гарди столько же мало можетъ сравняться съ Эсхиломъ, сколько и самъ Эсхилъ съ Корнелемъ.

Аристотель и Квинтиліанъ почитаютъ его настоящимъ изобрѣтателемъ трагедіи. Херилъ и Фриникъ, упоминаемые Свидою, были не иное что, какъ пѣсельники, скитавшіеся изъ одного мѣста въ другое и подражавшіе Θеспису. Эсхилъ, говоритъ Аристотель, вмѣсто одного, какъ то было прежде, ввелъ на театръ два дѣйствующія лица. Могли ли быть хорошими такія драмы, въ коихъ находилось одно только дѣйствующее лице. Квинтиліанъ говоритъ о семъ яснѣе: *Эсхилъ началъ первый сочинять трагедіи.* Дионисій Галикарнаскій говоритъ тоже самое. Ни одинъ изъ сихъ сочинителей не приписываетъ Θеспису изобрѣтенія трагической поэмы. Одинъ только Горацій почитаетъ его изобрѣтателемъ трагедіи, можетъ быть по врожденной склонности изыскивать [illegible]нее начало тому, что въ послѣ[illegible]ни содѣлалось величайшимъ.

[illegible]инялъ въ себѣ дарованіе
умомъ изобрѣтательнымъ
[illegible]емся къ механикѣ и теа-
нію. Онъ былъ наставни-
Агаѳарха, сочинившаго
[illegible]альномъ зодчествѣ. Онъ

изобрѣлъ для дѣйствующихъ лицъ ту длинную и величественную одежду, которую жрецы употребляли поиомъ при отправленіи духовныхъ обрядовъ.—Его попеченію приписывать должно, что на театрѣ, украшеномъ превосходною живописью, представлены были всѣ предметы по правиламъ оптики и перспективы. На немъ видны были храмы, гробницы, войска, высадки на берега, носящіяся по воздуху колесницы, явленія, призраки. Хоръ научился отъ него искусственнымъ пляскамъ; онъ былъ основателемъ драматической пантомимы. Всѣ сіи услуги, оказанныя изящнымъ художествамъ, не могли оградить его отъ гоненія. Жрецы вмѣнили ему въ преступленіе то, что онъ во многихъ изъ трагедій своихъ помѣстилъ нашествa, до ихъ вѣры касающіяся, и именно въ трагедіи *Эвмениды*, которая дошла и до насъ, и въ которой Орестъ обвиняется фуріями, и защищается Аполлономъ и Минервою. Чернь, приведенная въ волненіе, хотѣла побить его каменіемъ. Онъ прибѣгнулъ къ жертвеннику Вакха. Ареопагъ спасъ Эсхила отъ неистовства непріятелей, объявя себя его судіею, и оправдалъ его во уваженіе полученныхъ имъ ранъ на битвѣ Марѳонской. Итакъ дарованія Эсхила стоили бы ему жизни, ежели бы онъ не имѣлъ другихъ достоинствъ, кромѣ стихотворства. Однакожъ печаль сія была для него не самая чувствительная. Опасность, каковой онъ подвергался, не могла отвратить его отъ поэзіи. По неосторожности, многимъ сочинителямъ общей, не

чувствовалъ онъ, что и геній также старѣется съ лѣтами, и что не должно подвергать его уничиженію. Прахъ Тезеевъ, перенесенный Кимономъ въ Аѳины, подалъ городу сему случай къ празднествамъ и играмъ. Трагическимъ стихотворцамъ открылося тогда обширное поприще къ состязанію. Эсхилъ не хотѣлъ пропустить столь-рѣдкаго случая. По несчастію онъ имѣлъ соперникомъ одного изъ тѣхъ отличныхъ людей, коего первые опыты уже доставляютъ побѣды: то былъ Софоклъ, имѣвшій тогда двадцать четыре года отъ роду. Архонтъ примѣтилъ въ народѣ нѣкоторый шумъ и происки, заставлявшіе опасаться, чтобы пристрастіе не вкралось въ сужденіе народа. Въ сіе мгновеніе Кимонъ и прочіе Аѳинскіе полководцы прибыли въ театръ для совершенія жертвенныхъ возліяній. Архонтъ просилъ ихъ принять на себя должность судей. Софоклъ одержалъ верхъ. Престарѣлый Эсхилъ погрузился въ отчаяніе; оставилъ свое отечество и удалился къ Гіерону царю Сицилійскому, любителю и покровителю наукъ словесныхъ, при дворѣ коего находились Эпихармъ, Симонидъ, Пиндаръ. Тутъ окончилъ онъ жизнь свою; онъ былъ убитъ, какъ сказываютъ, вырвавшеюся изъ когтей орла черепахою, упавшею на его лишенную волосовъ голову. По смерти Эсхила, сынъ его Эвфоріонъ отдалъ на театръ Аѳинскій нѣсколько трагедій, сочиненныхъ его отцемъ. Онѣ увѣнчаны; но сочинителя уже не было на свѣтѣ.

Изъ всѣхъ трагедій Эсхиловыхъ дошли до насъ только семь: *Промивей, Седмь Вождей предъ Θивами, Персы, Агамемнонъ, Коэфоры, Эвмениды* и *Просительницы.* Всѣ онѣ показываютъ еще младенчество драматическаго искуства, и красоты ихъ принадлежатъ болѣе эпопеѣ, нежели трагедіи. Въ нихъ замѣчено нѣкое мужественное, но необработанное дарованіе, напитанное поэзіею Гомера, коему Эсхилъ подражалъ, какъ онъ и самъ въ томъ признавался. Трагедіи мои, говаривалъ Эсхилъ, суть *изображенія празднествъ Гомеровыхъ.* Но въ Коэфорахъ находятся истинно драматическія красоты, а въ трагедіи *Седмь Вождей* встрѣчаются мѣста, изящной поэзіи приличныя. Я особенно займуся подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ двухъ послѣднихъ трагедій; о прочихъ же упомяну кратко.

Содержаніе трагедіи Промивей весьма уродливо. Вулканъ, сопровождаемый *Насиліемъ* и *Неистовствомъ*, яко исполнителями воли Юпитера, повелѣваетъ приковать алмазными цѣпями къ горѣ Кавказу бога Промивея, коего царь боговъ рѣшился наказать за сдѣланное имъ, неизвѣстно для чего, похищеніе небеснаго огня, и за то, что онъ научилъ людей всѣмъ искуствамъ. Нимфы Океяна, самъ Океянъ, и несчастная Іо, гонимая Юпитеромъ, приходятъ попеременно внимать жалобамъ Промивея, коего несчастіе еще не сокрушило, который даже хвалится тѣмъ, что ему извѣстно такое

средство, которое Юпитеръ съ великимъ успѣхомъ употребить можетъ, ежели бы кто и когда-либо покусился свергнуть его съ престола; клянется, что никакая сила не можетъ его принудить къ открытію сего средства, ежели не освободятъ его отъ оковъ. Меркурій приходитъ къ Промиѳею, требуетъ открытія сей тайны; объявляетъ, что въ противномъ случаѣ Юпитеръ поразитъ его молніею и предастъ внутренность его на терзаніе врану. Непоколебимый Промиѳей не открываетъ тайны, пренебрегаетъ угрозами того, коего называетъ онъ тиранномъ боговъ. Наказаніе совершается; молнія летитъ, разрушаетъ скалу, и трагедія оканчивается. Таковое представленіе не можетъ даже и назваться трагедіею.

Трагедія *Персы*, коея содержаніе гораздо ближе подходитъ къ природѣ, не представляетъ въ себѣ ничего правильнаго; однакожъ видѣть можно, сколь много сочиненіе сіе Аѳинянамъ было пріятно. Пораженіе Персовъ при Саламинѣ подало случай сочинителю наполнить пять дѣйствій сей трагедіи повѣствованіями, описаніями, предвѣщаніями, сновидѣніями и стенаніями; и въ ней также нѣтъ нималѣйшихъ слѣдовъ драматическаго дѣйствія, ни завязки. Дѣйствіе происходитъ въ Сузахъ. Старцы, составляющіе хоръ, съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій о походѣ Ксеркса. Атосса, мать сего государя, разсказываетъ имъ страшный сонъ, ею видѣнный. Прихо-

дитъ воинъ, бѣжавшій изъ воинства, и приноситъ извѣстіе о несчастіи Персовъ. Атосса призываетъ тѣнь Даріеву, которая вопреки обыкновенію тѣней, являющихся только для открытія живущимъ на землѣ какой-либо важной тайны, приходитъ токмо для того, чтобы выслушать отъ самой Атоссы полученное ею извѣстіе о пораженіи Ксеркса. Въ пятомъ дѣйствіи является самъ Ксерксъ, одинъ, съ пустымъ колчаномъ, и говоритъ, что единый только сей колчанъ остался у него отъ того многочисленнаго воинства, съ которымъ шелъ противу Грековъ. Онъ едва спасся: плачетъ, сокрушается и ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только заставляетъ свою мать и старцевъ плакать и сокрушаться. Впрочемъ вся трагедія наполнена, какъ сіе вообразить можно, похвалами народу Аѳинскому: онъ непобѣдимъ, ему покровительствуютъ боги, онъ подпора Греціи. Все сіе тогда было весьма справедливо; но стихотворецъ похвалы сіи влагаетъ въ уста самихъ побѣжденныхъ непріятелей, а чрезъ то становятся онѣ еще болѣе лестными. Во всѣхъ пяти дѣйствіяхъ представляетъ онъ Персовъ обѣтыми ужасомъ, уничиженными, проливающими слезы и удивляющимися побѣдителямъ своимъ. Таковое произшествіе, представленное Республиканцамъ, славою своею ослѣпленнымъ и не умѣвшимъ еще отличать истинныхъ похвалъ отъ ложныхъ, и съ великою охотою лестивыя похвалы приемлющихъ, могло удобно доставить вѣнецъ сочинителю, хотя бы

онъ не написалъ ни одного истинно трагическаго явленія, что и случилось съ Эсхиломъ. Но естьли бы послѣ совершеннаго пораженія Аѳинянъ въ Силиціи, послѣ изтребленія всѣхъ ихъ силъ, и послѣ потери первенства, которое имѣли они въ Греціи, покусился какой-либо стихотворецъ сочинить трагедію въ намѣреніи доказать имъ, что они были первымъ народомъ въ свѣтѣ; то я сомнѣваюсь, что бы сочиненіе его было увѣнчано; ибо Аѳиняне тогда уже умѣли отличать похвалу отъ лести.

Трагедія *Агамемнонъ* содержитъ въ себѣ жестокое хладнокровіе. Удивительно, что Лефранкъ де Помпиньянъ, знавшій хорошо древнихъ писателей, коему обязаны мы прекраснымъ переводомъ Эсхила, доходитъ до такого изступленія, что говоритъ, будто бы сей стихотворецъ *усовершилъ искуство, или же самилъ изобрѣтенное*, и между прочимъ весьма хвалитъ изящность свойства Клитемнестры. —„*Агамемнонъ*, говоритъ онъ, „имѣетъ погрѣшность, примѣчаемую во многихъ нашихъ новѣйшихъ трагедіяхъ. Первыя „дѣйствія суть не иное что, какъ продолжи„тельное изложеніе: дѣйствованіе начинается „только въ четвертомъ.“—Это уже слишкомъ поздно, и я не знаю ни одной изъ новѣйшихъ нашихъ трагедій, въ которой бы находилась подобная сей погрѣшность. Онъ присовокупляетъ: „пятое дѣйствіе заслу„живаетъ величайшее вниманіе. Роли Кли„темнестры и Кассандры совершенно удовле-

„творяютъ желанію.“ Правда предсказанія Кассандры прекрасны, но предвѣщанія почитаются только хорошимъ разсказомъ, а не свойствомъ.—Что касается до свойства Клитемнестры, то мнѣ кажется, что въ ономъ нѣтъ ничего терпимаго: жестокость ея возмущаетъ душу зрителя. Великое преступленіе тогда только можетъ быть представлено на театрѣ, когда оно сопряжено съ чрезмѣрною страстію, или сопровождается сильными угрызеніями совѣсти. Естьли бы Клитемнестра была столь же мучима ревностію, сколько Герміона, или честолюбіемъ, подобно Клеопатрѣ; тогда бы я могъ видѣть ея преступленіе; но въ ней не видно ни страстной любви, ни ревности, ни честолюбія. Она только желаетъ убить мужа своего, и убиваетъ. Вотъ трагедія. Она говоритъ только, что Агамемнонъ заслужилъ смерть за принесеніе дочери своей въ жертву; и повторяетъ сіе три или четыре раза. Впрочемъ душа сія, которую мысль о толь ужасномъ преступленіи должна бы по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько поколебать, не изъявляетъ ни единаго страстнаго слова, ни единаго вопля, злобу и насиліе показующаго. Нѣтъ примѣра злодѣйству съ толикимъ спокойствіемъ, и слѣдовательно съ толикимъ хладнокровіемъ совершившемуся. Она ожидаетъ мужа своего, дабы лишить его жизни, безъ малѣйшаго волненія, и по убіеніи выходитъ изъ дворца своего, дабы похвалиться предъ народомъ сѣ толикоже спокойною, колико и непоняпною наглостію. Должно выслушать самую Кли-

темнестру, дабы судить о семъ искуствѣ, которое по мнѣнію Помпиньяна, было *усовершенствовано* Эсхиломъ.

„Кто желаетъ поступить непріятельски „со врагомъ, который кажется быть другомъ, „тотъ не долженъ ли разставить ему сѣ„ти неизбѣжимыя и приготовить неот„вратимую гибель. Уже давно помышляла „я о семъ справедливомъ мщеніи: случай отк„рылся, я возпользовалась онымъ; — уже „нѣтъ Агамемнона, онъ убитъ; признаюсь въ „томъ безъ страха. Все было предъусмотрѣ„но такъ искусно, что ему не только избѣ„жать смерти, ни даже защищаться не мо„жно было. Руки его, какъ бы сѣтію, опута„ны были одеждою. Дважды поражаю его, „дважды возстенялъ, и члены его сокруши„лись; онъ падаетъ къ ногамъ моимъ, я „поражаю его еще, и сей послѣдній ударъ „низпосылаетъ его къ Плутону. — Ли„шается жизни: я обагрилась его кровію; „сія роса показалась мнѣ пріятнѣе, нежели „низпосылаемыя Юпитеромъ воды для зем„ныхъ произрастеній. Я безъ ужаса объяв„ляю мною содѣланное: одобреніе и охужде„ніе ваше для меня одинаковы. Вотъ тѣло „Агамемнона, тѣло моего супруга. Я ничего „не учинила вопреки справедливости. Я „убила его; вотъ все, что я хотѣла вамъ „сказать. „

Я не сомнѣваюсь, чтобы при семъ мѣстѣ Брюмуа не далъ обыкновеннаго своего отвѣта: *Авиняне были народъ просвѣщен-*

ный: какъ можно повѣрить, чтобы они одобрили такую нелѣпость! И онъ заключилъ бы, что есть нѣкая неизвѣстная намъ причина, которая оправдываетъ то, что кажется намъ непростительнымъ. Слѣдуя сему правилу, можно почитать все хорошимъ. Мы не будемъ далеко искать примѣра; Агличане суть безъ сомнѣнія народъ весьма просвѣщенный, но они ежедневно одобряютъ то, чего бы Французы никакъ не потерпѣли. Причинъ сему весьма много; но умствованіе Г. Брюмуа избавляетъ насъ отъ труда пріискивать оныя, а тѣмъ для насъ легче. На примѣръ, не можно ли сказать въ семъ случаѣ, что трагедія сія удостоена была награжденія по тому только, что театръ былъ, такъ сказать, еще въ полуневѣжественномъ состояніи, и еще весьма далеко не достигалъ того совершенства, до коего въ послѣдствіи времени довелъ его Софоклъ. Кому неизвѣстно, что въ то время все жестокое и злодѣйское казалось ироическимъ и великимъ? По несчастію, когда развращеніе и паденіе послѣдуютъ за образцами и раждаются отъ пресыщенія, тогда впадаютъ въ тоже злоупотребленіе, съ каковаго начали, и сіе замѣчаніе удобно можетъ быть примѣнено ко временамъ нашимъ. (*)

Въ пятомъ дѣйствіи трагедіи *Коэфоры*, коея содержаніе есть одинаково съ содержа-

---

(*) Здѣсь говорится о Франціи.

ніемъ извѣстной Французской трагедіи *Электра и Орестъ*, сей послѣдній съ таковымъ же хладнокровіемъ убиваетъ свою мать, съ каковымъ и она убила своего мужа.

Эвмениды есть третія трагедія, коея содержаніе почерпнулъ Эсхилъ такъже изъ произшествій Атридова семейства. Онъ съ точностію слѣдовалъ Исторіи въ трехъ своихъ трагедіяхъ, и именно: *въ Агамемнонѣ*, въ которой государь сей убитъ своею женою, въ *Коэфорахъ*, въ коей отмстилъ за него сынъ, въ *Эвменидахъ*, въ которой Орестъ представленъ жертвою фурій. Сія послѣдняя столь же несогласна съ нравами нашими, какъ и трагедія *Прометей*. Театръ представляетъ Эвменидъ спящихъ подлѣ Ореста во храмѣ Дельфіискомъ: Аполлонъ, покровительствовавшій сему несчастному Государю, успѣлъ усыпить ихъ, совѣтуетъ ему воспользоваться случаемъ и спастися бѣгствомъ, какъ будто Фуріи, проснувшись, уже нигдѣ бы не могли его сыскать. Какимъ образомъ согласить сіе съ баснословіемъ? какъ бы то ни было, Орестъ признаетъ совѣтъ сей весьма хорошимъ, и спасается бѣгствомъ. Приходитъ тѣнь Клитемнестры, весьма негодуетъ на спящихъ Фурій; и въ самомъ дѣлѣ не трудно было заключить, что симъ дщерямъ мрака никогда бы не надлежало предаваться сну, доколѣ есть преступники, заслуживающіе мученіе. Но онѣ были усыплены богомъ, и сонъ ихъ былъ весьма крѣпокъ, ибо Клитемнестра будитъ ихъ весьма долго. Явленіе сіе лю-

бопытно. Здѣсь прилагаю нѣкоторую часть онаго, исправно переведенную на Французской языкъ Помпиньяномъ, которую однакожъ онъ и самъ не одобряетъ.

„Внемлите жалобамъ моимъ, о божества
„ада! Внемлите Клитемнестрѣ, являющейся
„вамъ во время вашего сна.“

(*Тутъ Эвмениды храпятъ.*)

Клитемнестра.

„Вы отвѣтствуете мнѣ пустымъ шумомъ;
„добыча ваша удаляется. Вы конечно може-
„те спать спокойно, просипели васъ ни мало
„не тревожатъ.“

(*Эвмениды храпятъ.*)

„Какой глубокій сонъ! страданія мои не
„приводятъ васъ въ жалость. Но Орестъ,
„убійца матери своей, убѣгаетъ.“

(*Эвмениды храпятъ.*)

„Вы еще спите? ничто возбудить васъ
„не можетъ? Ахъ! немилосердые Фуріи! вы
„только умѣете дѣлать зло.“

(*Эвмениды храпятъ.*)

„Утомленіе и сонъ соединились вмѣстѣ
„для усыпленія сихъ жестокихъ чудовищъ.“

(*Эвмениды храпятъ, и одна изъ сихъ фурій возклицаетъ во снѣ, постой, постой, постой.*)

Вскорѣ потомъ онѣ пробуждаются и упрекаютъ себя въ своемъ нерадѣніи. Аполлонъ хочетъ изгнать ихъ изъ своего храма,

онѣ изъявляютъ ему негодованіе свое за покровительство, оказываемое имъ убійцѣ. *Юный Богъ*, говорятъ онѣ ему, *ты обманулъ старыхъ богинь*. Орестъ бѣжалъ изъ Дельфовъ въ Аѳины, и стихотворецъ третіе дѣйствіе своей трагедіи переноситъ тудаже. Сіе, какъ ясно видѣть можно, противно правилу единства. Споръ Ореста происходитъ съ Фуріями во храмѣ Минервы; но Орестъ сей совсѣмъ уже не тотъ, коего мы видѣли въ предъидущихъ дѣйствіяхъ; онъ говоритъ съ ними хладнокровно, и весьма благоразумно. Кажется, что Фуріи не причинили ему не только великаго вреда, но ниже великаго страха. Онъ проситъ у Минервы покровительства, которая низходитъ во время ихъ спора, и спрашиваетъ о причинѣ онаго. Эвмениды обвиняютъ, Орестъ оправдывается. Минерва отказывается судить такое дѣло, которое говоритъ она, *не подлежитъ суду смертныхъ;* однакожъ объявляетъ, что отдастъ оное на разсмотрѣніе судилищу, составленному изъ справедливѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ Аѳинянъ. Тутъ превозноситъ стихотворецъ похвалами сіе судилище, которое не что иное есть, какъ Ареопагъ, коего учрежденіе приписываетъ онъ Минервѣ и возвышаетъ важность его до того, что почитаетъ оное достойнымъ быть судіею боговъ и человѣковъ; ибо Аполлонъ защищаетъ передъ нимъ Ореста противъ Эвменидъ. За сію-то однакожъ трагедію хотѣли Эсхила побить каменьями: кажется, что управлять Аѳинскимъ

народомъ было весьма трудно. Заключеніе, объявляемое Аполлономъ, *что дитя есть произведеніе отца, а не матери, которая только есть хранилищемъ онаго; что сама Минерва родилась отъ одного Юпитера, а сіе и доказываетъ, что можно родиться безъ матери*, и другія симъ подобныя причины убѣждаютъ по крайней мѣрѣ половину Ареопагитовъ; ибо, когда приступлено было къ рѣшенію дѣла большинствомъ голосовъ, то число жребіевъ обѣихъ сторонъ были равны, и въ семъ случаѣ законъ оправдываетъ обвиняемаго. Такимъ образомъ Оресгъ отдѣлался, и стихотворецъ также; но должно признаться, что трагедія сія есть странное сочиненіе.

Содержаніе трагедіи *Просительницы* столь же просто, какъ и содержаніе *Эвменидъ* необыкновенно, но ни въ одной изъ двухъ сихъ трагедій нѣтъ театральнаго дѣйствія. *Просительницы* сіи суть сорокъ дочерей Даная, оставившія Египетъ, дабы избавиться отъ замужства съ сыновьями Эгиптуса: онѣ приходятъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ просить Пелазга, царя Аргоскаго, чтобы далъ имъ убѣжище. Цѣлыя три дѣйствія проходятъ только въ томъ, что онѣ стараются узнать, приметъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Въ четвертомъ онъ соглашается на ихъ прозьбу. Въ пятомъ прибываетъ посланный отъ Эгиптуса съ требованіемъ, что бы онѣ возвращены были въ Египетъ. Царь Аргоскій отказываетъ, и онѣ остаются у него. Можно ли почесть сіе за трагедію?

Содержаніе *Седмй Вождей* могло составить болѣе одной трагедіи. Оно извлечено изъ Ѳиваиды, которую описывали многоразличными образами, но безъ всякаго успѣха. „Можно сказать (говоритъ Помпиньянъ), что „въ сей трагедіи нѣтъ дѣйствующихъ лицъ. „Этеоклъ является только для того, что бы „послушать разсказовъ, бранить женщинъ и „изъяснять надписи. Исмена и Антигона „приходятъ на театръ уже послѣ битвы и „смерти обѣихъ братьевъ; но въ поэмѣ сей „находятся двѣ невидимыя особы, которыя „наполняютъ ее отъ начала до конца, *Страхъ* „и *Жалость*;“ и въ самомъ дѣлѣ весьма невидимыя; ибо признаюсь, что я ихъ никакъ въ оной не вижу. Но трагедія сія заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, великія красоты въ описаніяхъ. Хоры, въ коихъ Эсхилъ наиболѣе былъ искусенъ, принадлежатъ къ отмѣнному стихотворенію. Осада Ѳивъ конечно долженствовала быть произшествіемъ для Грековъ весьма важнымъ, но осада можетъ привлечь вниманіе наше только въ то время, когда осаждающіе и осаждаемые находятся взаимно въ трудныхъ и соучастіе возбуждающихъ положеніяхъ. Но когда дѣло идетъ только о томъ, что бы знать, будетъ ли городъ взятъ или нѣтъ, и кто будетъ царствовать, Этеоклъ или Полиникъ, изъ коихъ первый даже и не появляется на театръ, да и другой хорошо бы сдѣлалъ поступивъ такимъ же образомъ; тогда нѣтъ ни страха, ни жалости. Нѣкоторыя избранныя мѣста, въ

сихъ продолжительныхъ разсказахъ, и длинныхъ описаніяхъ находящіяся, могутъ подать понятіе какъ о слогѣ сочинителя, такъ и о родѣ красотъ, которыхъ въ трагедіи наши внесть было бы неудобно. Приятно ли бы намъ было, когда бы изчисленіе вождей, осаждавшихъ Ѳивы и описаніе ихъ оружія наполняли собою цѣлое дѣйствіе? Однакоже Эсхилъ сіе сдѣлалъ, и притомъ еще въ третьемъ дѣйствіи трагедіи, что для насъ было бы еще страннѣе. Здѣсь предложимъ ходъ сего дѣйствія. Одинъ изъ Ѳивскихъ военныхъ чиновниковъ доноситъ Этеоклу о разположеніи осаждающихъ войскъ. Положено было сдѣлать нападеніе на каждые ворота города Ѳивъ, и каждымъ отрядомъ войскъ долженъ управлять одинъ изъ вождей союзныхъ съ Полиникомъ. Какъ скоро вѣстникъ кончитъ описаніе котораго нибудь изъ помянутыхъ вождей, то хоръ проситъ боговъ о низпосланіи помощи; Этеоклъ назначаетъ Ѳивянина, на коего возложено будетъ отразить нападеніе; и таковыя подробныя описанія, семь разъ сряду поставленныя, наполняютъ собою цѣлою дѣйствіе; мы не охотно бы позволили помѣстить ихъ и въ одномъ явленіи. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ (*).

(*) Г. Лагарпъ, разбирая сочиненія Греческихъ и Латинскихъ древнихъ стихотворцевъ, сужденія свои объ оныхъ подкрѣпляетъ примѣрами, переведенными на языкъ Французскій

Α γ γ ε λ ο ς.

Τυδεὺς μὲν ἤδη πρὸς πύλαισι προιτίσι
Βρέμει, πόρον δ' Ἰσμηνὸν οὐκ ἐᾷ περᾶν
Ο μάντις· οὐ γὰρ σφάγια γίνεται καλά.
Τυδεὺς δὲ μαργῶν, καὶ μάχῃ λελιμμένος,
Μεσημβριναῖς κλαγγαῖσιν ὡς δράκων βοᾷ·
Θέναρ δ' ὀνείδει μάντιν Οἰκλείδην σοφὸν,
Σαίνειν μόρον τὲ καὶ μάχην, ἀψυχίᾳ·
Τοιοῦτ' ἀϋτῶν, τρεῖς κατασχίσς λόφς
Σείει, κράνς χαίτωμ', ὑπ' ἀσπίδος δὲ τῷ
Χαλκήλατοι κλάζσι κώδωνες φόβον·

или стихами или прозою. Сличая переводъ сей съ Греческими и Латинскими стихами, замѣтилъ я, что оный во многихъ мѣстахъ нѣсколько отступаетъ отъ подлинника, а потому и не можетъ подать истиннаго понятія о слогѣ сочинителя. Предписанная стихамъ мѣра, риѳма, стихотворческое сладкогласіе и словорозположеніе, каждому языку особенно свойственныя не рѣдко заставляютъ переводчика употреблять слова излишнія, или изключать изъ подлинника необходимо нужныя, и слѣдовательно говорить не то, или не такъ сильно и кратко, какъ выражаетъ сочинитель. Одинъ изъ Словесниковъ нашихъ переводя изъ Лагарпа статью о краснорѣчіи, замѣтилъ сіе и сказалъ весьма справедливо: *что стихи, писанные на чужомъ языкѣ, которыхъ показываются красоты и погрѣшности, перевесть стихами иже на другой языкъ, выразя тужъ самую красоту, или тужъ самую погрѣшность, есть не токмо трудное, но и совсѣмъ невозможное дѣло. Даже и переводъ прозою требуетъ на нѣкото-*

ВѢСТНИКЪ.

Уже Тидей у Претовыхъ вратъ
Свирѣпствуетъ, но предсказатель запрещаетъ
Ему переходить рѣку Исменъ;
Ибо внутренности жертвъ добра не предвѣщаютъ.
Но Тидей, неистовый и войны алкающій Тидей,
Шипитъ, какъ змій, полуденнымъ зноемъ разпаленный.
Укоряетъ мудраго Эклидскаго предсказателя,
Что онъ боится смерти, и малодушенъ во брани.
Говоря сіе, трясетъ тремя густыми
Перьями, шлемъ его украшающими, а отъ щита,

рыя мѣста или выраженія особливыхъ изтолкованій. Чего ради лучше лишить ихъ стихотворческаго сладкогласія, нежели затемнить и вовся сокрыть въ нихъ то, о чемъ разбиратель оныхъ разсуждаетъ. Чтобъ истинну сію сдѣлать ощутительнѣе, я помѣстилъ здѣсь переводъ двухъ примѣровъ изъ Эсхиловой трагедіи *Седмь Вождей при Ѳивахъ*, на Россійскомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, изъ коихъ послѣдній, переведенный стихами и напечатанный въ Ликеѣ Г. Лагарпа, довольно много отходитъ отъ подлинника, можетъ быть только потому, что онъ сдѣланъ стихами. Во избѣжаніе таковаго неудобства я буду какъ Греческіе и Латинскіе, такъ и Французскіе примѣры, во второй и въ третьей части сего Ликея приведенные, переводить прозою, присовокупляя внизу и самый подлинникъ, придерживаясь сколько возможно ближе къ оному.

Прилѣжаніе переводившаго.

Ἔχει δ' ὑπέρφρον σῆμ' ἐπ' ἀσπίδος τόδε,
Φλέγον θ' ὑπ' ἄστροις εὐρένει τετυγμένον·
Λαμπρὰ δὲ πανσέληνος ἐν μέσῳ σάκει,
Πρέσβιστον ἄστρων, νυκτὸς ὀφθαλμὸς, πρέπει.
Τοιαῦτ' ἀλύων ταῖς ὑπερκόμποις σαγαῖς,
Βοᾷ παρ' ὄχθαις ποταμίαις μάχης ἐρῶν·
Ἵππος χαλινῶν δ' ὡς κατασθμαίων, μένει,
Ὅστις βοὴν σάλπιγγος ὀρμαίνει μένων.
Τίν' ἀντιτάξεις τῷδε;

NUNTIUS.

Tydeus quidem jamjam apud portas Proetides
Fremit, sed Ismeni vadum transire non patitur
Vates; haud enim pulchra sunt exta.
At Tydeus furens et pugnae cupidus
Vociferatur, uti serpens colore meridiano excitus.
Incessit vero probris vatem Oeclidem sapientem,
Adulari (dicit eum) mortem, et pugnam excordia.
Talia vociferans cristas tres umbratiles
Quatit, cassidis capillitium, ab hujus clypeo,
Aereae clangunt terrorem tubae.
Habet vero superbum hoc insigne in scuto,
Flammans ab astris coelum fabricatum,
Splendidumque plenilunium in scuto medio
Venerandissimum siderum, noctis oculus, conspicuum est.
Talia fastidiosus magnificis armamentis
Clamat apud ripas fluminis pugnam expetens.
Velut equus autem stat contra fraena insaniens,
Qui clangorem tubae expectans concitatur.
Quemnam huic oppones?

Переводъ сегоже мѣста Французскими стихами.

Le terrible Tidée, aux bords d'Isménus,
Menace en frémissant la port de Prétus.

Какъ бы отъ мѣдяныхъ трубъ, грозный звукъ происходитъ.

На немъ имѣетъ онъ сіе прекрасное изображеніе:
Небо, звѣздами горящее,
Посреди начертана свѣтло-полная луна,
Сіе достойное уваженія свѣтило, око нощи.
Такъ вы ми велелѣпными оружіями гордящійся
Тидей вопіетъ на брегѣ рѣки, требуя сраженія:
Подобно коню, на бразды свои свирѣпѣющему,
Который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ трубнаго гласа.

Кого противупоставишь ему?

Читая сіе кажется, что читаешь Иліаду, и самая эпическая поэма не имѣетъ другаго слога. Этеоклъ противуставитъ Тидею Меланиппа, сына Астакова. Вѣстникъ продолжаетъ свое повѣствованіе.

Le fleuve vainement s'oppose à son passage;
Vainement le devin que trouble un noir présage,
Veut arrêter ses pas en attestant les dieux:
Le guerrier, tel qu'on voit un serpent furieux
Dont le feux du midi sur un brûlant rivage,
Embrâsent les poisons et réveillent la rage,
Le guerrier du devin accuse la frayeur;
Il méprise un augure, il insulte à la peur,
Il agite en parlant trois aigrettes flottantes,
De son casque d'airain parures menaçantes,
Frappe et fait retentir son vaste bouclier,
Industrieux ouvrage, où brille sur l'acier
Cet astre, oeil de la nuit, qui décrit sa carriere
Dans des cieux étoilés que remplit sa lumiere.
Ainsi marche au combat ce guerrier orgueilleux:
Un lance à la main, et le feu dans les yeux,

Αγγελος (*).

Καπανεὺς δ' ἐπ' ἠλεκτραισιν εἵληχεν πύλαις
Γίγας ἕδ' ἄλλος τοῦ πάρος λελεγμένου
Μείζων, ὁ κόμπος δ' οὐ κατ' ἄνθρωπον φρονεῖ,
Πύργοις δ' ἀπειλεῖ δεινά, ἃ μὴ κράνοι τύχη·
Θεοῦ τε γὰρ θέλοντος ἐκπέρσειν πόλιν
Καὶ μὴ θέλοντος φησίν, οὐδὲ τὴν Διὸς
Εριν πέδῳ σκήψασαν ἐκποδὼν σχεθεῖν.
Τὰς δ' ἀσπαστάς τε καὶ κεραυνίους βολὰς
Μεσημβρινοῖσι θάλπεσι πρεσείκασεν·
Εχει δὲ σῆμα, γυμνὸν ἄνδρα πυρφόρον,
Φλέγει δὲ λαμπὰς διὰ χερῶν ὡπλισμένη.
Χρυσοῖς δὲ φωνεῖ γράμμασι, πρήσω πόλιν.
Τοιῷδε φωτὶ πέμπε, τίς ξυσήσεται,
Τίς ἄνδρα κομπάζοντα μὴ τρέσας μενεῖ;

Il appelle à grands cris la guerre et le carnage;
Samblable au fier coursier, qui bouillant de courage
Entend bruire de Mars les affreux instrumens,
Et répond à ce bruit par des hennissemens, etc.

(*) *Переводъ сихъ стиховъ Латинскою прозою.*

Capaneus vero Electras portas sortitus est.
Gigas hic alius, eo quem modo dixi
Major: et fastus haud hominem sapit.
Turribus minatur atrocia, quae non perficiant fata.
Nam deo lubente se expugnaturum urbem
Et non lubente ait: neque jovis

ВѢСТНИКЪ.

Противу вратъ Электриныхъ стоитъ Капаней,
Сей еще огромнѣйшій Тидея исполинъ,
Въ надменности почитаетъ себя превыше человѣка.
Грозитъ стѣнамъ, коихъ и жестокія судьбы не разрушатъ.
Грозитъ овладѣть градомъ, угодно или неугодно
Будетъ то богамъ; ниже гнѣвъ Юпитера,
На него нападшій, не остановитъ его.
Молнію и громъ почитаетъ парами,
Полуденнымъ зноемъ произведенными.
На щитѣ его изображенъ человѣкъ обнаженный,
Огненосный, въ вооруженной рукѣ его
Пылаетъ пламенникъ. Въ надписи, изъ златыхъ
Буквъ, онъ говоритъ: *сожгу городъ.*
Пошли ему сопротивника: но кто съ нимъ сразится!
Кого не устрашитъ сей надменный исполинъ?

Видно, что употребленіе воинственныхъ надписаній существовало за долгое время

---

435 Iram in solum irruentem moraturum.
Fulgura vero et fulmineos ictus
Meridianis assimilavit caloribus.
Insigne autem habet, virum nudum igniferum,
Cui armata in manu fax ardet.
400 Aureis vero dicit literis: comburam urbem.
Huic viro tali mitte aliquem; sed quis cum eo congredietur?
Quis virum superbientem non timens manebit?

Переводъ Французскій.

A la porte d'Electre, aux assauts destinée,
S'éleve comme un roc l'énorme Capanée;

до новѣйшаго рыцарства. Этеоклъ намѣревается послать Полафонта противу Капанея, а Θивянинъ продолжаетъ свое повѣствованіе.

Безмѣрной величины Иппомедонъ,
Стоя при врашахъ Минервы, вопіетъ ужасно.
Онъ машетъ огромнымъ своимъ щитомъ;
Ужасъ обѣялъ меня; говорю тебѣ сущую правду.
Художникъ изобразилъ на семъ щитѣ
Тифона, изъ пламенныхъ устъ своихъ
Черный дымъ изрыгающаго.
Округлость выпуклаго щита
Увита изгибистыми зміями.
Иппомедонъ страшный производитъ вопль,
Онъ дышетъ только войною.
Взорами своими наноситъ ужасъ,
Подобно упоенной виномъ Вакханткѣ, и проч.
. . . . . .
У пятыхъ вратъ, у гробницы Амфіона,

Et que puissent les cieux, prompts à vous exaucer,
Détourner les malheurs qu'il vous ose annoncer!
Nul mortel ne saurait égaler sa stature.
Audacieux géant qu'aggrandit son armure,
Il jure que nos tours tomberont sous son bras,
Que les dieux conjurés ne nous sauveraient pas.
D'une voix sacrilège, il défie, il blasphême,
L'Olympe, le Destin, et Jupiter lui-même.
Il ose se vanter qu'en vain ce dieu jaloux
Armerait contre lui son foudroyant courroux.
Pour lui tout ce fracas qui fait trembler la terre,
N'est rien que du midi la vapeur passagere.
Pour jeter plus d'effroi, son bouclier d'airain
Presente un homme nud, la torche dans la main,
Et ces sinistres mots, j'embrâserai la ville.
Contre un tel ennemi vous sera-t-il facile
De trouver un guerrier prêt à se mesurer?
Qui l'osera combattre?

Сына Юпитерова, стоитъ юный Парѳенопъ.
Надъ копіемъ, который чтитъ онъ
Выше всякаго божества,
Клянется погубить градъ Кадмовъ,
Хотя бы то было и противу воли Дія.
Тако вопіетъ мужественный отрокъ,
Прекрасный сынъ живущія на горахъ Нимфы.
На ланитахъ его едва показывается пушокъ,
Признакъ начинающейся зрѣлости лѣтъ:
Но нравъ имѣетъ жестокій и юнымъ лѣтамъ
Неприличный; въ очахъ его видна свирѣпость;
Съ надменностію грозитъ вратамъ нашимъ.
На мѣдномъ и кругообразномъ щитѣ
Начертанъ всепожирающій Сфинкъ,
Стыдъ и поношеніе нашего града (*), и проч.

Мѣста сіи показываютъ намъ истинный слогъ эпопеи. Теперь увидимъ слогъ при-

---

(*) Τέταρτος ἄλλος, γείτονας πύλας ἔχων
Ογκας Αθάνας, ξὺν βοῇ παρίσταται,
Ιππωμέδοντος σχῆμα, καὶ μέγας τύπος·
Αλλω δὲ πολλὴν [ἀσπίδος κύκλον λέγω]
Εφριξα δινήσαντος· οὐκ ἄλλεις ἐρῶ.
Ο σηματουργὸς δ' οὐ τὶς εὐτελὴς ἄρ' ἦν,
Οσις τόδ' ἔργον ὥπασε πρὸς ἀσπίδι,
Τυφῶν' ἔεντα πυρπνόον διὰ στόμα
Λιγνὺν μέλαιναν, αἰόλην πυρὸς κάσιν·
Οφεων δὲ πλεκτάναισι περίδρομον κύτος
Προσηλάφισται κοιλογάστορος κύκλου.
Λυτὸς δ' ἐπηλάλαξεν, ἐνθεος δ' ἄρην
Βακχᾷ πρὸς ἀλκὴν, θυὰς ὡς, φόβον βλέπων.
. . . . . .
. . . . τὸν δὲ πέμπτον αὖ λέγω,

личный одѣ. Хоръ составленъ изъ купы юныхъ дѣвъ Ѳивскихъ: бывъ устрашены ужасными послѣдствіями войны и участію, имъ угрожавшею, ежели Ѳивы впадутъ во власть побѣдителей, онѣ возсылаютъ моленіе свое къ богамъ:

Весь умъ нашъ объятъ смятеніемъ и страхомъ;
Близкія напасти
Наполняютъ сердце ужасомъ.
Враги окружили наши стѣны.
Мы страшимся ихъ,
Какъ несчастная мать,
Нѣжная голубица
Боится дракона,
Что бы не пожралъ
Малыхъ ея птенцовъ,

Πέμπταισι προσταχθέντα Βορραίαις πύλαις,
Τύμβον κατ' αὐτὸν διογενοῦς Ἀμφίονος·
Ὀμνυσι δ' αἰχμὴν, ἣν ἔχει, μᾶλλον θεοῦ
Σέβειν πεποιθὼς, ὀμμάτων δ' ὑπέρτερον,
Ἢ μὴν λαπάξειν ἄξυ καδμείων βίᾳ
Διός· τόδ' αὐδᾷ μητρὸς ἐξ ἐρεσκόου
Βλάσημα καλλίπρωρον, ἀνδρώπαις ἀνήρ.
Στείχει δ' ἴουλος ἄρτι διὰ παρηίδων,
Ὡρας φυούσης, ταρφὺς ἀντέλλουσα θρίξ.
Ὁ δ' ὠμὸν, οὔτι παρθένον ἐπώνυμον,
Φρόνημα, γοργὸν δ' ὄμμ' ἔχων, προσίσταται.
Οὐ μὴν ἀκότπαιστός γ' ἐφίσταται πύλαις·
Τὸ γὰρ πόλεως ὄνειδος ἐν χαλκηλάτῳ
Σάκει, κυκλωτῷ σώματος προβλήματι,
Σφίγγ' ὠμόσιτον προσμεμηχανευμένην . . . .

Еще въ гнѣздѣ сидящихъ.
Въ безчисленномъ множествѣ
И отовсюду приступаютъ
Враги къ стѣнамъ нашего града.
Что съ нами будетъ?
Отовсюду мещутъ тяжкіе кимни.
О милосердые боги!
Защитите воинство и градъ,
Кадмомъ сооруженный.
Гдѣ найдете лучшую сея страну,
Ежели предадите непріятелямъ
Сію изобильную землю;
Воды для здравія полезнѣйшія,
Нежели всѣ прочія рѣки,
Нептуномъ по землѣ проліянныя.
Боги градохранители,
Наведите на враговъ нашихъ у
Сокрушите ихъ оружіе;
О спасители Ѳивъ!
Внемлите плачевнымъ
Моленіямъ нашимъ,
Вознесите нашу славу,
И пріимите жертву благо
Какое плачевное зрѣли
Вадѣть разрушеніе
Сего древняго пресло
Марсовымъ пламенем
Недостойно превра
Видѣть плѣнныхъ
Въ раздранныхъ ру
Подобно безсловесы
За власы влекомыхъ
Какое смятеніе, како
Ты оплакиваешь оп
Страшимся сихъ у
Ахъ! коль жесток
Коимъ бракъ приг
Оставить жилищ

И быть плѣнницами въ странѣ ненавистной,
Лучше умереть,
Нежели подвергнуться толь несносной участи.
Градъ сей, когда враги одолѣютъ его,
Претерпитъ величайшія бѣдствія.
Одинъ похищаетъ свою добычу,
Другой въ пепелъ превращаетъ домы:
есь градъ покрывается дымомъ.
умолимый Марсъ повсюду свирѣпствуетъ,
акихъ законовъ не знаетъ.
бѣгаетъ онъ по граду;
мъ шествуетъ хищеніе и убійство.
порятся о раздѣлъ добыча
е и размешанные дары Цереры
ъ ратниковъ.
льницы служатъ имъ (*), и проч.

Βῳ δ' οὐχ ὑπνώσσει κέαρ·
μέριμναι

ων

cus

Въ четвертомъ дѣйствіи приносятся на театръ окровавленныя тѣла Этеокла и Полиника, лишившихъ другъ друга жизни; случай сей представляетъ конечно прекрасное и весьма чувствительное явленіе, но

Ποῖον δ' ἀμείψεθε γαίας πέδον
Τᾶσδ' ἄρεσαι, ἐχθροῖς ἀφέντες
Τὰν βαθύχθον' αἶαν,
Ὑδῶρ τὲ διῤῥαῖον εὐ-
Τρεφὲς ἔσσατον πομάτων
Οσων ἵησι Ποσει-
δῶν ὁ γαιάοχος
Τηθύος τὲ παῖδες;
Πρὸς τάδ' ὦ πολιοῦχοι
Θεοὶ, τοῖς μὲν ἔξω
Πύργων, ἀνδρολέτειραν
Καὶ τὰν ξίψοπλον ἄταν
Εμβαλόντες, ἄρεισθε
Κῦδος· τοῖς δὲ πολίταις
Καὶ πόλεως ῥητῆρες
Εὔεδροι τε ϛάφητε,
Οξυγοίοις λιταίσιν.
Οἴκτρον γὰρ, πάλιν, τήνδ' ὠγυγίαν
Αἰδι προϊαψαι, δορὸς ἄγραν,
Δουλείαν ψαφαρᾷ σποδῷ
Υπ' ἀνδρὸς ἀχαιοῦ θεόθεν
Περθομένην ἀτίμως,
Τὰς δὲ κεχειρωμένας ἄγεσθαι,
Ε ἔ ἔ νεας τε καὶ παλαιὰς
Ιππηδὸν πλοκάμων,
Περιεῤῥηγμένων φαρέων.
Βοᾷ δ' ἐκαινόμενα πόλις,

оное въ наши времена было бы приличнѣе употреблено въ оперѣ, нежели въ трагедіи. Хоръ Ѳивянъ, а потомъ сестры сихъ князей, Исмена и Антигона оплакиваютъ попеременно злодѣяніе, неистовство и смерть двухъ братьи-

---

Λαίδος ὀλυμένας μιξοθρόϑ·
Βαρείας τοι τύχας προταρβῶ
Κλαυτὸν δ' ἀρτιτρόποις, ὠμοδρόπων
Νομίμων προπάροιθεν διαμεῖψαι
Δωμάτων στυγερὰν ὁδόν.
Τί; τὸν φθήμενον γὰρ προλέγω
Βέλτερα τῶνδε πράσσειν.
Πολλὰ γὰρ εὖτε πόλις δαμασθῇ, (ἔ' ἔ)
Δυστυχῇ τε πράσσει.
Ἄλλος δ' ἄλλον ἄγει,
Φονεύει, τὰ δὲ καὶ πυρφορεῖ·
Καπνῷ δὲ χραίνεται πόλισμ' ἅπαν.
Μαινόμενος δ' ἐπιπνεῖ λαοδάμας
Μιαίνων εὐσέβειαν Ἄρης.
Κορκοργαὶ δ' ἀνὰ ἄσυ,
Ποτὶ πτόλιν δ' ὀρκάνη πυργῶτις.
Πρὸς ἀνδρὸς δ' ἀνὴρ δορὶ καίνεται·
Βλαχαὶ δ' αἱματόεσσαι
Τῶν ἐπιμασιδίων
Ἀρτιτρεφεῖς βρέμονται.
Ἁρπαγαὶ δὲ διαδρομᾶν ὁμαίμονες·
Ξυμβολεῖ φέρων φέροντί,
Καὶ κενὸς κενὸν καλεῖ,
Ξύννομον θέλων ἔχειν,
Οὔτε μεῖον, οὔτ' ἴσον λελημμένος.
Τίν' ἐκ τῶνδ' εἰκάσαι λόγος πάρα;
Παντοδαπὸς δὲ καρπὸς

евъ, коихъ трупы лежатъ предъ ихъ глазами. Сіе почесть можно нѣкоторымъ родомъ оды, въ видѣ разговора между двумя лицами, жалобу и сожалѣніе изъявляющими въ прекрасныхъ стихахъ, и весьма способнаго для музыки, которая при семъ случаѣ была бы здѣсь помѣщена весьма кстати; но все то, что останавливаетъ и замедливаетъ дѣйствованіе, почитается важною погрѣтностію въ трагедіи, и въ семъ-то находится недостатокъ сего явленія, которое слишкомъ продолжительно, и въ коемъ часто повторяется одна и таже мысль, хотя и различными, однакожъ всегда стихотворческими, образами. Впрочемъ сочинитель никакой не имѣлъ причины сокращать оную; ибо трагедія почти кончена; пятое дѣйствіе не заключаетъ ничего болѣе, кромѣ запрещенія предавать погребенію тѣло Полиника, умершаго сражаясь противъ своего отечества. Итакъ мнѣ остается только, для окончанія выписки изъ сей трагедіи, сообщить здѣсь переводъ упомянутаго мною явленія.

Χαμάδις πεσὼν ἀλγύνει κυρήσας.
Πικρὸν δ' ὄμμα θαλαμηπόλων·
Πολλὰ δ' ἀκριτόφυρτος
Γᾶς δόσοις οὐτιδανοῖς
Δμῳίδες δὲ καινοπήμονες νέαι
Εν ῥοθίοισι φυρεῖται.
Τλήμονες εὐνὰν αἰχμάλωτον
Ανδρὸς εὐτυχοῦντος, ὡς
Δυσμενοῦς ὑπερτέρου.

Хоръ первый. (*)

О безразсудные братья ! О князи достойные слезъ!
Отвративъ слухъ отъ дружескихъ совѣтовъ,
Вы насыпили неукротимую свою ненависть ;
И оба содѣлались предметомъ сожалѣнія.

Хоръ вторый.

Они довершили паденіе своего дома ;
Они не измѣнили гибельному своему происхожденію.

Хоръ первый.

Несчастные! Единый мечъ могъ примирить васъ;
Единый мечъ могъ рѣшить ваши распри.
Эвменида со всемъ родомъ вашимъ неразлучная,
Находилась при Эдипѣ, она слышала его негодованіе,
Когда обоихъ сыновей своихъ предавалъ проклятію:
Она совершила кровожаждущія его угрозы.

(*) *Premier Choeur.*

O freres insensés ! ô princes déplorables !
Sourds aux conseils de l'amitié,
Vous avez assouvi vos haines implacables,
Et vous voila tous deux un objet de pitié.

Second Choeur.

Ils ont de leur famille achevé la ruine ;
Ils n'ont point démenti leur fatale origine.

Premier Choeur.

Malheureux ! le fer seul a pu vous accorder ;
Le fer de vos débats seul a pu décider.
L'Eumenide attachée à toute votre race ,
Etait auprès d'Oedipe , elle entendait ses cris,
Quand il a maudit ses deux fils :
Elle vient d'accomplir sa sanglante menace.

Хоръ второй.

Мечъ пронзилъ ихъ сердце:
Видите глубокія ихъ раны.

Хоръ первый.

Кровь обагрила ихъ оружіе;
И умирающія уста ихъ изпускаютъ ярость и неистовство.

Хоръ второй.

Убивая другъ друга,
Они оба изпускали неистовые крики.

Хоръ первый.

Казалось, что оба они сражаясь
Были окружены проклятіемъ своего родителя.

Second Choeur.

Le fer est descendu jusqu'au fond de leur coeur:
Voyez leurs profondes blessures.

Premier Choeur.

Le sang inondait leurs armures;
Et leur bouche mourante exhalait leurs fureurs.

Second Choeur.

Tous deux en immolant un frere,
Ils poussaient des cris forcenés.

Premier Choeur.

Tous deux en combattant semblaient environnés
Des maledictions d'un pere.

Хоръ вторый.

Башни града облечены въ черное одѣяніе, стѣны
наши рыдаютъ;
Цари наши пали! и Ѳивы проливаютъ слезы;
Престолъ вооружилъ руку сихъ двухъ непріятелей;
Земля даетъ имъ послѣднее жилище.

Хоръ первый.

Другіе вступятъ на сей ненавистный престолъ,
О которомъ наистовые князьи сіи долгое время
спорились.
Мечъ, могущественный судія ихъ распри,
Далъ имъ равные удѣлы.

Хоръ вторый.

Изъ всего обширнаго ихъ царства достанется имъ
Единое только мѣсто, гдѣ тѣла ихъ погребены
будутъ.

Second Choeur.

Le deuil noircit nos tours, et nos murs ont gémi.
Ils sont tombés nos rois, hélas! et Thebes pleure;
Le trône armait le bras de ce couple ennemi,
La terre ouvre à tous deux leur dérniere demeure.

Premier Choeur.

D'autres hériteront de ce tron odieux,
Qu'a long tems disputé leur rage.
Le fer, de leur querelle arbitre imperieux,
Leur a fait un égal partage.

Second Choeur.

Tous deux n'auront de leurs pays
Que la place ou leurs corps seront ensevelis.

Хоръ первый.

Ахъ! несчастнѣйшая изъ матерей;
Мать и супруга своего сына,
Родившая сихъ кровожаждущихъ сыновей для того
только,
Чтобы пребыли вѣчными между собою врагами!

Хоръ второй.

Надменные соперники, коихъ и сама природа не
могла примирить!
Сія кровь, изъ нечистаго источника почерпнутая,
Сія кровь вами пролитая,
Теперь вопреки вашихъ желаній смѣшивается,
сливается вмѣстѣ.

Хоръ первый.

Проклятое произведеніе земли,
Сей истребительный металлъ,

Premier Choeur.

Ah! malheureuse entre les meres,
La mere, épouse de son fils,
Qui mit au jour hélas! ces deux fils sanguinaires,
Pour être à jamais ennemis!

Second Choeur.

Fiers rivaux que n'a pu réunir la nature.
Ce sang qui fut puisé dans une source impure,
Ce sang répandu par vos coups,
Se mêle en s'écoulant, se confond malgré vous.

Premier Choeur.

De la terre exécrable ouvrage,
Ce métal exterminateur,

Желѣзо, даръ, бѣшенству принесенный,
Марсъ, неумолимый мстишель!
Вы такимъ образомъ раздѣлили гибельное наслѣдство,
Которое Эдипъ въ ярости своей оставилъ дѣтямъ своимъ.

Хоръ второй.

Они чувствовали прелести величія,
Они искали власти, сокровищъ.
Теперь въ нѣдрахъ земли находятъ они богатства;
И царство свое нашли въ преисподней.

Хоръ первый.

Эвменида въ ту самую минуту,
Когда мечъ пресѣкъ нить ихъ жизни,
Изпустила пронзительный вопль съ вершины нашихъ башенъ,
И пѣла плачевныя пѣсни.

Le fer, présent fait à la rage,
Mars impitoyable vengeur,
Ont ainsi partagé le funeste héritage,
Qu' Oedipe à ses enfans laissa dans sa fureur.

Second Choeur.

De la grandeur ils ont senti l'ivresse,
Ils ont brigué le pouvoir, les trésors.
Dans le sein de la terre ils trouvent leur richesse,
Et leur royaume est chez les morts.

Premier Choeur.

L'Eumenide, au sein des ténebres,
Au moment où le glaive a terminé leurs jours,
Poussa des cris aigus au sommet de nos tours,
Et lamenta des chants funebres.

Хоръ второй.

При вратахъ града, при нашихъ стѣнахъ,
Ате́я, грозная, неумолимая Ате́я
Поставила ужасный свой трофей,
И взоры свои устремила на сражавшихся.
Она видѣла ихъ смерть, такъ какъ и беззаконіе ихъ;
И сими жертвами довольна.

Исме́на.

Полиникъ!

Антигона.

Этеоклъ!

Исмена.

О тщетныя желанія!

Антигона.

Они другъ друга поражаютъ и лишаются жизни!

Second Choeur.

Aux portes de la ville, au pied de nos remparts,
Até, ménaçante, infléxible,
Vint asseoir son trophée horrible,
Et sur les combattans attacha ses regards.
Elle vit leurs trépas comme elle vit leurs crimes,
Et resta satisfaite auprès de ses victimes.

Ismene.

Polynice!

Antigone.

Etéocle!

Ismene.

O voeux toujours trompés!

Antigone.

Tous deux frappent et sont frappés.

Исмена.

Кровь возстаетъ на кровь!

Антигона.

Братъ на брата!

Исмена.

Ахъ! бѣдствія меня удручаютъ.

Антигона.

Очи мои непрестанно точить будутъ слезы.

Исмена.

Несчастія соединили насъ толикожъ, какъ и сама природа.

Ismene.

Le sang contre le sang!

Antigone.

Le frère contre le frère!

Ismene.

Ah! je succombe à ma misère.

Antigone.

D'intarissables pleurs mes yeux seront trempés.

Ismene.

Le malheur nous unit autant que la nature.

Антигона.

О небо! гдѣ будутъ погребены ихъ тѣла?

Исмена.

Несчастные соперники! гдѣ получите знаменитыя
По́чести, вамъ предопредѣленныя?

Антигона.

Въ какомъ мѣстѣ сея страны?

Исмена.

Во гробѣ нашихъ царей.

Антигона.

Подлѣ ихъ родителя, и проч.

Antigone.

Ciel! où sera leur sépulture?

Ismene.

Où donc recevrez-vous, rivaux infortunés,
Les suprêmes honneurs qui vous sont destinés?

Antigone.

En quel endroit de cette terre?

Ismene.

Au tombeau de nos rois.

Antigone.

A côté de leur pere, *etc.*

Наконецъ дошли мы до одного сочиненія Эсхилова, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, кои сохранились до временъ нашихъ, въ коемъ находятся красоты истинно трагическія и театральныя; подъ симъ разумѣю Трагедію *Коэфоры*, слово сіе означаетъ *носительницы жертвенныхъ возліяній*, потому что хоръ составленъ изъ невольницъ, носящихъ сосуды и дары, при погребеніяхъ приносимые. Трагедія сія не есть первая, которой дано названіе по имени хора. Трагедія Эврипидова *Финикіянки*, коея содержаніе есть Ѳиваида, названа такъ потому, что хоръ составленъ изъ женъ Финикійскихъ, и Софоклова трагедія *Трахинянки*, коея содержаніе есть смерть Геркулесова, получила также наименованіе свое отъ женщинъ Ѳессалійскаго города *Трахина*, въ коемъ происходитъ дѣйствіе. Дѣйствіе жъ *Коэфоровo* совершается въ Аргосѣ. Ея содержаніе составляетъ мщеніе Электры и Ореста за убіеніе Агамемнона, матерію ихъ Клитемнестрою. Сей поступокъ, многократно служившій содержаніемъ для новѣйшихъ стихотворцевъ, не меньше возбуждалъ соревнованіе и между древними. Онъ былъ предметомъ соперничества между Эсхиломъ, Эврипидомъ и Софокломъ. Тогда не существовало сей странной и отвратительной несправедливости, почитать за преступленіе трудиться надъ предметомъ, описаннымъ уже другимъ сочинителемъ. Сіе благородное соперничество не было принимаемо за подлую зависть, и Греки, преданные удовольствіямъ, не охуж-

дали приготовлявшихъ имъ новыя увеселенія. Пространное поле искуствъ всѣмъ отверзто; никоторая часть онаго не принадлежитъ изключительно тому, который первый воздѣлывалъ оную, и даже слези самаго Генія, сколь бы онѣ ни были почтенны, не содѣлываютъ святотатцемъ шествующаго по тому же самому пути.

Впрочемъ *Коэфоры* есть трагедія также не совсѣмъ совершенная, но ея содержаніе есть драматическое; въ ней является уже нѣкоторое понятіе о театральномъ дѣйствованіи. Эсхилъ первый вздумалъ ввести въ трагедію Ореста, извѣщающаго ложно о собственной своей смерти: изобрѣтеніе сіе весьма удачно, и ему многіе послѣдовали. Но впрочемъ въ сей трагедіи находится мало искуства. Благодарность брата и сестры нисколько не выдержана. Электра въ то время, когда видитъ волосы на гробѣ Агамемнона, вспоминаетъ о своемъ братѣ и желаетъ его возвращенія; Орестъ, скрывавшійся недалеко отъ Электры, вдругъ выходитъ на театръ и говоритъ: *Я тотъ, кого ты видѣть желаешь: я Орестъ.* Эгистъ и Клитемнестра появляются только на одну минуту, и притомъ для того, чтобы потерять жизнь. Тутъ совсѣмъ не выдержаны свойства, нѣтъ никакой постепенности въ произшествіяхъ. Не видно, чтобы Электра и Орестъ находились когда либо въ опасности, а онато и должна бы возбуждать величайшее вниманіе. Однакожъ слогъ и разговоръ приличны

трагедіи; и явленіе, коимъ начинается второе дѣйствіе, написано съ отмѣннымъ искуствомъ. Здѣсь-то начала Мельпомена употреблять слогъ возвышенный. Пріятно видѣть первоначальныя усилія раждающагося искуства, и явленіе Эсхила, коему великій Расинъ удивлялся, какъ нѣкоему изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ древней трагедіи, обращаетъ на себя великое вниманіе. Во первыхъ, оно содержитъ въ себѣ весьма важное великолѣпіе, и Эсхилъ не въ одномъ семъ случаѣ могъ послужить образцемъ въ сей части искуства, состоящей въ томъ, чтобы представленію придать нѣкую пышность, составляющую часть содержанія и содѣлывающую театральное положеніе важнымъ. Электра выходитъ, неся жертвенныя возліянія и дары, въ сопровожденіи хора невольницъ, несущихъ также сосуды и дары. Клитемнестра вручила Электрѣ сіи печальныя приношенія, опредѣленныя для оказанія почести гробницѣ Агамемнона, и для умилостивленія, естьли сіе возможно, раздраженной его тѣни. Чтобъ имѣть совершенное понятіе о сущности сего явленія, надлежитъ только вспомнить о той силѣ, которую древніе приписывали проклятію и мщенію тѣней. Естьли Электра колеблется, какъ то увидимъ ниже, умолять тѣнь Агамемнона и произнесть проклятіе его убійцамъ, сіе показываетъ совершенную ея увѣренность, что молитва ея не останется пищетною, что адскія божества ее услышатъ и моленія ея исполнятъ. Просить о смерти винов-

ныхъ есть для нея тоже, что и просить смерти матери своей. Она трепещетъ, колеблется, а хоръ успокоиваетъ ее. Живя между нами, она бы съ меншимъ колебаніемъ приступила къ произнесенію проклятій; намъ показалось бы, что дѣйствіе оныхъ не должно быть столь скоро и неминуемо, и что впрочемъ проклятія кажутся намъ естественнымъ воплемъ утѣсненныхъ и утѣшеніемъ людей безсильныхъ. Сія-то увѣренность, каковой мы не имѣемъ, заставляетъ Клитемнестру умилостивлять, сколько возможно, тѣнь убіеннаго своего супруга, и не смѣетъ приближиться къ его гробу, который осквернила бы она своимъ присутствіемъ. Она посылаетъ дочь свою, которая была невинна, и которая должна быть любезна отцу своему, а дочь ея пользуясь сею минутою, вмѣсто очистительнаго жертвоприношенія, молитъ адскія божества о мщеніи и ненависти, коихъ дѣйствіе должно пасть на Клитемнестру. Мысль сія велика и превыспренняя, а минута, въ которую Электра наконецъ рѣшилась произнесть сіи гибельныя проклятія, должна была привесть зрителей въ содроганіе.

Электра.

(*женщинамъ ее сопровождающимъ*).

О вы служебницы и правительницы дома,
Предстоящія со мною при совершеніи сего моленія,
Сопутницы мои, подайте мнѣ совѣтъ.
Возлиная на гробницу сіи приношенія,

Какія произнесу обѣты? какъ призову родителя?
Должно ли сказать: дары сіи приносятся
Отъ любезной супруги любезному супругу,
То есть отъ матери моей?
Но сдѣлать сего не смѣю, и не знаю, что сказать?
Или изреку, по обычаю смертныхъ,
Чтобы убійцамъ, дары сіи присланнымъ,
Воздано было достойное беззаконію возмездіе?
Или въ безмолвіи, ибо родитель
Уже погибъ, отвративъ отъ сосуда сего взоры,
Подобно изливающему нечистоты,
Извергну возліяніе сіе на землю,
И съ ужасомъ сокроюсь отъ гробницы?
Подайте мнѣ совѣтъ вашъ, о другини!
Весь домъ ощущаетъ равную ненависть.
Не скрывайте вашихъ мыслей, не бойтесь никого.
Рабъ и свободный равны по смерти.
Изреките мысли ваши необиновенно.

Хоръ.

Чтя гробъ родителя твоего жертвенникомъ,
Изречемъ (ибо приказываешь) мнѣніе наше откровенно.

Электра.

Вы чтите гробъ родителя; вѣщайтежъ небоязненно.

Хоръ.

Совершая возліянія, призови благословеніе
На любящихъ его.

Электра.

Но кто суть друзья его?

Х о р ъ.

Ты первая и каждый ненавидящій Эгиста.

Э л е к т р а.

Итакъ должно изпрашивать его
Благословеніе только мнѣ и вамъ?
Когожъ еще причислю къ друзьямъ его?

Х о р ъ.

Возномяни объ Орестѣ, хотя онъ и далече отсюда.

Э л е к т р а.

Такъ, вы довольно меня вразумили.

Х о р ъ.

Потомъ произнеси имена виновниковъ убійства.

Э л е к т р а.

Но что я должна сказать? невѣдущую научите.

Х о р ъ.

Да накажетъ ихъ богъ, или кто либо изъ смертныхъ.

Э л е к т р а.

Но сихъ ли моленій требуютъ отъ меня боги?

Х о р ъ.

Злодѣяніе не должно оставаться безъ наказанія.

Электра.

Итакъ къ тебѣ вопію, Эрмій! содѣлай,
Да услышанъ моленіе мое преисподніе боги,
Блюстители родительскаго дома;
И самая земля, все произращающая, питающая
И рожденное ею паки въ себя приемлющая.
Совершая священное возліяніе, призываю тебя,
О родитель мой! пріими сіе приношеніе;
Внемли моленію моему и любезнѣйшаго Ореста,
Да содѣлаемся владыками твоего дома.
Днесь, гонимые матерію своею, скитаемся
Повсюду; Эгистъ, убійца твой,
Содѣлался ея супругомъ.
Меня почитаютъ рабою; Орестъ скрывается
Въ землѣ чуждой; но гонители наши
Возсѣдятъ на принадлежащемъ тебѣ престолѣ,
Разточаютъ сокровища, тобою собранныя,
И въ роскоши утопаютъ.
Внемли, о родитель! моленіямъ моимъ,
Да Орестъ возвратится благополучно.
Сотвори, да не будетъ дщерь твоя подобна матери,
Да руки ея пребудутъ навсегда невинны.
Се милости, которыхъ себѣ просимъ; но врагамъ
Нашимъ явись, о родитель мой, явись
Грознымъ мстителемъ, и убійцъ
Достойной предай казни.
А вы, сопутницы мои, орошайте обильными
Слезами прахъ моего родителя,
И воспойте печальныя пѣсни.

Хоръ.

Возплачемъ, возплачемъ горько
Надъ прахомъ царя злополучнаго;
Совокупимъ слезы наши съ священными
Возліяніями Электры, да сими

Очистительными жертвами
На жалость подвигнутый Агамемнонъ
Низпошлетъ ей вся благая,
И отвратитъ отъ дѣтей своихъ несчастіе.
Изъ мрачнаго жилища внемли, великій Агамемнонъ,
Плачевные наши вопли.
Тебѣ, о мужъ, копіемъ вооруженный,
Тебѣ, о Марсъ, держащій въ рукахъ стрѣлу,
Все истребляющую, и мечъ на пораженіе готовый,
Тебѣ принадлежитъ истребить враговъ его.

Можно заключить, что Эсхилъ былъ изобрѣтателемъ явленія, разговора и театральнаго украшенія; что онъ первый разсуждалъ о театральномъ дѣйствованіи, былъ великій стихотворецъ въ своихъ хорахъ; что въ нѣкоторыхъ явленіяхъ слогъ его совершенно приличенъ истинной трагедіи, и что наконецъ онъ имѣлъ славу открыть путь, по коему Софоклъ и Эврипидъ простерли шествіе свое гораздо далѣе, нежели онъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О СОФОКЛѢ.

Изъ многихъ сочиненій, написанныхъ имъ въ теченіе продолжительной его жизни, имѣемъ мы только семь трагедій; оныя суть: *Трахинянки, Неистовый Аяксъ, Антигона, Царь Эдипъ, Эдипъ въ Колонѣ, Электра и Филоктетъ.*

Всѣмъ извѣстно, что Софоклъ писалъ прекрасныя трагедіи, но не многіе знаютъ, что онъ предводительствовалъ войсками, и занималъ первѣйшее достоинство въ Аѳинской Республикѣ, т: е: достоинство Архонта. Писатели многократно упоминали о томъ доносѣ, который взведенъ былъ на него неблагодарностію, и надъ которымъ возпоржествовалъ геній; о томъ ненавистномъ обвиненіи Софокла дѣтьми его, которые не хотѣвъ долѣе ждать себѣ наслѣдства и нетерпѣливо сноса продолжительную его старость, просили Ареопагъ взять у него имѣніе и отдать имъ подъ предлогомъ, будто бы Софоклъ помѣшался въ умѣ. Старецъ вмѣсто всякаго оправданія просилъ у судей позволенія прочитать имъ послѣднюю, лишь только докончанную имъ трагедію. Трагедія сія была *Эдипъ въ Колонѣ*, сочиненіе, долженствовавшее нанесть сугубый стыдъ его обвинителямъ, ибо въ немъ выводитъ онъ на позорище отца, отъ неблагодарныхъ сыновей своихъ всего лишившагося. Казалось, что

нѣкое тайное чувствованіе вдохнуло ему описаніе случившагося съ нимъ произшествія. Софоклъ препровожденъ былъ до самаго дома возклицаніями, и будучи снизходительнѣе Эдипа простилъ дѣтей своихъ. Онъ имѣлъ около ста лѣтъ отъ роду, и уже сочинилъ сто двадцать трагедій, когда возложили на него вѣнецъ въ присутствіи всей Греціи на играхъ Олимпійскихъ. Онъ умеръ отъ чрезмѣрной радости и посреди славы. Софоклу нашихъ временъ, для достиженія равнаго съ древнимъ Софокломъ счастія, не доставало только того, что онъ не могъ, подобно ему, умереть среди своего торжества.

Я начну разсматривать не столь извѣстныя намъ его сочиненія, потому что онѣ не были еще перенесены на нашъ театръ; а кончу тѣми, кои, такъ сказать, сдѣлалися намъ принадлежащими, изъ семи таковыхъ суть четыре слѣдующія: *Оба Эдипа, Электра и Филоктетъ.*

Содержаніемъ трагедіи *Трахинянокъ* есть смерть Геркулеса, причиненная ревностію Деяниры и гибельною одеждою Несса. Смятенія и безпокойства сей женщины, ожидающей супруга своего, находящагося болѣе года въ отсутствіи, хоръ юныхъ дѣвъ и сынъ ея Гиллъ, ее успокоивающіе и утѣшающіе, составляютъ всю трагедію. Деяниру тѣмъ въ большемъ находится безпокойствѣ, что прорицалище предсказало, будто бы Геркулесъ погибнетъ въ походѣ своемъ въ

Эхалію, или освободясь отъ всѣхъ заботъ, будетъ наслаждаться, послѣ столь многихъ трудовъ, пріятною и спокойною участію. Прорицаніе сіе, такъ какъ и многія другія, было двусмысленно; ибо предсказанное ему спокойствіе не иное что означаетъ, какъ смерть, ожидавшая его по возвращеніи, и костеръ, съ коего вознесется онъ на Олимпъ. Деянира любитъ въ Геркулесѣ героя, избавителя и супруга. Она негодуетъ, что слава часто удаляетъ его отъ ея нѣжности. „Вы будете нѣкогда „супругами (говоритъ она юнымъ дѣвамъ „окружающимъ ее); и тогда познаете, сколь „мучительно состояніе, въ которомъ нахожуся.“ Мѣсту сему, кажется, подражалъ Расинъ въ Андромахѣ, когда царица сія говоритъ Герміонѣ:

Vous saurez quelque jour,
Madame, pour un fils jusqu' où va notre amour. etc.
Герміона! нѣкогда узнаешь и ты,
Сколь велика материня любовь къ сыну.

Посланный увѣдомляетъ царицу, что онъ встрѣтился съ Ликасомъ другомъ Геркулеса, предшествующимъ своему господину, что сей герой возвращается побѣдителемъ и посылаетъ ей полученную имъ отъ непріятелей добычу и плѣнницу. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ потомъ является Ликасъ со всѣми плѣнницами, которыя становятся въ дали театра. Въ переди ихъ стояла юная Іола, отличавшаяся отъ всѣхъ красотою. Деяниpa, увидѣвъ ее, ощущаетъ нѣкое прискорбіе, которое приписываетъ состраданію, произведенному въ ней участію сихъ несчастныхъ женщинъ, но зритель замѣчаетъ уже

первыя дѣйствія ревности. Царица особенно занимается сею юною плѣнницею; ея красота, скромная и благородная печаль приводитъ ее въ умиленіе. Дѣлаетъ ей многіе вопросы. Іола потупляетъ взоръ, безмолвствуетъ. Царица вопрошаетъ Ликаса, который также нимало не удовлетворяетъ ея любопытству. Она вводитъ ее со всѣми плѣнницами во внутренніе покои дворца. Приходитъ человѣкъ, проситъ позволеніе открыть ей нѣкую важную тайну: Деянира повелѣваетъ ему говорить. Онъ открываетъ, что Ликасъ ее обманываетъ, что онъ самъ по прибытіи своемъ говорилъ ему о новыхъ любовныхъ слабостяхъ Геркулеса, что герой сей, плѣненный прелестями Іолы, велъ войну съ Эвритомъ царемъ Эхаліи только для того, чтобы похитить дочь его, и что Іола не только не останется плѣнницею, но еще будетъ владычествовать какъ царица надъ Ѳессаліею и надъ самою Деянирою. „Несчастная! (возклицаетъ она) какую змію приняла „я въ мое нѣдро!„ Ликасъ является опять для принятія ея приказаній, ибо былъ уже готовъ возвратиться къ Геркулесу, который остановился на мысѣ Кенейскомъ для принесенія жертвы Юпитеру. Раздраженная Деянира называетъ его вѣроломнымъ: она знаетъ все, и желаетъ знать все. Вотъ дѣйствіе ревности, она свирѣпствуетъ, угрожаетъ. Ликасъ стоитъ упорно, что ничего того не знаетъ, о чемъ она спрашиваетъ его. Потомъ Деянира притворно показываетъ, что гнѣвъ ея мало по малу укрощается, негодуетъ только на

то, что ее хотятъ обмануть; (ибо впрочемъ она уже давно привыкла прощать невѣрности своему супругу.) Наконецъ она столь искусно поступаетъ, что Ликасъ не почитаетъ за нужное скрывать онъ нея то, чего (говоритъ онъ) не скрываетъ и самъ Геркулесъ. Все сіе явленіе выдержано совершенно, и въ немъ видно уже искусство неизвѣстное Эсхилу. Тогда-то Деянира, употребляя всѣ свои старанія къ отдаленію своей соперницы и къ возвращенію любви своего супруга, приводитъ себѣ на память, что кровь Несса воспламеняетъ потухающую любовь, какъ увѣрялъ о томъ Кентавръ при своей смерти.

Сею кровію окрашиваетъ она одежду, которую посылаетъ супругу своему съ Ликасомъ. Деянира однакоже съ безпокойствіемъ и со страхомъ приступаетъ къ употребленію сего еще неизвѣстнаго ей очарованія, и коего дѣйствіе она еще никогда не изпытывала; ибо въ нравѣ ея нѣтъ ничего ненавистнаго, и она нимало не думаетъ сдѣлать какое либо преступленіе. Она только ревнива и легковѣрна. Едва успѣлъ отправиться Ликасъ, то она открываетъ хору свои безпокойства, угрызенія совѣсти и гибельныя предчувствія. Она приводитъ себѣ на память, что стрѣлы, пронзившія Несса, были напитаны смертоноснымъ ядомъ Лернейскія гидры. Она предается отчаянію, и клянется, что естьли Геркулесъ содѣлается жертвою ея безразсудноспіи, то не переживетъ

его ни минуты. Опасенія сіи скоро подтверждаются. Сынъ ея Гиллъ, отправившійся на встрѣчу отцу своему, видѣлъ, какъ онъ надѣвалъ на себя одежду, напитанную ядомъ, и всѣ ужасныя дѣйствія онаго. Сіе описаніе, достойное пера Софоклова, наполняетъ четвертое дѣйствіе. Таковыя статьи въ сочиненіяхъ весьма много нравились Грекамъ, и занимали у нихъ гораздо болѣе мѣста, нежели сколько было бы дозволено въ наше время. Гиллъ сильно упрекаетъ свою мать. Она уходитъ не отвѣчая ни слова, и чрезъ минуту узнаютъ, что она лишила себя жизни, а Гиллъ увѣдомленъ будучи, что Деянира содѣлала сіе преступленіе единственно отъ заблужденія, лобызаетъ умирающую мать свою и проливаетъ надъ трупомъ ея горькія слезы. Приносятъ на театръ несчастнаго Геркулеса, который отъ чрезмѣрныхъ страданій на минуту какъ бы засыпаетъ. Онъ вскорѣ пробуждается, и зрѣлище, мученіями его продолжаемое, есть нѣкоего рода принужденное театральное положеніе, которое имѣло бы менѣе успѣха у насъ, нежели у Грековъ, а особливо въ пятомъ дѣйствіи; мы желаемъ, какъ можно скорѣе достигнуть до цѣли. Впрочемъ можно было ожидать, что Софоклъ заставитъ Геркулеса произносить краснорѣчіемъ исполненныя и героя сего достойныя жалобы. Цицеронъ перевелъ ихъ Латинскими стихами, а сынъ Расина Французскими. (*Французскія стихи напечатаны здѣсь внизу послѣ Греческихъ.*)

ГЕРКУЛЕСЪ.

Ни супруга Юпитера, ниже ненавистный Эврисѳей
Никогда не причиняли мнѣ толикаго зла,
Каковымъ нынѣ поразила меня одаренная
Коварнымъ лицемъ дщерь Оинеева.
Она облекла рамена мои одеждою,
Руками фурій сотканною, отъ которой погибаю.
Ибо прильпнувъ къ ребрамъ пожираетъ
Всю плоть, и проницая въ жилы легкаго
Грызетъ, и уже багровую кровь мою изсосала,
Да истинитъ все тѣло.
Неизъяснимыми опутанъ сѣтями!
Чего ни устроенное на поляхъ ополченіе,
Ни земнородныхъ исполиновъ воинство, ни лютые звѣри,
Ни Грецiя, ни Варвары, никакая земля, мною
Протеченныя учинить не могли,
То единая жена совершила; женскою, а не мужескою
Хитростiю, одна, т. е. безъ меча, меня погубила.
О сынъ! яви себя истиннымъ моимъ сыномъ,
И болѣе не уважай твоей матери:
Извлеки ее изъ дому собственными твоими руками,
Приведи ко мнѣ, да познаю совершенно,
Объ ней, или о моемъ жребiи скорбишь болѣе?
Увидишь, что сiя прелестница, толико меня
Обезобразившая, достойное пріиметъ наказаніе.
Иди, дерзай: пожалѣй о мнѣ, я достоинъ всякаго сожалѣнiя,
И подобно слабой дѣвѣ рыдаю:
Доселѣ никто не видалъ отъ меня толикой слабости;
Даже безъ стенанiя сносилъ великiя напасти:
Но нынѣ изъ мужественнаго сдѣлался малодушнымъ.
Приближся, о сынъ мой, къ отцу твоему,
Виждь, какое бѣдствiе удручаетъ его:
Я покажу тебѣ всю сiю одежду.
Смотрите всѣ на сiе разтерзанное тѣло,

Смотрите на несчастнаго; зрите,
Коль бѣдственно мое состояніе!

Ахъ! ахъ! колико я несчастливъ!
И се ядоносный пламень пожираетъ мои члены! —
Кажется, что сіе лютое, неутолимое и доселѣ
Неизвѣстное мнѣ страданіе никогда не прекратится.
О нощь ада! покрой меня твоею тьмою?
Пусть попалитъ меня огнь Юпитеровъ!
Рази, о царь и отецъ боговъ, рази меня
Твоимъ перуномъ! Ибо ядъ паки меня пожираетъ! —
О руки, руки, хребетъ, грудь, о любезныя мышцы,
Въ такомъ ли вы были состояніи, какъ нѣкогда
Крѣпостію своею сразили вы живущаго въ Немеѣ
Льва, губителя воловъ, неприступнаго, страшнаго;
Лернейскую гидру, двуобразныхъ четвероногихъ
Кентавровъ, родъ надменный и закона неимущій;
Эриманѳскаго звѣря, триглаваго адскаго пса,
Непреодолимое чудовище, ужаснаго сына Эхидны;
И стрегшаго въ отдаленныхъ странахъ міра
Златыя яблоки дракона? (*) и проч.

Ежели судить о трагедіи сей по правиламъ Греческаго театра, то она написана

(*) Κοὔπω τοιοῦτον οὔτ' ἄκοιτις ἡ Διὸς
Προὔθηκαν, οὔθ' ὁ συγγενὴς Εὐρυθεὺς ἐμοὶ,
Οἷον τόδ' ἡ δολῶπις Οἰνέως κόρη
Καθῆψεν ὤμοις τοῖς ἐμοῖς Ἐριννύων
Ὑφαντὸν ἀμφίβλησρον, ᾧ διόλλυμαι.
Πλευραῖσι γὰρ προσμαχθὲν ἐκ μὲν ἐχάτας
Βέβρωκε σάρκας, πνεύμονός τ' ἀρτηρίας
Ῥοφεῖ, ξυνικοῦν, ἐκ δὲ χλωρὸν αἷμά μου
Πέπωκεν ἤδη, κοὐ διέφθαρμαι δέμας

весьма хорошо; но мы нашли бы въ содержаніи ея нѣкоторыя неудобства, и надлежало бы представить оное совсѣмъ въ другомъ видѣ. Деянира Софоклова имѣетъ въ себѣ много драматическаго: но Геркулесъ его совсѣмъ онаго не имѣетъ. Нынѣ не позволятъ сочинителю вывесть героя на театръ для того только, чтобы ему умереть на ономъ, чтобы любовница его была безмолвнымъ дѣйствующимъ лицемъ, и чтобы умирая, отдалъ ее своему сыну, какъ то дѣлаетъ сіе Геркуле-

---

Τὸ πᾶν, ἀφράξῳ τῇδε χειρωθεὶς πέδῃ.
Κοὐ ταῦτα λόγχη πεδιὰς, οὔθ' ὁ γηγανὴς
Στρατὸς Γιγάντων, οὔτε θήρειος βία,
Οὔθ' Ἕλλὰς, οὔτ' ἄγλωσσος, ουθ' ὅσην ἐγὼ
Γαῖαν καθαίρων ἱκόμην ἔδρασέ πω·
Γυνὴ δέ, θῆλυς οὖσα κἀνανδρος φύσιν,
Μόνη με δὴ καθεῖλε, Φασγάνου δίχα.
Ὦ παῖ, γανοῦ μοι παῖς ἐτήτυμος γεγὼς,
Καὶ μή τὸ μητρὸς ὄνομα πρεσβεύσῃς πλέον·
Λός μοι, χεροῖν σαῖν αὐτὸς ἐξ οἴκου λαβὼν,
Ες χεῖρα τὴν τεκοῦσαν, ὡς εἰδῶ σάφα,
Εἰ τοὐμὸν ἀλγεῖς μᾶλλον ἢ 'κείνης, ὁρῶν
Λωβητὸν εἶδος ἐι δίκῃ κακούμενον.
Ιθ', ὦ τέκος, τόλμησον, οἰκτερόν τέ με
Πολλοῖσιν οἰκτροὶ, ὅστις, ὥστε παρθένος,
Βέβρυχα κλαίων! καὶ τοδ' οὐδ' ἂν εἷς πόλε
Τοιδ' ἄνδρα φαίη πρόθ' ἰδεῖν δεδρακότα,
Ἀλλ' ἀξύνακτος αἰὼν ἐσπόμην κακοῖς·
Νῦν δ' ἐκ τοιούτου θῆλυς εὐημαι τάλας.
Καὶ νῦν προσελθὼν στήθι πλησίον πατρὸς,

лесъ въ Софокловой трагедіи. Правда Митридатъ также поступаетъ съ Монимою; однакоже ему было извѣстно, что она любитъ Ксифареса, и любовь ихъ составила завязку трагедіи. Любовь же Іолы и Геркулеса видна только изъ одного разсказа, и мы вскорѣ увидимъ еще убѣдительнѣйшій примѣръ, который докажетъ, что любовь не входила въ систему Греческаго театра. Смерть Геркулесова была многократно описываема новѣйшими сочинителями какъ въ трагеді-

---

Σκέψαι δ', ὁποίας ταῦτα συμφορᾶς ἴπο
Πέπο<unk>θα· δείξω γὰρ τάδ' ἐκ καλυμμάτων.
Ἰδοὺ θεᾶσθε πάντες ἄθλιον δέμας,
Ὁρᾶτε τὸν δύσηνον, ὡς οἰκτρῶς ἔγω!
ὈΕ, ἔ! αἰ, αἰ, τάλας!
Ἐθαλψαν ἄτης σπασμὸς ἀρτίως! ὁ δ' αὖ
Διῆξε πλευρῶν, οὐδ' ἀγύμναστόν μ' ἐᾷν
Ἔοικεν ἡ τάλαινα διάβορος νόσος.
Ὦ νὺξ Ἀιδα,
Δέξαι μ'! ὦ Διὸς ἀκτὶς, παῖσόν
μ'! Ἔνσεισον, ὦ ναξ, ἐγκατάσκηψον βέλος
Πάτερ, κεραυνοῦ! δαίνυται γὰρ αὖ πάλιν,
Ἠνθηκαν, ἐξώρμηκαν! — ὦ χέρες, χέρες,
Ὦ νῶτα καὶ στέρν', ὦ φίλοι Βραχίονες,
Ὑμεῖς ἐκεῖνοι δὴ καθέσθ', οἵ ποτε
Νεμέας ἔνοικον, βουκόλων ἁλάστορα,
Λέοντ', ἄπλατον δεῖμα κἀπροσήγορον,
Βίᾳ κατειργάσασθε, Λερναίαν θ' ὕδραν,
Διθυῆ τε μικτὸν ἱππόβαμονα στρατὸν,
Θηρῶν, ὑβρισθὴν, ἄνομον, ὑπέροχον βίαν,

ляхъ такъ и операхъ, и всегда безъ малѣйшаго успѣха. Представлять лице Геркулеса весьма трудно: таковаго рода дѣйствующія лица, коихъ величіе превыше человѣческаго, неприличны новѣйшей трагедіи. Однакожъ думаю, что человѣкъ, имѣющій истинное дарованіе къ сочиненіямъ театральнымъ, можетъ и симъ предметомъ воспользоваться съ успѣхомъ. Лица (роли) Деяниры, Іолы, юнаго Гилла могли бы возбудить вниманіе, а особливо когда бы соперничество двухъ женщинъ было

1060 Ἐρυμάνθιόν τε δῆρα, τὸν θ' ὑπὸ χθονὸς
Ἅιδου τρίκρανον σκύλακα, ἀπρόσμαχον τέρας,
Δειῆς Ἐχίδνης θρέμμα, τὸν τε χρυσέων
Δράκοντα μήλων φύλακα ἐπ ἐσχάτοις τόποις;

Французскій переводъ.

Plus barbare pour moi qu'Eurysthée et Junon,
O fille d'Oenëus! quelle est ta trahison!
Et quels sont les tourmens dont tu me rends la proie,
Par le fatal présent que la fureur m'envoie!
Tu m'as enveloppé de ce voile mortel;
Ce voile que pénètre un poison si cruel,
Voile affreux qu'ont tissu Mégere et Tisiphone,
Tout mon sang enflammé dans mes vaines bouillonne,
Je succombe, je meurs brûlé d'un feu caché,
Qu' allume en moi ce voile à mon corps attaché!
Ainsi ce que n'ont pu, dans l'horreur de la guerre,
Centaures ni Géans, fiers enfans de la terre,
Ce que tout l'univers n'osa jamais tenter,
Un femme le tente, et l'ose exécuter.
Mon fils, soutiens ton nom: ton amour pour ton pere
Doit effacer en toi tout amour pour ta mere,
Va chercher, va saisir celle qui m'a trahi,

описано съ надлежащимъ искуствомъ, и когда бы юная Іола, бывъ нечувствительна къ любви Геркулеса, ощущала оную къ его сыну. Впрочемъ справедливо и то, что таковаго рода любовныя завязки во многихъ встрѣчаются трагедіяхъ, и что симъ давнишнимъ содержаніямъ можно придать нѣкоторую новость въ наше время не иначе, какъ только однимъ волшебствомъ піитическихъ украшеній.

Содержаніе трагедіи *Неистовый Аяксъ* составляетъ вопервыхъ отчаяніе сего героя коего Минерва лишила ума, послѣ того, какъ Улиссъ лишилъ его Ахиллесова оружія, по-

---

Trâine-la jusqu'à moi, va, cours et m'obei ...
Cours venger .... mais hélas! que fais-je, misérable ?
Je pleurs, et jusqu'ici d'un front inébranlable,
De tant d'affreux revers j'ai soutenu l'horreur.
Mon fils, de ce poison vois quelle est la fureur,
Ose approcher, et vous, accourez tous ensemble,
Peuples, que dans ces lieux mon malheur vous rassemble.
Contemplez en moi seul tous les tourmens divers.
Ah! précipite-moi dans le fond des enfers,
Termine par ta foudre et ma vie et ma honte,
Grand dieu, témoin des maux dont l'excès me surmonte.
Qu'est devenu ce corps que j'ai reçu de toi?
Mes membres t'offrent-ils quelque reste de moi?
Non, cette main si faible et presque inanimée,
N'est plus la main fatale au lion Némée.
Est-ce donc là ce bras de Cerbere vainqueur,
Ce bras dont le Centaure éprouva la vigueur,
Ce bras qui fi tomber le monstre d'Erymanthe,
L'Hydre contre mes coups sans cesse renaissante,
Et l'affreux surveillant de ce frait renommé;
Ce bras qu'aucun mortel n'a jamais désarmé, etc.

томъ слѣдуетъ его смерть и погребеніе. Вотъ все содержаніе трагедіи, а для сочиненія Греческой трагедіи ничего болѣе и ненужно. Однакожъ не будемъ скоры въ нашемъ сужденіи, обратимъ вниманіе свое ко нравамъ и вѣрѣ Грековъ. Вообразимъ, что мы находимся въ Аѳинахъ. Когда пятое дѣйствіе Ореста, въ коемъ Волтеръ съ точностію подражалъ Греческому подлиннику, было худо принято Парижскою публикою, *Сіе однако изъ Софокла*, сказалъ Сочинитель Г-жѣ Графиньи: тогда она отвѣчала Волтеру слѣдующимъ стихомъ изъ комедіи: *Ученыя женщины: извините насъ, государь мой, мы вѣдь не Греки.*

Excusez-nous, Monsieur, nous ne sommes pas Grecs,

Замѣчаніе сіе было весьма справедливо. Сочиняя трагедіи во Франціи, надлежитъ сочинять оныя для Французовъ, и Волтеръ сіе почувствовалъ; ибо передѣлалъ пятое дѣйствіе. Но сказанное Волтеру не прилично было бы сказать Софоклу: его не льзя упрекать въ томъ, что онъ писалъ для своего народа. Ложное и уродливое достойно охужденія повсюду; но сочиненіе, заключающее въ себѣ только тѣ недостатки, что оно основано на принятыхъ и обыкновеніемъ утвержденныхъ понятіяхъ, которыя у разныхъ народовъ бываютъ различны, не заслуживаетъ охужденія. Принявъ сіе за правило, разсмотримъ Аякса, и естьли не найдемъ въ немъ Французской трагедіи, то по крайней мѣрѣ найдемъ удивительныя мѣста въ Греческомъ Стихотворцѣ.

Вопервыхъ надлежитъ замѣтить, что вводить какое либо божество въ посредничество человѣческихъ дѣяній, есть обыкновеніе намъ несвойственное. Минерва представляетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ сей трагедіи; она начинаетъ оную разговоромъ съ Улиссомъ подлѣ намета Аяксова. Герой сей во время ночи побилъ стада и ихъ пастуховъ. Богиня, покровительница Грековъ, говоритъ Улиссу, что для спасенія ихъ отъ неистовства Аякса она лишила его разсудка до такой степени, что онъ насытилъ гнѣвъ свой надъ скотами и невинными пастухами, думая, что онъ лишилъ жизни Атридовъ и Улисса. Минерва хочетъ, чтобы Улиссъ, никѣмъ невидимый, былъ свидѣтелемъ сумасшествія, до коего довела она несчастнаго его соперника. Она призываетъ Аякса; сей выходитъ изъ намета своего и хвалится, что убилъ сына Атреева и прочихъ царей; что царя Итакскаго содержитъ онъ въ темницѣ, дабы лишить его жизни продолжительными мученіями. Онъ уходитъ опять въ шатеръ свой, а Минерва говоритъ Улиссу:

Теперь видишь, Улиссъ, сколь велико могущество
богонъ.
Вотъ тотъ Аяксъ, который наносилъ ужасъ ге-
роямъ!
Съ омраченіемъ ума поблекли и его лавры,
Боги лишили его разума: слава его померкла.

Улиссъ.

Вижу и жалѣю: не хочу посмѣваться
Надъ злополучнымъ, хотя онъ и врагъ мой.

Какая ужасная перемѣна! Сердце во мнѣ содрогается.
Признаюсь, о богиня, крайнее злополучіе его
Терзаетъ меня, какъ бы собственное мое бѣдствіе.
О коль мы несчастны! мы бренные смертные,
Тѣнь скоропреходящая, игралище судьбы!

Минерва.

Итакъ бойся боговъ, виновниковъ бытія твоего;
Не оскорбляй ихъ даже и словомъ.
Да блескъ величія не ослѣпляетъ очей твоихъ;
Зришь, единое мановеніе истребить его можетъ.
Брегись, не кичись силою, властію, богатствомъ,
Не забывай, сколь смертные суть слабы.
Скромность приятна небесамъ,
Человѣкъ надменный противенъ богамъ. (*)

(*) Eh bien! des immortels vous voyez la puissance.
Voilà ce grand Ajax, la terreur des guerriers!
L'oubli de sa raison a flétri les lauriers,
Les dieux l'ont égaré: sa gloire est éclipsée.

Ulysse.

Je le vois et le plains: loin de moi la pensée
D'insulter au malheur, même d'un ennemi.
Quel affreux changement: mon coeur en a frémi.
Je dois vous l'avouer: son infortune extrême
Par un retour secret m'a consterné moi-même.
Que sommes-nous helas: nous, fragiles humains,
Fantômes passagers, vains jouets des destins!

Minerve.

Redoutez donc ces dieux dont vous êtes l'ouvrage;
Ne prononcez jamais un mot qui les outrage.
Que l'éclat des grandeurs ne vous puisse éblouir;
Vous voyez qu'un moment peut les anéantir.

Сія до вѣры касающаяся нравственность и сіе знаменитое покровительство, оказываемое Минервою Грекамъ, были для нихъ равно пріятны, а сіе самое и показывало въ сочинителѣ сугубое достоинство. Что же принадлежитъ до сумасшествія Аяксова, то замѣтимъ, что древніе и новѣйшіе сочинители употребляли на театрѣ поврежденіе въ умѣ какъ средство, сильное вниманіе возбуждающее. Агличане особенно дѣлали изъ него частое употребленіе, но съ большимъ успѣхомъ въ своихъ романахъ, нежели въ драмахъ. Безуміе, одно изъ самыхъ унизительныхъ несчастій человѣчества, удобно производитъ въ насъ сіе состраданіе, котораго, какъ то видимъ мы съ удовольствіемъ въ трагедіи Софокловой, и самъ Улиссъ не можетъ не чувствовать; но не забудемъ также и того, что безуміе удобно можетъ возбудить смѣхъ. И потому надлежитъ имѣть великое искуство, чтобы представить оное въ жалостномъ видѣ, а особливо, чтобы оно было кратковременно, и произходило бы отъ какой нибудь изъ тѣхъ великихъ страстей, или тѣхъ великихъ несчастій, которыя удобно могутъ повредить разсудокъ. Каждый чувствуетъ, что было бы весьма легко заставить человѣка говорить вздоръ въ продолженіи всего театральнаго сочиненія, и что таковое зрѣлище наконецъ сдѣлает-

---

Gardez que la valeur, le pouvoir, la richesse
Ne vous fassent de l'homme oublier la faiblesse.
Le courage modeste est protégé de cieux,
Et le mortel superbe est en horreur aux dieux.

ся скучнымъ и даже отвратительнымъ. Искуство требуетъ, чтобы въ несвязномъ разговорѣ сего рода помѣщаемы были мысли истинныя и возбуждающія вниманіе, въ коихъ кажется душа сама себѣ измѣняетъ, и какъ бы противъ воли своей изображаетъ себя словами, которыя по временамъ вырываются изъ разстроенной головы, и поражаютъ насъ какъ молнія, блистающая въ ночи; ибо сумасшествіе подобно младенчеству; оно привлекаетъ вниманіе, потому что не обманываетъ. Софоклъ, показываетъ сумасшествіе Аякса только въ одномъ весьма краткомъ явленіи; и какъ бы смягчаетъ его, сколько возможно, великодушнымъ состраданіемъ Улисса и мудрыми наставленіями Минервы; ибо безъ сего, сумасшествіе Аяксово не произвело бы надъ нами никакого дѣйствія, и мы были бы мало тронуты, увидя его возвратившагося въ свой шатеръ для того, чтобы сѣчь лозами Улисса, котораго онъ, какъ самъ говоритъ, привязалъ къ столбу. Но болѣе всего возбуждаетъ въ насъ вниманіе та минута, въ которую Минерва, дабы наказать Аякса, возвращаетъ ему разсудокъ. Тогда увидя сдѣланныя имъ постыдныя нелѣпости, впадаетъ онъ въ отчаяніе, достойное героя себя унизившаго, тогда-то дѣйствіе его становится жалостнымъ и театральнымъ, глубочайшая печаль его возбуждаетъ соучастіе, а потомъ зрители удивляются спокойной твердости, съ каковою приемлетъ онъ намѣреніе лишить себя жизни. Текмесса супруга Аякса, бывшая

нѣкогда плѣнницею его, привлеченная вопломъ Саламинянъ, желающихъ видѣть царя своего, дѣлаетъ имъ весьма жалостное описаніе состоянія, до коего онъ доведенъ. „Бѣшенство его прошло, (говоритъ она) но „болѣзнь его еще опаснѣе. Глубокая печаль, „въ которой онъ погруженъ, заставляетъ „меня страшиться. Сперва не вѣдалъ онъ „своего несчастія, а теперь его знаетъ.“ Слова сіи весьма справедливы. Она слышитъ, что Аяксъ зоветъ сына своего Евризія. „Ахъ! сынъ мой! возклицаетъ она съ тре„петомъ, онъ тебя зоветъ!“ Сіе движеніе души естественно, оно ясно изображаетъ все, чего опасаться можно отъ Аякса. Онъ является, и Софоклъ заставляетъ его говорить съ тѣмъ трагическимъ краснорѣчіемъ, которое проза слишкомъ бы много унизила, и которое одною только поэзіею можетъ быть выражено. Древніе весьма были искусны въ изображеніи печали героевъ, и въ доставленіи симъ знаменитымъ лицамъ разговора, соразмѣрнаго понятію о ихъ величіи, но величію сему потребно театральное изображеніе и піитическія краски. Проза, будучи между нами весьма обыкновенна, уменшаетъ, такъ сказать, оное величіе, и изтребляетъ мечту. Достаточно было бы одной сей причины для показанія, сколь великому подвергается безобразію трагедія, когда лишаютъ ее языка собственно ей принадлежащаго. Введеніе сей странной новости весьма малую честь приноситъ нашему вѣку. Трагедія, написанная прозою, есть не-

иное что, какъ чудовище, порожденное неспособностію и худымъ вкусомъ, и должно извинить искусниковъ, что они не хладнокровно взираютъ на столь великое злоупотребленіе философическаго ума, ко вреду изящныхъ искуствъ.

Текмесса предвидя гибельное намѣреніе Аякса, употребляетъ для отвращенія его отъ онаго все, что супружеская и материнская любовь имѣетъ чувствительнѣйшаго. Онъ хочетъ видѣть сына своего, который еще въ дѣтствѣ, и явленія сіи почерпнутыя изъ природы, суть, какъ уже извѣстно, торжество Греческихъ стихотворцевъ. Текмесса проситъ его еще именемъ боговъ. Онъ прерываетъ рѣчь ея. Развѣ не вѣдаешь ты, что я ничѣмъ болѣе не обязанъ богамъ? Аяксъ начиная однако опасаться, чтобы жена его и подданные не возпротивились его намѣренію, притворяется въ согласіи на ихъ прозьбы, и выходитъ, какъ будто для омовенія себя въ источникъ очистительномъ, и для сокрытія въ землю пагубнаго меча, полученнаго имъ отъ Гектора, изъ коего сдѣлалъ онъ столь постыдное употребленіе. Приходитъ присланный отъ Тевкра, и спрашиваетъ объ Аяксѣ. Ему отвѣтствуютъ, что Аяксъ въ отсутствіи. На сіе возклицаетъ онъ, что нѣкое прорицалище Калхаса опредѣлило день сей по назначенію Минервы на мщеніе, и предсказало, что естьли Аяксъ въ тотъ день куда нибудь выдетъ, то онъ погибнетъ. Все сіе дѣйствіе

слишкомъ велико. Въ немъ находится много подробностей, которыя были бы неприличны нашему театру, и прорицалище слишкомъ ясно возвѣщаетъ о произшествіи, долженствующемъ послѣдовать. Аяксъ возвращается, вонзаетъ въ землю рукоятку меча своего, дабы пасть на остріе онаго въ то самое время, какъ всѣ разсѣялись повсюду искать его. Тутъ видно искуство сочинителя въ удаленіи всего, могущаго возпрепятствовать намѣреніямъ Аякса, и въ семъ мѣстѣ уже начинаемъ понимать ясно, въ чемъ состоятъ театральныя правдоподобія, которыя были замѣчены имъ первымъ.

Дабы можно было судить правильно о монологѣ, коимъ кончится дѣйствіе Аякса, надлежитъ вспомнить, сколь много уважаема была древними почесть погребенія. Лишеніе онаго было бы для нихъ жесточайшимъ поношеніемъ и величайшимъ несчастіемъ: тѣни ихъ не иначе могли переселиться за Стиксъ и обрѣсть успокоеніе въ жилище мертвыхъ, какъ по совершеніи надъ ними постановленныхъ обрядовъ. Древніе и по кончинѣ своей, покоясь въ гробницахъ, получали благоговѣйныя отъ родственниковъ приношенія. У нихъ все клонилося къ соединенію понятій о настоящей жизни съ понятіемъ о будущей: и сего-то никогда не должно забывать, читая сочиненія сихъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ. Итакъ неудивительно, что Аяксъ предъ кончиною своею къ произнесеннымъ заклинаніямъ противъ своихъ враговъ при-

совокупляетъ сильное и нетерпѣливое желаніе, чтобы скорѣе возвратился къ нему братъ его Тевкръ, отъ коего ожидаетъ онъ послѣдняго долга. Вспомнимъ также, что заклинанія умиравшихъ почитаемы были предсказаніями, коихъ событіе неминуемо долженствовало послѣдовать, а потому и производили онѣ гораздо бо́льшее дѣйствіе на древнемъ, нежели на нашемъ театрѣ. (*)

Убійственный мечъ уже́ приготовленъ, да сердцу
Моему нанесетъ глубочайшую рану;
Мечъ сей, даръ мужественнаго Гектора, паче
всѣхъ враговъ
Для меня противнаго и ненавистнаго,
И недавно на желѣзоснѣдномъ камнѣ изощренный,
Теперь вонзенъ на враждебной Троянской землѣ.
Сей-то, толико для меня благодѣтельный мечъ,
Уже́ поставленъ мною такъ,
Что, въ единое мгновеніе лишитъ меня жизни.
Уже́ все готово, все устроено.
Теперь, о Зевсъ (ибо такъ должно), ты

(*) Ὁ μὰ σφαγεὺς ἔσηκεν, ἢ τομώτατος
Γένοιτ' ἄν, εἴ τῳ καὶ λογίζεσθαι σχολὴ,
Δῶρον μὲν ἀνδρὸς Ἕκτορος, ξένῳ ἐμοὶ
Μάλιστα μισηθέντος, ἐχθίστου θ' ὁρᾶν.
Πέπηγε δ' ἐν γῇ πολεμίᾳ τῇ Τρωάδι,
Σιδηροβρῶτι θηγάνῃ νεηκονής.
Ἔπηξα δ' αὐτὸν εὖ περισκελὰς ἐγὼ,
Εὐνούστατον τῷδ' ἀνδρὶ διὰ τάχους θανεῖν.
Οὕτω μὲν εὐσκενεῦμαι· ἐν δὲ τῶνδ' ἐμοὶ
Σὺ πρῶτος, ὦ Ζεῦ [καὶ γὰρ εἰκὸς], ἄρκεσον!
Αἰτήσομαί σ' οὐ μακρὸν γέρας λαβεῖν.

Первый низпошли мнѣ пивою помощь!
Только сей прошу у тебя милости,
Пошли вѣстника, да брату моему Тевкру
Принесетъ онъ сіе печальное извѣстіе;
Елаговоли, чтобы онъ первый поднялъ меня,
Падшаго на сей мечъ, кровію обагренный;
И чтобы кокой-либо врагъ, познавъ трупъ мой,
Не предалъ его на снѣденіе псамъ и птицамъ.
Се милость, о которой молю тебя, великій Зевсъ!
А ты, низводитель тѣней, Меркурій, покрой меня
Глубокимъ сномъ, когда съ дерзновеннымъ и быстрымъ
Стремленіемъ паду не сей мечъ.
Также и васъ, всегда дѣвствующія,
Всегда взирающія на дѣянія смертныхъ,
Обожаемыя быстроногія Эринніи, призываю на помощь!
Познайте, какъ злополучный Аяксъ гибнетъ отъ Атридовъ. —
Да погибнутъ злодѣи сіи гибелію моей подобною!
Идите быстрыя и мстительныя Эринніи,

Πέμψον τιν' ἡμῖν ἄγγελον, κακὴν φάτιν
Τεύχρῳ φέροντα, πρῶτος ὡς με βασάσῃ
Πεπτῶτα τῷδε περὶ νεοβρύντῳ ξίφει,
Καὶ μὴ πρὸς ἐχθρῶν του κατοπτευθεὶς πάρος
Ῥίφθῶ κυσὶ πρόσβλεπτος οἰωνοῖς θ' ἕλωρ.
Τοσαῦτά σ', ὦ Ζεῦ, προσχέπω, καλῶ θ' ἅμα
Πομπαῖον Ἑρμὴν χθόνιον εὖ με κοιμίσαι,
Ξὺν ἀσφαδάστῳ καὶ ταχεῖ πηδήματι
Πλευρὰν διαρρήξαντα τῷδε φασγάνῳ.
Καλῶ δ' ἀρωγοὺς τὰς ἀεί τε παρθένους,
Ἀεί θ' ἑρώσας πάντα τἀν βροτοῖς πάθη,
Σεμνὰς Ἐριννύς ταναύποδας, μαθεῖν ἐμὲ,

Разите все Греческое воинство, не щадите никого!—
А ты, о Солнце, когда совершая по выспреннимъ
небесамъ
Шествіе твое, узришь родительскую мою землю,
Останови коней твоихъ, возвѣсти о бѣдственной
Судьбѣ моей престарѣлому отцу и несчастной
матери!
Услышавъ вѣсть сію, о злосчастная, наполнитъ
она
Весь градъ воплемъ и рыданіемъ.
Но оставимъ безполезный плачъ и сѣтованіе:
Поспѣшимъ къ совершенію предпріятаго намѣренія.
О Смерть! пріиди, и на меня обрати твои взоры!
Тамъ съ тобою единою бесѣдовать буду:
Итакъ, о свѣтило дневное, Солнце,
Въ послѣдній разъ обращаю къ тебѣ мое слово,
Ужѐ никогда не услышишь моего гласа. —
О Саламина, любезное отечество, жилище боговъ
отеческихъ,
Пресловутые Аѳиняне, народъ мнѣ соплеменный,
И Троянскія поля, васъ теперь призываю.

Πρὸς τῶν Ἀτρειδῶν ὡς διόλλυμαι τάλας.
Ἴτ', ὦ ταχεῖαι ποιναὶ τ' Ἐρινύες,
Γεύεσθε, μὴ φείδεσθε, πανδήμου στρατοῦ!
Σὺ δ', ὦ τὸν αἰπὺν οὐρανὸν διφρηλατῶν,
Ἥλιε, πατρῴαν τὴν ἐμὴν ὅταν χθόνα
Ἵδῃς, ἐπισχὼν χρυσόπωτον ἡνίαν,
Ἄγγελον ἄτας τὰς ἐμὰς μόρον τ' ἐμὸν
Γέροντι πατρὶ, τῇ τε δυσήνῳ τροφῷ! —
Ἤ που τάλαινα, τήνδ' ὅταν κλύῃ φάτιν,
Ἥσει μέγαν κωκυτὸν ἐν πάσῃ πόλει. —
Ἀλλ' οὐδὲν ἔργον ταῦτα θρηνεῖσθαι μάτην,
Ἀλλ' ἀρκτέον τὸ πρᾶγμα σὺν τάχει τινί.

И вы, о питательницы мои, примите сіе послѣднее
прощаніе!
Аяксъ сіи обращаетъ къ вамъ послѣднія слова:
Все прочее возвѣщу во адѣ. —

Таковый монологъ мы почли бы слишкомъ длиннымъ и малоприличнымъ обстоятельству, при которомъ онъ былъ произнесенъ, а обращенія показались бы чрезъ мѣру умноженными; но сіе-то древніе называли novissima verba, т.е. *послѣднія слова*, слова умирающаго, которыя составляли у нихъ нѣкоторый родъ священнаго и страшнаго заклинанія. Изъ сего видно, что Аяксъ ничего не забываетъ при послѣднемъ прощаніи, ни даже своихъ кормилицъ. Монологъ сей заключаетъ въ себѣ множество обращеній: вообще оныя гораздо чаще встрѣчаются въ трагедіяхъ древнихъ, нежели въ нашихъ, потому что они олицетворяли множество такихъ

Ὦ Θάνατε, Θάνατε, νῦν μ' ἐπίσκεψαι μολών!
Καὶ τοι σὲ μὲν κἀκεῖ προσαυδήσω ξυνών·
Σὲ δ', ὦ Φαεννῆς ἡμέρας, τὸ νῦν, σέλας,
Καὶ τὸν διφρευτὴν Ἥλιον προςεννέπω,
Πονύςατον δὴ, κοὔποτ' αὖθις ὕςερον. —
Ἀφεγγὲς ὦ γῆς ἱερὸν οἰκείας πέδον
Σαλαμῖνος, ὦ πατρῷον ἑςίας βάθρον,
Κλειναί τ' Ἀθῆναι, καὶ τὸ σύντροφον γένος,
Κρῆναί τε, ποταμοί θ' οἵδε, καὶ τὰ Τρωϊκὰ
Πεδία, προσαύδω· χαίρετ', ὦ τροφῆς ἐμοί!
Τοῦθ' ὑμῖν Λίας τοὔπος ὕςατον θροεῖ·
Τὰ δ' ἀλλ' ἐν Ἅιδου τοῖς κάτω μυθήσομαι. —

существъ, которыя представляютъ намъ не иное что, какъ токмо физическія понятія, какъ то: источники, хижины, рощи, рѣки; они одушевляли и освящали все. Они говорили болѣе воображенію, а мы говоримъ болѣе разуму. Съ первымъ стихотворство согласуется гораздо удобнѣе, нежели съ другимъ. Почему новѣйшіе писатели, занимавшіеся съ особеннымъ успѣхомъ въ вышшей поэзіи и въ вышшемъ краснорѣчіи, приближились, колико возможно, болѣе къ древности.

Новѣйшіе писатели трагедію сію кончили бы стихами, выше сего приведенными, и смертію Аякса; но для Грековъ она симъ еще не кончилась; ибо имъ надлежало знать, что послѣдуетъ съ тѣломъ умершаго Аякса. Съ одной стороны выходитъ хоръ, а съ другой Текмесса. Тевкръ, столь долго и съ великимъ нетерпѣніемъ ожиданный, наконецъ является. Онъ узнаётъ о несчастіи своего брата. Хоръ замѣчаетъ, что Гекторъ, когда Ахиллесъ влачилъ его по землѣ, былъ привязанъ къ колѣсницѣ перевязью, полученною имъ отъ Аякса, и что Аяксъ поразилъ себя мечемъ, подареннымъ ему отъ Гекпора. *Сіи взаимные и пагубные дары двухъ непріятелей были конечно* (говоритъ онъ) *сдѣланы самими фуріями.* Понятія и предвѣщанія, приписываемыя предметамъ неодушевленнымъ, составляли обыкновенный языкъ древности. Менелай приходитъ отъ лица начальниковъ Греческаго воинства съ запрещеніемъ, чтобы Тевкръ не предавалъ

погребенію Аякса, который хотѣлъ лишить жизни Атридовъ: возстаетъ великій споръ между Менелаемъ и Тевкромъ. Первый удаляется, угрожая, что онъ употребитъ силу. Тевкръ урѣзываетъ нѣсколько своихъ и Эвризасовыхъ волосъ, и бывъ принужденъ на краткое время отлучиться, дабы найти удобное мѣсто для погребенія Аякса, оставляетъ для охраненія онаго одну только его жену Текмессу и сына его Эвризаса. Священные сіи остатки отдаетъ онъ подъ защищеніе слабости и юности. „Да погибнетъ тотъ, говоритъ Тевкръ, кто дер„знетъ коснуться сего залога. Онъ самъ „и всѣ родственники его падутъ подобно симъ „власамъ, отъ острія ножницъ низпадшимъ.“ Пренесемся мысленно въ сей толико отличный отъ нашего вѣкъ, и посмотримъ, умилительно ли такое зрѣлище, каково есть тѣло отца, охраняемое единою только женщиною и малолѣтнымъ отрокомъ отъ непріятелей, похитить его угрожающихъ; посмотримъ, было ли бы изображеніе сіе столь же прекрасно на театрѣ, сколько на холстѣ, и согласимся, что вѣра язычниковъ была піитическая и театральная, и что Софоклъ и Гомеръ употребляли оную, какъ прилично было людямъ великимъ.

Въ пятомъ дѣйствіи является на театръ самъ Агамемнонъ, подтверждаетъ объявленное Менелаемъ запрещеніе и возобновляетъ распрю съ Тевкромъ. Въ семъ состоитъ самая важная погрѣшность: оная особенно

находится болѣе въ томъ, что два явленія имѣютъ только одинъ предметъ безъ малѣйшей перемѣны въ дѣйствованіи. Улиссъ является къ спати для прекращенія сей неблагопристойной распри, дошедшей до величайшихъ ругательствъ. Онъ сохраняетъ свое благородное свойство, и доказываетъ сыну Атрееву, что весьма постыдно изъявлять злость свою надъ умершимъ непріятелемъ. Агамемнонъ преклоняется, и трагедія кончена.

Цѣлыя два дѣйствія употреблены только на узнаніе, будетъ ли погребено тѣло Аяксово или нѣтъ? — Во всей трагедіи подъ названіемъ *Антигона*, которая однакожъ есть одна изъ самыхъ чувствительныхъ Софокловыхъ трагедій, также ни о чемъ болѣе не говорится, какъ только о томъ, что Полинику отказываепся въ погребеніи. Она была представлена тридцать два раза въ Аѳинахъ, и сочинитель въ вознагражденіе за трудъ сей сдѣланъ былъ Префектомъ въ Самосѣ. Старшій Ротру сдѣлалъ подражаніе оной, которое имѣло въ свое время успѣхъ и которое не недостойно сочинителя трагедіи *Вѣнцеславъ*.

Сія трагедія есть продолженіе *Ѳиваиды*. Обоихъ сыновъ Эдиповыхъ уже не было въ живыхъ. Самъ Эдипъ жилъ въ совершенномъ уединеніи. Креонъ царствуетъ въ Аѳинахъ, и первое дѣйствіе власти его было запрещеніе погребенія Полиника, убитаго во время войны,

которую велѣлъ онъ противъ своего отечества. Мы уже видѣли, что предметъ сей составлялъ часть Эсхиловой трагедіи *Коэфоровъ*; но въ ней означенъ оный слегка. Предметъ сей преимущественно былъ описанъ Софокломъ. Я сообщу здѣсь самое краткое извлеченіе. Изложеніе весьма простое очень удачно производится противуположнымъ явленіемъ между двухъ Полиниковыхъ сестеръ Исмены и Антигоны. Одна страшится выдти изъ повиновенія, и навлечь на себя гнѣвъ царя; другая рѣшилась пренебречь все и послѣдовать одному только гласу природы, повелѣвающему ей воздать послѣдній долгъ брату своему, отъ всѣхъ людей оставленному. Мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ таковуюжъ противуположность слабости и твердости въ обѣихъ сестрахъ Орестовыхъ Электрѣ и Хризостемѣ. Сіе составляетъ еще новый родъ драматической красоты, коея Софоклъ далъ первые образцы. Антигона выполняетъ великодушное свое намѣреніе; ее задерживаютъ стражи Креона, и приводятъ предъ сего тиранна; ибо по жестокому нраву своему онъ заслуживаетъ сіе имя. Антигона отвѣтствуетъ ему съ мужественною гордостію, которая приводитъ его еще въ бо́льшее раздраженіе. Креонъ по видимому положилъ лишить ее жизни, какъ возмутительницу. Сынъ его Гемонъ, коему Антигона обѣщана была въ супружество, всячески старается укротить гнѣвъ своего отца; но видя непреклонность царя, онъ дѣлаетъ ему сильнѣйшія укоризны и объявляетъ, что

естьли онъ будетъ упорствовать въ ужасномъ своемъ намѣреніи, то уже никогда не увидитъ своего сына. Креонъ, пришедъ еще въ бо́льшее неистовство, осуждаетъ Антигону на заточеніе въ нѣкое подземелье, гдѣ должно было ей умереть съ голоду.

Въ то самое время, когда надлежало Антигонѣ идти на мѣсто своей казни, прорицатель Тирезій, слѣпый и ведомый отрокомъ, является предъ Креона, возвѣщаетъ ему о величайшихъ насчастіяхъ, коими онъ наказанъ будетъ за его жестокость. Креонъ, сперва принявшій сего старца весьма сурово, наконецъ устрашился грозныхъ его предсказаній, колеблется, трепещетъ; но при всемъ томъ стыдится уничтожить свои повелѣнія. Наконецъ соглашается, и самъ идетъ для удержанія отъ исполненія даннаго имъ приговора; но уже поздно, и въ пятомъ дѣйствіи узнаютъ, что Креонъ, по прибытіи своемъ, видѣлъ Антигону уже лищившую себя жизни своимъ покрываломъ, и князя Гемона, поразившаго себя мечемъ подлѣ Антигоны. Произшествіе сіе разсказываетъ одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ Эвридикѣ женѣ Креоновой. Она уходитъ, не произнеся ниединаго слова, и подобно Антигонѣ лишаетъ себя жизни. Сіе также почитается погрѣшностію въ театрѣ, доведенномъ уже до совершенства. Не должно вводить дѣйствующаго лица только для одной смерти, а Эвридика представляетъ здѣсь лице совсѣмъ излишнее и безъ всякой нужды умножаетъ собою число убіенныхъ, которыхъ

въ трагедіи сей и безъ нея довольно. Я остановлюсь на одномъ только размышленіи, къ коему подаетъ поводъ сіе сочиненіе. Ежели существовала когда либо драма, въ коей любовь должна занимать важное мѣсто, то таковою безъ сомнѣнія надлежитъ почитать упомянутую нами трагедію, въ которой отецъ осуждаетъ на смерть княжну, сыномъ его страстно любимую, назначенную ему въ супружество, и въ которой сей юный князь, по тщетныхъ усиліяхъ спасти свою любовницу, лишаетъ себя жизни. Новѣйшіе писатели извлеклибы изъ сего произшествія нѣсколько весьма нѣжныхъ и чувствительныхъ явленій, исполненныхъ всѣми выраженіями, злосчастной страсти приличными. Въ трагедіижъ Софокла даже и не упоминается объ оной. Она служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ, что древніе не почитали любви существенною частію трагедіи. Мы напротивъ того должны остерегаться, дабы слишкомъ изключительное преимущество, данное предметамъ любовнымъ, не привело нашего разсудка въ заблужденіе и не уменшило бы нашихъ удовольствій. Въ нихъ нѣтъ чрезвычайнаго излишества; а мы ниодного изъ нихъ не изключаемъ. Многіе почитаютъ холодными тѣ сочиненія, въ коихъ любовь не представляетъ важнаго лица, и мы имѣемъ очень хорошія творенія, кои съ сей стороны не возбуждаютъ въ насъ надлежащаго соучастія. Чтожъ? развѣ уже нѣтъ другихъ предметовъ, могущихъ обратить на себя особенное вниманіе? Не ужели любовь есть

только одно чувствованіе, свойственное драмамъ? Трагедія не имѣетъ ли множества другихъ способовъ, употребляемыхъ ею стольже удачно, и часто даже съ бо́льшимъ достоинствомъ? Издавна приобыкли къ нѣкоему странному, еще и въ наше время существующему злоупотребленію слѣдующаго мнѣнія: „*въ сочиненіяхъ не должно быть „никакой другой чувствительности, кромѣ той, которая живо изображаетъ „чувствованія самыя нѣжныя*;“ — какъ будто бы менѣе требуется чувствительности для описанія сильныхъ и жестокихъ страстей: правда, чувствительность сія есть другаго рода; но она имѣетъ въ себѣ столькоже дѣйствія и столькоже силы. Можно ли назвать сочинителя холоднымъ, когда, не употребляя любьви, онъ умѣетъ правлечь, разгорячить и даже возхитить умъ зрителя? Пятое дѣйствіе *Цинны*, четвертое дѣйствіе *Гораціевъ* не заставляютъ зрителя проливать слезы, не раздираютъ его сердца; однакожъ не взирая на то, что многіе требуютъ, дабы по симъ только двумъ качествамъ признаваемо было истинное достоинство трагедіи, не можно сказать, что бы прекрасныя сіи мѣста не производили въ душѣ нашей одного изъ тѣхъ пріятнѣйшихъ и живѣйшихъ движеній, каковыя она ощущать можетъ; потому что оное въ одно и тоже время возвышаетъ и приводитъ ее въ умиленіе. Ипакъ не станемъ превозносить одного достоинства уничиженіемъ другаго: опредѣлимъ каждому изъ нихъ приличное

мѣсто, и чтобы предпочтеніе никогда не обращалось въ изключеніе. Предоставимъ пристрастію сіе слишкомъ обыкновенное умословіе: „*такое-то сочиненіе написано „не въ томъ-то родѣ, слѣдовательно оно „нехорошо.*“ Сіе самое умствованіе подвержено еще страннымъ перемѣнамъ, какъ то бываетъ всегда съ умствованіемъ, страстями внушаемымъ. Ежели писатель, коего хотятъ охуждать, написалъ сочиненіе жалостное, заставляющее проливать слезы; тогда, (говорятъ они), что самое обыкновенное искуство есть дарованіе возбуждать другихъ къ пролитію слезъ. Написалъ ли онъ сочиненіе, обращающее на себя особенное вниманіе какимъ либо инымъ образомъ, и приводящее душу въ движеніе, не причиняя въ ней ни малѣйшаго смятенія; тогда они скажутъ, что все достоинство сочинителя должно состоять единственно въ искуствѣ изторгать у зрителей слезы. Таковоежъ непостоянство показывается и въ другихъ родахъ твореній. Я неоднократно принужденъ былъ возставать противъ мгновенныхъ и непостоянныхъ правилъ о~стихотворствѣ, въ пользу ненависти и зависти сочиняемыхъ. Напротивъ того какая находится разность въ стихотворческой наукѣ, предложенной писателемъ честнымъ, безпристрастнымъ и праводушнымъ; ее никогда не можно подозрѣвать въ пристрастіи. Будучи утверждена на непоколебимыхъ основаніяхъ, пребываетъ она непреложною во всѣ времена, отъ Аристотеля до Квинтиліана,

отъ Горація до Депрео; она, не давая особеннаго преимущества никакой части искусства на счетъ другихъ его частей, показываетъ только взаимную ихъ зависимость и различныя ихъ дѣйствія; она, различая роды, не превознося ниодного изъ нихъ для уничиженія другаго, показываетъ, что именно каждый изъ нихъ имѣетъ въ себѣ лучшаго, предоставляя всякому человѣку свободу въ выборѣ. Вотъ наука стихотворства, въ основательности которой, не наруша справедливости, никакъ сумнѣваться не можно. Надлежитъ преодолѣвать подлыя страсти, дабы найти истинну, и сіе преодолѣніе служитъ еще новымъ средствомъ къ приобрѣтенію какъ справедливости въ сужденіяхъ, такъ честности и прямосердечія.

Содержаніе *Эдипа въ Колонѣ*, хотя и не все, помѣщено въ новѣйшую трагедію *Эдипъ у Адмета*, сочиненную Г. Дюсолемъ; и было бы весьма желательно, чтобы сочинитель не смѣшивалъ содержанія сего съ содержаніемъ Эврипидовой *Альцесты*. Соединеніе двухъ различныхъ между собою трагедій должно по необходимости послужить ко вреду обѣимъ. Но все заимствованное имъ у Софокла было вообще одобрено, а сіе и доказываетъ, что онъ умѣлъ подражать, какъ человѣкъ съ особенными дарованіями. Въ явленіяхъ, извлеченныхъ имъ изъ Греческаго стихотворца, помѣстилъ онъ весьма прекрасныя мысли, которыми онъ нимало не обязанъ Софоклу, но которыя достойны сего

знаменитаго сочинителя, напр. сіи два стиха, кои произноситъ Эдипъ, проклиная Полиника:

Je rends graces à ses mains, qui dans mon désespoir,
M'ont d'avance affranchi de l'horreur de te voir.

Благодарю его руку, которая, въ моемъ отчаяніи,
Избавила меня отъ несноснаго твоего присутствія.

Чувствованіе и выраженіе имѣютъ здѣсь одинакую силу. Изъ сего же содержанія сочинена опера, и притомъ съ великимъ успѣхомъ. Я буду говорить о семъ въ другомъ мѣстѣ.

Главнымъ основаніемъ сей трагедіи находимъ еще мѣсто погребенія и гробницу: но противуположность неслыханной неблагодарности Полиника съ мужественною и неизмѣнною нѣжностію сестръ его Исмены и Антигоны, положеніе Эдипа, описаніе продолжительныхъ страданій его и сильнѣйшаго негодованія суть средства, обращающія на себя особенное вниманіе, средства самыя простыя, такъ какъ и всѣ прочія, каковыя употребляемы были Греками, и кои однакожъ бываютъ не менѣе сильны. Къ сему общему соучастію присовокуплялось еще другое, особенно Аѳинянамъ принадлежавшее. Оно состояло въ преданіи, что Эдипъ самъ избралъ мѣсто своего погребенія въ Аттикѣ; и прорицалища, подкрѣпленныя народнымъ довѣріемъ, объявили, что страна, въ которой погребено будетъ тѣло Эдипово, будетъ по-

кровительствуема богами, и содѣлается пагубною для Θивянъ, которые въ то время, какъ трагедія сія представлялась, находились уже въ несогласіи съ Аѳинянами. Итакъ политическія обстоятельства придавали сочиненію еще новое достоинство. Начало его важно, наполнено живыми изображеніями и удобно къ возбужденію страстей. Видѣнъ священный лѣсъ, храмъ, вдали городъ и слѣпый старецъ, юною дѣвою ведомый. Все изложеніе представлено въ изображеніяхъ и въ дѣйствованіи, такъ какъ и въ трагедіи *Царь Эдипъ*, къ разсмотрѣнію коея мы тотчасъ приступимъ. Сіе почитается великимъ достоинствомъ въ трагедіи, потому что представленіе въ самомъ началѣ должно обратить на оное взоры, любопытство и воображеніе зрителей. Сіе достоинство, которое впрочемъ не всякому трагическому содержанію прилично быть можетъ, принадлежитъ особенно Софоклу, доведшему оное до высочайшей степени совершенства. Эсхилъ не подалъ ему въ томъ примѣра, а Эврипидъ не подражалъ ему. Эдипъ ищетъ убѣжища, слѣдственно дочь его Антигона имѣетъ необходимую нужду узнать о мѣстѣ, гдѣ они находятся. Одинъ изъ жителей увѣдомляетъ ее о томъ весьма подробно, и симъ средствомъ зритель узнаетъ все, что только ему знать должно, т. е. что городъ, видѣнный вдали есть городъ Аѳины; мѣсто, гдѣ находятся Эдипъ и Антигона, называется Колоною; храмъ и роща посвящены Эвменидамъ; Тезей царствуетъ въ сей странѣ.

Хоръ, составленный изъ жителей Колоны, собравшихся около чужеземнаго старца, совѣтуетъ ему выдти изъ рощи, въ которую онъ вошелъ и въ которой никому изъ смертныхъ не позволено садиться. Всѣ увѣряютъ Эдипа, что никто не можетъ ни слушать словъ его, ни отвѣчать ему, ежели онъ тутъ останется. Эдипъ выходитъ изъ своего убѣжища, садится на камень. Антигона умоляетъ объ оказаніи гостепріимства своему отцу и ей самой. Эдипъ проситъ, чтобы пришелъ къ нему Тезей, коему онъ долженъ открыть важныя тайны. Онъ препоручаетъ себя покровительству Эвменидъ, молитъ ихъ принять его, исполнить прорицалище Аполлоново, предсказавшее, что храмъ ихъ будетъ мѣстомъ, гдѣ окончатся всѣ его несчастія, и что присутствіе его въ ономъ содѣлается предвѣщаніемъ гибельнымъ для изгнавшихъ его, а счастливымъ для тѣхъ, кои дадутъ ему прибѣжище. Наконецъ онъ объявляетъ имя свое, и сіе имя приводитъ въ содроганіе всѣхъ, услышавшихъ объ ономъ. Во время сего разговора Антигона видитъ прибывшую сестру свою Исмену, которая, будучи одушевлена одинаковыми съ нею чувствованіями, оставила Ѳивы, желая быть участницею въ жребіи отца своего. Она извѣщаетъ о возникшей между Этеокломъ и Полиникомъ войнѣ, о изгнаніи Полиника изъ Ѳивъ; и что Ѳиване узнавъ о прорицалищѣ, назначающемъ столь важную судьбу гробу Эдипа, присылаютъ къ нему Креона съ прозьбою, чтобы онъ возвратился

въ Θивы. Хоръ почувствовалъ тогда, сколь важенъ сей слѣпый и изгнанный старецъ, и сколь великое обращаютъ на него вниманіе и боги и человѣки. Замѣтьте, что весьма немного требовалось, чтобы содѣлать вѣроподобнымъ поступокъ такого царя, каковъ Тезей, который самъ приходитъ къ несчастному чужеземцу, доведенному до крайней бѣдности; такимъ-то образомъ Софоклъ умѣетъ наблюдать правдоподобіе. Свиданіе Эдипа съ Тезеемъ есть таково, каковымъ быть ему надлежало; съ одной стороны чистосердечныя и великодушныя предложенія, съ другой благородная покорность. Тезей приглашаетъ старца въ свои чертоги; но Эдипъ желаетъ лучше остаться тамъ, гдѣ онъ находится, и, не взирая ни на какія представленія о злыхъ намѣреніяхъ Креона, онъ не вѣритъ, чтобы ктонибудь осмѣлился похитить человѣка, находящагося подъ покровительствомъ Тезея. Какъ скоро государь сей удалился, является Креонъ съ отрядомъ воиновъ, и сперва старается преклонить Эдипа прозьбою; но видя всѣ старанія свои тщетными, онъ прибѣгаетъ къ самому вѣрному средству принудить его возвратиться въ Θивы, средство сіе состояло въ томъ, чтобы лишить Эдипа обѣихъ его дочерей, составлявшихъ послѣднюю его надежду и помощь. Креонъ въ самомъ дѣлѣ похищаетъ ихъ, не взирая на вопль и жалобы Эдипа и хора, который, будучи составленъ изъ однихъ безоружныхъ старцевъ, не можетъ возпротивиться вооруженнымъ воинамъ Креона.

Но Тезей, находившійся еще по близости, разгоняетъ похитителей, возвращаетъ Исмену и Антигону, и дѣлаетъ Креону благородные и умѣренные упреки за безчестное насиліе, на которое онъ попустился. Здѣсь встрѣчаются два замѣчанія, относящіяся до успѣховъ театральнаго искуства; первое, что не должно выводить на театръ такихъ двухъ лицъ, каковы суть Исмена и Антигона, поступающія во всемъ одинаково, и имѣющія только одинъ предметъ въ трагедіи; потому что весьма неприлично раздѣлять то соучастіе, которое должно принадлежать только одной изъ сихъ двухъ сестеръ: и потому въ трагедіи Г. Дюсиса видимъ одну Антигону безъ Исмены. Двѣ добродѣтельныя дочери, вмѣсто одной, такъ какъ и двѣ опоры, не только не увеличиваютъ, но еще уменшаютъ дѣйствіе положенія. Правило сіе весьма справедливо: добродѣтель, коея образецъ видимъ мы только въ одномъ человѣкѣ, поражаетъ насъ болѣе, нежели та, которую видимъ вдругъ въ двухъ особахъ, и злополучіе, находящее себѣ помощь въ двухъ человѣкахъ, гораздо менѣе достойно сожалѣнія, нежели то, которое находитъ ее только въ одномъ. Другое замѣчаніе приводитъ намъ на память правило Аристотеля, который говоритъ, что весьма безполезно вводить въ трагедію дѣйствующее лице, покушающееся на какое либо предпріятіе безъ всякаго успѣха. Таковъ здѣсь Креонъ, желающій похитить двухъ княженъ, и, не получивъ въ предпріятіи своемъ успѣха, на театръ уже не является. Таковая

эпизода, производящая кратковременную опасность, есть обстоятельство, непринадлежащее къ составу трагедіи. Вотъ общее тому правило: все, составляющее въ драмѣ завязку, все подвергающее дѣйствующія лица опасности, должно быть обнаруживаемо не прежде, какъ въ концѣ сочиненія; безъ чего эпизода бываетъ неудачна, и на театрѣ всегда производитъ весьма худое дѣйствіе: на примѣръ, всякъ ясно видитъ, что въ приведенной здѣсь Софокловой трагедіи прибытіе Креона и похищеніе двухъ сестеръ есть совершенное излишество; ибо само по себѣ видно, что Креонъ не имѣлъ никакой власти надъ Эдипомъ, и что Тезей не допуститъ похитить у себя двухъ дѣвицъ, коихъ отецъ находится подъ особеннымъ его покровительствомъ. Кто же составляетъ настоящій узелъ сей трагедіи? Полиникъ. Раскаяніе сына, поддерживаемаго усердными прозьбами сестры, возторжествуетъ ли надъ справедливымъ негодованіемъ Эдипа, неправедно дѣтьми своими изгнаннаго изъ Ѳивъ? Вотъ любопытное произшествіе, которое обращаетъ на себя вниманіе наше. Оно начинается только въ четвертомъ дѣйствіи; но за то коль великую выгоду извлекъ изъ онаго Софоклъ! Тезей сперва возвѣщаетъ, что нѣкій странникъ пришелъ поклониться предъ жертвенникомъ Нептуна, и проситъ, чтобы безъ всякой опасности можно было ему видѣть Эдипа. Это Полиникъ, это братъ мой, говоритъ Антигона Исменѣ, которая также нимало въ томъ не сумнѣвается. Со

трепетомъ сказываютъ они о семъ отцу своему, который запрещаетъ имъ допускать его къ себѣ: обѣ дочери Эдиповы умоляютъ Тезея соединить прозьбы свои съ ихъ прозьбами и преклонить Эдипа къ выслушанію разкаевающагося сына. Тезей соглашается на убѣдительныя ихъ прозьбы, но притомъ даетъ знать, что Полинику не остается никакой надежды. Здѣсь надлежитъ привесть себѣ на память все, на чемъ основано сіе театральное положеніе, дабы правильно судить о слѣдствіи. Эдипъ въ первомъ движеніи своего отчаянія, когда несчастная участь была ему открыта, осудилъ самъ себя на изгнаніе. Сперва его не допустили исполнить сіе намѣреніе, и онъ остался въ Ѳивахъ; но послѣ Полиникъ, жертвуя родствомъ честолюбію своему, былъ столь жестокъ, что принудилъ отца своего произнесенныя имъ противъ самаго себя гибельныя заклятія исполнить въ то самое время, когда онъ разкаевался въ произнесеніи оныхъ, и когда печаль его уже начинала укрощаться. Итакъ не иной кто, какъ Полиникъ возобновилъ опредѣленіе о изгнаніи отца своего; онъ, такъ сказать, предалъ его фуріямъ, отторгнувъ изъ нѣдръ своего отечества и отъ боговъ домашнихъ. Съ того времени Эдипъ принужденъ былъ скитаться и просить милостыни. Таже участь постигла и Полиника: будучи изгнанъ изъ Ѳивъ, лишенъ престола братомъ своимъ Этеокломъ, онъ принужденъ былъ просить помощи у союзныхъ царей, и зная, что помощь Эдипова была бы для него весьма

полезна, а притомъ будучи мучимъ угрызеніями совѣсти, возпрянувшей при злополучіяхъ, пораженъ ужасомъ и сожалѣніемъ вида, до какого состоянія довелъ онъ отца и сестръ своихъ, онъ конечно находится въ такомъ жестокомъ положеніи, въ какомъ только человѣкъ находиться можетъ. Ему весьма нужно было преклонить Эдипа; но все, что онъ ни видѣлъ, лишало его сей надежды. Онъ смотритъ на отца своего, и проливаетъ слезы; употребляетъ послѣднія усилія, дабы привесть его въ умиленіе, и не получаетъ даже отвѣта. Старецъ сидитъ на камнѣ, потупя взоры, недвижимъ, въ глубочайшемъ молчаніи. Обѣ дочери, имѣющія великую силу надъ его сердцемъ, умоляютъ о прощеніи преступника, но тщетно. Тогда начинаетъ говорить хоръ; онъ представляетъ, что Полиникъ присланъ Тезеемъ, царемъ Аттики, который принялъ Эдипа благосклонно и почтилъ гостепріимствомъ. Эдипъ, сколь ни жестоко былъ разгнѣванъ, не могъ однакоже не сдѣлать ему отвѣта. При словѣ *гостепріимство*, которое древніе почитали дѣломъ священнымъ, старецъ чувствуетъ, что онъ непремѣнно долженъ говорить съ присланнымъ къ нему отъ Тезея: но отвѣтъ его таковъ, каковаго надлежало ожидать послѣ продолжительнаго и ужаснаго безмолвія (*).

Ежели бы, о мужи, не Тезей, царь сея страны,
Прислалъ его ко мнѣ, да принесетъ ему отвѣтъ мой,

(*) Ἀλλ' εἰ μέν, ἄνδρες, τῆσδ' ὁ δημοῦχος χθονὸς,
Μὴ τύγχαν' αὐτὸν δεῦρο προσπέμψας ἐμοί,

То никогда бы не услышалъ онъ моего гласа!
Нынѣжъ честь сію получитъ, хотя услышанныя имъ
Слова мои никогда неусладятъ горестной его жизни.
Ты, о пребеззаконный, обладая скипетромъ
И престоломъ Ѳивскимъ, которыми владѣетъ
Нынѣ братъ твой Этеоклъ, изгналъ твоего ро-
дителя
Изъ отечества, принудилъ его облещися
Въ рубище, на которое взирая проливаешь слезы,
Когда и самаго тебя подобныя моимъ постигли
бѣдствія.
Мнѣ должно не оплакивать твои несчастія,
Но взирать на нихъ равнодушно, доколѣ отце-
убійство твое
Въ памяти моей сохраняться будетъ.
Ибо ты повергъ меня въ сіи бѣдствія;
Ты изгналъ меня, ты заставилъ меня
Скитаться повсюду, и, подобно нищему,
Просить у другихъ насущнаго хлѣба.
Ежели бы я не имѣлъ сихъ питающихъ меня

Θησεὺς, δικαιῶν ὥς ἐμοῦ κλύειν λόγους,
Οὐδ' ἄν ποτ' ὀμφῆς τῆς ἐμῆς ἐπήθετο·
Νῦν δ' ἀξιωθεὶς εἶσι, κἀκούσας γ' ἐμοῦ
Τοιαῦθ', ἃ τὸν τοῦδ' οὔ ποτ' εὐφρανεῖ βίον,
Ὅς γ', ὦ κάκιστε, σκῆπτρα καὶ θρόνους ἔχων,
Ἃ νῦν ὁ σὸς ξύναιμος ἐν Θήβαις ἔχει,
Τὸν αὐτὸς αὑτοῦ πατέρα τόνδ' ἀπήλασας,
Κἄθηκας ἄπολιν, καὶ τολὰς ταύτας φορεῖν,
Ἃς νῦν δακρύεις εἰσορῶν, ὅτ' ἐν πόνῳ
Ταυτῷ βεβηκὼς τυγχάνεις κακῶν ἐμοί.
Οὐ κλαυστὰ δ' ἐστὶν, ἀλλ' ἐμοὶ μὲν οἰστέα
Τάδ', ἕως περ ἄν ζῶ σοῦ φονέως μεμνημένος.
Σὺ γάρ με τύχῃ τῇδ' ἔθηκας ἔντροφον,
Σὺ μ' ἐξέωσας· ἐκ σέθεν δ' ἁλώμενος
Ἄλλους ἐπαιτῶ τὸν καθ' ἡμέρον βίον.

Дщерей, то давно бы я лишился жизни:
Нынѣ онѣ прилагаютъ о мнѣ попеченіе,
Онѣ суть мои питательницы:
Раздѣляя со мною ужасныя бѣдствія,
Онѣ не дѣвами, но мужами называться
Достойны; а ты и братъ твой не отъ моей произошли крови.
Ступай, веди воинство твое противъ Ѳивъ:
Но знай, что града сего не разрушишь;
Ты и братъ твой, обагренные кровію,
Падете у стѣнъ его.
Уже давно произнесъ я сіи ужасныя на васъ проклятія,
Нынѣ паки ихъ повторяю,
Ихъ призываю къ себѣ на помощь, да научитесь
Почитать родителей, не вводить ихъ
Въ крайнее огорченіе, каковое нанесли вы
Вашему отцу, лишенному зрѣнія:
Но дщери мои сего не сдѣлали.
Итакъ онѣ возсядутъ на престолѣ твоемъ,

Εἰ δ' ἐξέφυσα τάσδε μὴ μαυτῷ τροφοὺς
Τὰς παῖδας, ὦ τὰν, οὐκ ἂν ἦν, τὸ σὸν μέρος·
Νῦν δ' αἵδ' ἐμ' ἐκσώζουσιν, αἵδ' ἐμαὶ τροφοί,
Αἵδ' ἄνδρες, οὐ γυναῖκες, ἐς τὸ ξυμπονεῖν,
Ὑμεῖς δ' ἀπ' ἄλλου, κοὐκ ἐμοῦ, πεφύκατον.
Τοιγάρ σ' ὁ δαίμων εἰσορᾷ μὲν οὔ τι πω
Ὡς αὐτίκ', εἴπερ σίδε κικῦσι λόχοι
Πρὸς ἄστυ Θήβης· οὐ γὰρ ἐθ' ὅπως πόλιν
Κείνην ἐρείψας, ἀλλὰ πρόσθεν αἵματι
Πεσεῖ μιανθείς, χὠ ξύναιμος ἐξ ἴσου·
Τοιάσδ' ἀρὰς σφῷν πρόσθε τ' ἐξανῆκ' ἐγὼ,
Νῦν τ' ἀναχαλοῦμαι ξυμμάχους ἐλθεῖν ἐμοὶ,
Ἵν' ἀξιῶτον τοὺς φυτεύσαντας σέβειν,
Καὶ μὴ ξατιμάζητον, εἰ τυφλοῦ πατρὸς
Τοιῶδ' ἔφυτον· αἵδε γὰρ τάδ' οὐκ ἐδρῶν.

Сего хощетъ богиня правосудія,
Всегда престолу Юпитера присѣдящая.
Бѣги въ пропасть несчастій, о беззаконнѣйшій изъ
беззаконныхъ,
Возненавидѣвшій и отрекшійся отца своего,
Бѣги, и неси съ собою сіи проклятія:
Ты не возобладаешь родительскою землею,
Не возвратишься никогда въ твое отечество,
Но падешь отъ руки родственника твоего,
И самъ поразишь изгнавшаго тебя брата.
Сего тебѣ желаю, и призываю ужаснаго Эрева,
Брата Тартара, да низведетъ тебя въ жилище
ипьмы:
Сихъ боговъ призываю, и купно съ ними Марса,
Напитавшаго васъ ужасною своею ненавистію.
Теперь иди, возвѣсти слышанное тобою Θивянамъ
И всѣмъ твоимъ вѣрнымъ сотоварищамъ,
Что Эдипъ таковое сынамъ своимъ дѣлаетъ воз-
мездіе.

Τοιγὰρ τὸ σὸν θάκημα καὶ τοὺς σοὺς θρόνους
Κρατοῦσιν, εἴπερ ἐστὶν ἡ παλαίφατος
Δίκη ξύνεδρος, Ζηνὸς ἀρχαίοις νόμοις·
Σὺ δ' ἔρρ' ἀπόπτυστός τε, κἀπάτωρ ἐμοῦ,
Κακῶν κάκιστε, τάσδε συλλαβὼν ἀρὰς,
Ἃς σοὶ καλοῦμαι, μήτε γῆς ἐμφυλίου
Δορὶ κρατῆσαι, μήτε νοστῆσαι ποτε
Τὸ κοῖλον Ἄργος, ἀλλὰ συγγενεῖ χερὶ
Θανεῖν, κτανεῖν θ' ὑφ' οὗπερ ἐξελήλασαι.
Τοιαῦτ' ἀρῶμαι. καὶ καλῶ τοῦ Ταρτάρου
Στυγνὸν πατρῷον Ἔρεβος, ὥς σ' ἀποικίσῃ,
Καλῶ δὲ τάσδε δαίμονας, καλῶ δ' Ἄρη,
Τὸν σφῶν τὸ δεινὸν μῖσος ἐμβεβληκότα.
Καὶ ταῦτ' ἀκούσας ἔρπε, καὶ ξάγγελλ' ἰὼν
Καὶ πᾶσι Καδμείοισι, τοῖς σαυτοῦ θ' ἅμα
Πιστοῖσι συμμάχοισιν, οὕνεκ' Οἰδίπους
Τοιαῦτ' ἔπαμε παισὶ τοῖς αὑτοῦ γέρας.

Полиникъ удаляется въ отдаленіи и ускоряетъ исполненіемъ несчастныхъ предсказаній своего родителя. Слышанъ громовый ударъ, который Эдипъ почитаетъ знакомъ приближающейся своей кончины. Тезей возвращается, и старецъ возвѣщаетъ съ величественнымъ прорицательнымъ видомъ, что боги призываютъ его гласомъ грома и бурь. Чувствуетъ себя вдохновенна свыше, и идетъ, говоритъ онъ, одинъ безъ проводника къ тому мѣсту, гдѣ должно ему лишиться жизни. „Сами судьбы ведутъ меня сюда; „слѣдуйте за мною, дщери мои, я буду во„ждемъ вашимъ подобно, какъ вы доселѣ были „путеводительницами моими. Да оставятъ „меня, да никто не подходитъ ко мнѣ. Я „одинъ найду мѣсто, гдѣ земля должна при„нять меня въ свою утробу. Сюда: идите „за мною; Меркурій и богини ада суть мои „путеводители. Любезный Тезей, и вы ве„ликодушные Аѳиняне, будьте всегда счаст„ливы; не забывайте Эдипа.“ Хоръ занимаетъ промежутокъ между отшествіемъ и повѣствованіемъ о его смерти, толикоже наполненнымъ чудными произшествіями, как и весь вымыслъ сей трагедіи. Пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ дорога раздѣляется въ разныя стороны, онъ сѣлъ на семъ разпутіи, снялъ съ себя одежду, велѣлъ принесть воды изъ близь протекающаго источника, и омывъ тѣло свое, надѣлъ другую одежду, въ каковую обыкновенно облекаютъ умершихъ. Земля поколебалась; Эдипъ въ послѣдній разъ простился съ своими дочерями, которыя

бiютъ себя въ грудь, изпуская тяжкія стенанія и вопль. Слышанъ гласъ съ неба: „Эдипъ! чего „ты ждешь?“ Онъ обнялъ дочерей своихъ, поручилъ ихъ Тезею, и повелѣлъ имъ удалиться, да не узрятъ смерти его, которыя одинъ только Тезей, по волѣ боговъ, долженъ быть свидѣтелемъ, и хранить ее въ тайнѣ. Всѣ удалились, и чрезъ минуту никто уже не видалъ Эдипа, но только Тезея, закрывающаго лице свое руками, какъ будто бы взоры его были ослѣплены нѣкiимъ небеснымъ видѣнiемъ. „Что касается до Эдипа (продол„жаетъ вѣстникъ), то родъ смерти его не„извѣстенъ; конечно разверзшаяся земля „приняла его въ свои нѣдра, такъ что онъ „не чувствовалъ ни скорьби, ни терзанія.“ Во всей трагедiи сей видѣнъ нѣкiй священный ужасъ и нѣкiй таинственный страхъ, который весьма нравится любителямъ трагедiи; въ ней находятся великія красоты; но я думаю, что надлежало бы имѣть великое искуство новѣйшему сочинителю, желающему съ успѣхомъ употребить развязку сей трагедiи на нашемъ театрѣ, чтобы не сдѣлать изъ оной явленія, операмъ приличнаго.

Сей родъ Лавдакидовъ, осквернившiйся многими убiйствами, кровосмѣшенiемъ и другими многоразличными преступленiями, доставилъ Софоклу содержанiе для сочиненiя трехъ трагедiй. Первая, слѣдующая по порядку произшествiй, была *Эдипъ царь*, о коей я скоро говорить буду. Оную, такъ какъ и Электру, оставилъ я для соединенія

двухъ сочиненій, которыя Волтеръ избралъ себѣ образцами.

Содержаніе трагедіи *Эдипъ царь*, столь извѣстно, что я почитаю за нужное ограничить себя нѣкоторыми замѣчаніями только на то, что обѣ сіи трагедіи имѣютъ между собою общаго, и чѣмъ одна отъ другой отличается.

Начало и изложеніе Софокла удачны и театральны. Старцы, дѣти, первосвященникъ, жертвоприносители, имѣя головы, украшенныя священными повязками, и съ вѣтвями въ рукахъ, означающими усердное моленіе, простерлися у подножія нѣкоего жертвенника, находящагося при входѣ во дворецъ Эдипа. Едипъ явился, и хотѣлъ, какъ онъ самъ говоритъ, видѣть собственными своими очами состояніе несчастныхъ своихъ подданныхъ. Первосвященникъ начинаетъ говорить и дѣлаетъ жалостное описаніе опустошеній, причиняемыхъ моровою язвою въ Ѳивахъ. Ѳивяне прибѣгаютъ съ моленіемъ къ единственнымъ своимъ защитникамъ, т. е. къ богамъ и къ своему царю, сему толь мудрому и счастливому царю, избавившему ихъ отъ Сфинкса, и который, не бывъ еще ихъ государемъ, былъ уже ихъ избавителемъ. Онъ предупредилъ ихъ моленіе и отправилъ зятя своего Креона въ Дельфы для узнанія причины, навлекшей на Ѳивы гнѣвъ боговъ. Онъ ежеминутно ожидаетъ Креона, которому надлежало бы давно возвратиться.

Наконецъ является Креонъ, возвѣщаетъ, что прорицалище приказываетъ отыскать убійцу Лаія и отмстить за смерть его. Эдипъ принимаетъ на себя все попеченіе объ отысканіи виновныхъ, и заблаговременно произноситъ ужаснѣйшія проклятія противу убійцы, проклятія, которыя дѣйствуютъ надъ зрителемъ пѣмъ сильнѣе, что оныя обращаются на самаго того, кто ихъ произноситъ. Волтеръ выразилъ оныя въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Et vous, dieux des Thébains, dieux qui nous exaucez,
Punissez l'assassin, vous qui le connaissez.
Soleil, cacher à ses yeux le jour qui nous éclaire!
Qu'en horreur à ses fils, exécrable à sa mere,
Errant, abandonné, proscrit dans l'univers,
Il rassemble sur lui tous les maux des enfers,
Et que son corps sanglant privé de sépulture,
Des vautours dévorans devienne la pâture (*).

(*) А вы, боги покровители Ѳивянъ, боги, внемлющіе моленіямъ нашимъ,
Накажите убійцу, вы знаете его.
Солнце, сокрой отъ очей его сей свѣтъ, насъ озаряющій!
Да содѣлавшись ненавистнымъ у дѣтей своихъ, омерзительнымъ своей матери,
Скитаясь, оставленный отъ всѣхъ, изгнанникомъ во всемъ свѣтѣ,
Соберетъ онъ на главу свою всѣ адскія мученія,
И пусть окровавленный его трупъ, лишенный погребенія,
Послужитъ пищею хищныхъ врановъ.

Все сіе первое дѣйствіе написано съ особеннымъ искуствомъ. Волтеръ не воспользовался симъ прекраснымъ изложеніемъ; онъ поступилъ еще хуже, ибо не только не сожалѣлъ о выгодѣ, которую могъ бы извлечь изъ онаго изложенія, но еще отзывается объ немъ съ весьма несправедливымъ презрѣніемъ въ *письмахъ*, помѣщенныхъ имъ при первомъ изданіи Эдипа, и которыя онъ потомъ изключилъ изъ всѣхъ изданій полнаго собранія своихъ сочиненій; но онѣ были опять напечатаны книгопродавцами, коимъ поручилъ онъ смотрѣніе за изданіями, въ послѣдніе годы его жизни вышедшими. Впрочемъ письма сіи любопытны и достойны напечатанія; ибо содержатъ въ себѣ основательную критику, сочиненную имъ самимъ на трагедію свою *Эдипъ*, и весьма благоразумныя замѣчанія о семъ предметѣ. Можно полагать, что Волтéръ не прежде изключилъ *письма* сіи изъ своихъ сочиненій, какъ почувствовавъ несообразность своихъ разсужденій о томъ самомъ Софоклѣ, коему онъ въ послѣдствіи времени оказалъ должную справедливость въ предисловіи къ трагедіи *Орестъ*. Я полагаю, что естьли бы Волтеръ при новомъ изданіи своихъ писемъ, прочиталъ ихъ съ бóльшимъ вниманіемъ, то конечно выбросилъ бы несовмѣстныя и необдуманныя сужденія свои о изложеніи Греческаго *Эдипа*, которому онъ долженъ бы подражать. Онъ отзывается объ немъ слѣдующимъ образомъ, не приписывая ни малѣйшей похвалы сочинителю.

„Трагедія начинается хоромъ, составлен-
„нымъ изъ Θивянъ, простершихся при под-
„ножіи жертвенниковъ. Эдипъ, избавитель
„и царь ихъ, является предъ ними. *Я Эдипъ*,
„говоритъ онъ, *столь много похваляемый*
„*всѣми.*“ Изъ сего заключить можно, что Θивяне знали, что царь ихъ называется Эдипомъ.

Такъ, въ томъ никто не сумнѣвается, что Θивяне знали имя своего царя, но Волтеръ не зналъ языка Греческаго; и заставляя Софокла говорить то, о чемъ стихотворецъ сей совсѣмъ не упоминаетъ, впалъ въ такую ошибку, которая научаетъ насъ, что не должно судить о томъ, чего не знаешь. Что скажутъ о такомъ критикѣ, который услыша сей первый стихъ въ Ифигеніи:

Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi qui t'éveille,

началъ бы упрекать Расина, что онъ сказалъ: *я Агамемнонъ, я твой царь*, и прибавилъ бы: *изъ сего заключить можно, что Аркасъ зналъ своего царя, зналъ Агамемнона.* Ему сказали бы въ отвѣтъ, что разговоръ сей есть самый приличный, самый обыкновенный, и изумленіе Аркаса, пробуждаемаго царемъ, весьма естественно; сей увѣряетъ его, что онъ не ошибается, что точно самъ Агамемнонъ, его царь, пробуждаетъ его отъ сна; сіе самое уже и показываетъ, что какое-нибудь затруднительное, важное обстоятельство побуждаетъ Агамемнона къ таковому

поступку. Стихъ, Агамемнономъ произнесенный, есть совершенно одинаковъ со стихомъ, находящимся въ *Эдипѣ*, и оба они не имѣютъ въ себѣ никакой странности. „Я вышелъ, говоритъ онъ, услышавъ ваши „стенанія; я не хотѣлъ положиться на „другихъ; пришелъ къ вамъ самъ; я тотъ „самый Эдипъ, коего имя всѣ люди непре„станно произносятъ.“ Замѣтьте, что загадка Сфинксова содѣлала Эдипа весьма знаменитымъ, и древніе не считали за хвастовство напоминать, что имена ихъ были всѣмъ и повсюду извѣстны; доказательствомъ сему служитъ сказанное Карѳагенской царицѣ скромнымъ Энеемъ, менѣе всѣхъ ироевъ обвиняемымъ въ гордости: „я тотъ отцелю„бивый Эней, коего слава до небесъ возно„сится.“ Крайняя осторожность, предписываемая общественною благопристойностію, и запрещающая самолюбію каждаго человѣка выказывать себя, въ чемъ бы то ни было, чтобы не оскорбить самолюбія общаго, сія обыкновеніемъ утвержденная и весьма тонкая скромность, не была почитаема обязанностію въ тѣ времена, когда нравы были просты и неприпворны; примѣромъ служатъ всѣ ирои, въ древности жившіе. Слѣдовательно въ томъ, что Эдипъ говоритъ о самомъ себѣ, нѣтъ никакой гордости, нѣтъ также никакой *грубой простоты* въ томъ, что онъ самъ себя называетъ по имени, и нѣтъ ничего *несовѣстнаго* въ описаніи несчастій, удручавшихъ Ѳивянъ; ибо хотя Эдипу извѣстно, что моровая

лзва опустошала Θивы, однакожъ таковаго рода выраженій, несчастію приличныхъ, не можно назвать неумѣстными; онѣ доставляютъ удовольствіе зрителю, представляя воображенію все, что только находится ужаснаго въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Изъ сего видѣть можно, имѣлъ ли право Волтеръ окончить слѣдующими словами свои неосновательныя сужденія: „все сіе не „доказываетъ того совершенства, до коего, „какъ то полагали нѣкоторые (Расинъ и „Буало) нѣсколько лѣтъ предъ симъ, траґедія была доведена Софокломъ. Кажется „въ наше время не ставятъ зрителямъ въ „великое преступленіе, ежели они не удивляются стихотворцу, который, чтобы „сдѣлать дѣйствующія лица извѣстными, заставляетъ ихъ только сказать: *я Эдипъ*. „*Грубость сія* уже не называется нынѣ благородною простотою.“

Странно, что Волтеръ не хочетъ удивляться Софоклу въ то самое время, когда онъ заимствуетъ у него всѣ красоты, доставившія успѣхъ его траґедіи. Въ оправданіе его можно сказать только то, что онъ былъ тогда очень молодъ, и что въ послѣдствіи времени онъ самъ почувствовалъ свою ошибку; ибо разсудилъ заблаго изключить сіи письма изъ всѣхъ изданій, кои выходили подъ его смотрѣніемъ.

Мнѣ кажется, что онъ судитъ также несправедливо, утверждая, будтобы траґедія

Софоклова кончилась во второмъ дѣйствіи; что слова, прорицателемъ Тирезіемъ сказанныя, столь ясны, что Эдипу не льзя не узнать себя въ оныхъ. Дабы видѣть, справедливъ ли сей упрекъ, послушаемъ, что говоритъ прорицатель. Хоръ совѣтуетъ царю послать за Тирезіемъ, а царь отвѣтствуетъ, что онъ по совѣту Креона уже два раза посылалъ за симъ весьма много почитаемымъ въ Ѳивахъ изтолкователемъ воли боговъ, и что онъ дивится, почему Тирезій столь долго не является. Приводится на театръ слѣпый старецъ, коему боги позволяютъ проникать въ сокровеннѣйшія тайны, и который между смертными есть тоже, что Аполлонъ между богами. Признаюсь, сіе лице кажется мнѣ болѣе прилично содержанію трагедіи, и производитъ болѣе любопытства и ужаса, нежели лице первосвященника во Французской трагедіи; въ ролѣ сего послѣдняго болѣе сильныхъ свойствъ, нежели въ ролѣ Тирезія. Сперва оба они говорятъ одинаково, оба долго противятся прервать свое молчаніе, и не иначе, какъ съ прискорбіемъ наконецъ соглашаются наименовать Эдипа убійцею Лаія. Въ обѣихъ трагедіяхъ Эдипъ представленъ равно неистовымъ, первосвященника и Тирезія называетъ онъ обманщиками. Но вотъ, какимъ образомъ Волперъ въ концѣ своей трагедіи сокращаетъ свое подражаніе.

Vous me traitez toujours de trâitre et d'imposteur.
Votre père autrefois me croyait plus sincere.

Oedipe.

Arrête: qué dis-tu? Polybe? moń pere! . . . .

Le grand Prêtre.

Vous apprendrez trop tôt votre funeste sort:
Ce jour va vous dònner la naissance et la mort. (*)

Сей прорицательный стихъ удивителенъ. Стихъ Софокловъ показываетъ, что Греческій языкъ въ выраженіяхъ своихъ имѣетъ гораздо болѣе смѣлости, нежели Французской:

Ἥδ' ἡμέρα φύσα σε, καὶ διαφθερᾶ.
Сей день родитъ тебя и убьетъ.

а стихъ Волтеровъ показываетъ, какъ должно переводить.

Vos destins sont comblés: vous allez vous connaître.
Malheureux! savez-vous quel sang vous donna l'être?
Entouré de forfaits à vous seul réservés,
Savez-vous seulement avec qui vous vivez? (**)

До сего мѣста Французскій стихотворецъ переводитъ: тутъ онъ останавливается, и оканчиваетъ явленіе слѣдующими стихами:

(*) Ты называешь меня измѣнникомъ и лжецомъ.
Но родитель твой почиталъ меня человѣкомъ откровеннымъ.

Эдипъ.

Постой: что ты говоришь? какъ? Полибъ? мой отецъ? . . .

Первосвященникъ.

Вскорѣ узнаешь гибельный твой жребій:
Сей день будетъ днемъ твоего рожденія и смерти.

(**) Судьба твоя свершилась: ты узнаешь самаго себя?

O Corinthe! ô Phocide! exécrable hyménée!
Je vois naître une race impie, infortunée,
Digne de sa naissance, et de qui la fureur
Remplira l'univers d'épouvante et d'horreur.
Sortons. (*)

Тирезій говоритъ гораздо болѣе: „въ „послѣдній разъ вѣщаю тебѣ: человѣкъ, коего „ищешь, сей преступникъ, сей убійца, жи„ветъ въ Θивахъ. Его почитаютъ иностран„цемъ; но вскорѣ узнаютъ, что онъ Θивя„нинъ. Счастіе его изчезло аки сонъ. Лишивъ „себя зрѣнія, доведенный до крайней нищеты, „сляченный и опираясь на посохъ, онъ будетъ „скитаться по спранамъ чуждымъ. Ахъ! какъ „онъ смутится, какій обыметъ его ужасъ и „срамъ, когда узнáетъ, что онъ супругъ матє„ри своей, кровосмѣситель и отцеубійца. Раз„мысли, о государь! размысли о сихъ ужас„ныхъ словахъ, и естьли найдешь ихъ лжи„выми, то Тирезій охотно позволитъ назы„вать себя лжепредсказателемъ.“

Несчастный! знаешь ли ты, кто даровалъ
тебѣ бытіе?
Ты, погруженный въ злодѣянія, тебѣ только
одному предоставленныя,
Знаешь ли, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ ты живешь?

(*) О Коринѳъ! о Фокида! о проклятый бракъ!
Я вижу раждающееся племя, нечестивое, зло-
счастное,
Достойное своего произхожденія, коего не-
истовство
Наполнитъ вселенную ужасомъ и мерзостію.
Удалимся.

Признаюсь, что во французскомъ стихотворцѣ, показывающемъ сперва въ Эдипѣ только убійцу Лаія, и скрывающемъ все прочее въ неясныхъ и неопредѣлительныхъ словахъ, могущихъ возродить одинъ только подозрѣнія, находится болѣе искуства. Открывать постепенно всѣ ужасы жребія Эдипа, и показать его кровосмѣсителемъ и отцеубійцею не прежде, какъ при концѣ трагедіи, означаетъ, что сочинитель умѣетъ слѣдовать правиламъ драматической постепенности. Новѣйшій писатель соблюлъ правило сіе лучше древняго, и въ сей-то части особенно *двадцатичетырехълѣтній* Французъ, какъ говоритъ Руссо, который въ то время былъ еще справедливъ, *превзошелъ осмидесятилѣтняго Грека.* Сіе означаетъ, что драматическое искуство приобрѣло со временемъ новые успѣхи. Но правда ли, что слова Тирезія, извѣщающія зрителя слишкомъ о многомъ, столь ясно открываютъ всю участь Эдипа; что, какъ говоритъ Волтеръ, *надлежитъ почитать Эдипа полѣшавшимся въ умѣ, естьли онъ не видитъ въ Тирезіи истиннаго прорицателя.* Заключеніе сіе кажется мнѣ слишкомъ строго. Ибо Эдипъ, который всегда почиталъ и долженъ былъ почитать себя сыномъ Полиба, царя Коринѳскаго; Эдипъ, коему не сказано еще ниодного слова, могущаго показать, что онъ сынъ Лаія; Эдипъ можетъ ли все сіе отгадать только изъ сказанныхъ Тирезіемъ словъ, что убійца Лаія есть супругъ своей матери и братъ дѣтей своихъ? Здѣсь справедливо только то, что Эдипу надлежало бы

почвуствовать сходство, находящееся между словами предсказателя Тирезія и прорицалища Делфійскаго, возвѣстившаго ему нѣкогда (какъ онъ самъ въ томъ скоро признаётся Іокастѣ) точно тоже самое, чѣмъ угрожаетъ ему Тирезій. Таковое сходство долженствовало причинить Эдипу безпокойство, и въ семъ случаѣ сужденіе Волтерово было бы справедливо. Но изъ того, что Эдипъ не дѣлаетъ и не говоритъ ничего такого, что ему остается лучшаго говорить и дѣлать, еще не слѣдуетъ, будто жребій его уже открытъ столь ясно, что *трагедіятъ.мъ совершенно кончилась*, и не можно заключать, что Софоклъ *не умѣлъ приготовлять произшествій и скрывать подъ самымъ тонкимъ покрываломъ развязки своихъ трагедій, и что онъ нарушаетъ правила здраваго разсудка, лишь только бы не удалиться отъ правила театра;* сіе значитъ по мнѣнію моему, что Волтеръ въ несправедливыхъ своихъ сужденіяхъ употребляетъ также и слова весьма грубыя.

Величайшая и даже едва понятная вина его состоитъ въ томъ, что онъ читалъ съ излишнею поспѣшностію такое сочиненіе, коему подражалъ, или говоритъ о немъ только на удалъ; ибо находитъ въ Софоклѣ то, чего въ немъ нѣтъ, и не видитъ въ немъ того, что всякой видѣть можетъ. "Эдипъ, „говоритъ Волтеръ, узнавъ отъ Іокасты, „что Форбасъ, бывшій единымъ свидѣтелемъ „смерти Лаія, еще живъ, нимало не думаетъ

„призвать его къ себѣ. Даже самый хоръ, „съ которымъ Эдипъ всегда и во всемъ со„вѣтуется, не подаетъ ему совѣта спро„сить сего свидѣтеля. Онъ проситъ его „только послать за Тирезіемъ.“ Въ семъ сужденіи нѣтъ ничего истиннаго. Эдипъ узнаётъ отъ Іокасты только въ третьемъ дѣйствіи, что Форбасъ живъ, а хоръ въ первомъ дѣйствіи совѣтовалъ ему послать за Тирезіемъ; во второмъ дѣйствіи совѣтъ сей исполняется; Іокаста не прежде видитъ Эдипа, какъ уже послѣ того явленія, въ которомъ прорицатель видѣлся и говорилъ съ царемъ. Хоръ не могъ ему совѣтовать, чтобы онъ послалъ за Форбасомъ; онъ на то не имѣлъ времени; ибо первое слово Эдипа послѣ Іокастина съ нимъ разговора есть слѣдующее: *пошли скорѣе за Форбасомъ*. Іокаста идетъ исполнить его волю, и прежде, нежели она ушла, Эдипъ еще повторяетъ ей: *не забудь, прошу тебя, пошли ко мнѣ Форбаса; онъ одинъ можетъ открыть мою участь*. Симъ оканчивается третіе дѣйствіе. Форбасъ, жившій внѣ города, приходитъ въ четвертомъ явленіи четвертаго дѣйствія. По правиламъ правдоподобія не видно, чтобы въ ономъ дѣйствіи время было потеряно; ибо должно замѣтить, что древніе не имѣли, какъ то бываетъ у насъ, собственно такъ называемыхъ междудѣйствій, въ которыя театръ на нѣкое время бываетъ пустъ, и въ которыя сочинитель можетъ употребить такое междувременіе, какое ему угодно для произшествій внѣ театра. Дѣйствія

древнихъ театральныхъ сочиненій отдѣлялись только пѣніемъ хора, который не сходилъ съ театра, а чрезъ то правило единства времени у древнихъ наблюдаемо было гораздо строже, нежели у насъ. По сему-то иногда случается, что въ ихъ сочиненіяхъ одно произшествіе слѣдуетъ за другихъ слишкомъ скоро. И такъ изъ всего нами здѣсь сказаннаго заключить можно, справедливы ли сужденія Волтера, упрекающаго Софокла, будтобы онъ ничего не соблюлъ того, что въ самомъ дѣлѣ соблюдено имъ во всей точности.

Въ другомъ мѣстѣ заставляетъ Софокла говорить то, чего онъ никогда и не говаривалъ. „Іокастѣ было предзказано, что „сынъ ея доведетъ преступленія свои даже „до ложа своея матери; и когда Эдипъ го„воритъ ей: мнѣ предвѣщено было, что я „оскверню ложе матери моей, то она не„медленно должна бы отвѣтствовать, тожъ „самое предвѣщено и моему сыну.“ — Нѣтъ, ей не можно было сдѣлать такого отвѣта; ибо она нигдѣ не упоминаетъ, чтобы когда нибудь было сдѣлано ей таковое предсказаніе о ея сынѣ: она только говоритъ, что сей сынъ, по словамъ прорицалица, будетъ *убійцею своего отца.* Правда, Волтеръ прибавилъ въ своей трагедіи, и *супругомъ своей матери.* Но по словамъ, каковыя произноситъ заставляетъ онъ своего Эдипа, не должно было осуждать Эдипа Софоклова, который не говоритъ ничего сему подобнаго.

Онъ полагаетъ, (развѣ *нѣкое непонятное ослѣпленіе* сдѣлать сего не допустило), что сходство предсказаній, объявленныхъ сыну Іокасты съ тѣми предсказаніями, которыя Эдипъ получилъ отъ прорицалища Делфійскаго и отъ Тирезія, должно было открыть ему всю истинну. Но Іокаста была увѣрена, что сынъ ея, котораго она приказала бросить въ лѣсу, давно уже умеръ; Эдипъ почитаетъ отцемъ своимъ *Полиба*; Софоклъ заставилъ Іокасту оказывать явное презрѣніе къ прорицалищамъ съ того времени, когда узнала, что Лаій погибъ не отъ сына своего, котораго она приказала бросить, и коего почитала умершимъ, но отъ рукъ неизвѣстныхъ разбойниковъ. Думаю, что вся сія завязка сплетена весьма хорошо, что неизвѣстность и сокрытіе отъ зрителей послѣдующихъ произшествій выдержаны довольно искусно, и что не безъ причины почитали трагедію Эдипа лучшею изъ всѣхъ написанныхъ древними. Въ ней находится только одна погрѣшность, которая однакожъ тѣсно сопряжена съ самимъ предметомъ, и которая видна какъ во Французскомъ, такъ и въ Греческомъ стихотворцѣ; она состоитъ въ маломъ правдоподобіи, будтобы Іокаста и Эдипъ столь долгое время не могли подумать о виновникѣ смерти Лаія. Но по счастію погрѣшность сія находится еще до появленія ихъ на театрѣ, и по сему-то случаю Аристотель замѣчаетъ, что когда какой-либо предметъ имѣетъ неминуемыя неправдоподобія, то надлежитъ по крайней мѣрѣ

помѣщать оныя предъ дѣйствованіемъ. Вольтеръ также согласенъ, что, дабы не испортить или не лишиться какоголибо весьма прекраснаго предмета, должно оставлять безъ вниманія сіе неправдоподобіе; и вообще замѣчаютъ, что зритель не строго взыскиваетъ то, что предшествуетъ театральному дѣйствованію. Онъ дозволяетъ стихотворцу предполагать, что ему угодно, и бываетъ строгимъ судіею только того, что произходитъ предъ его глазами.

Къ сей погрѣшности въ содержаніи, которая, какъ изъ всего сказаннаго нами видно, не весьма важна, присовокупить должно существенную ошибку стихотворца: она состоитъ въ весьма неосновательной ссорѣ Эдипа съ Креономъ, и въ весьма несправедливомъ обвиненіи, будтобы Креонъ склонилъ Тирезія дарами обвинить Эдипа въ отцеубійствѣ. Сей худо и не кстати вымышленный эпизодъ наполняетъ собою все третіе дѣйствіе трагедіи Софокла. Эдипъ говоритъ и поступаетъ не такъ, какъ прилично царю; онъ обвиняетъ Креона съ непростительною безразсудностію, и Іок не иначе, какъ съ величайшимъ тру упрашиваетъ его укротить гнѣвъ свой п тивъ сего невиннаго князя. Вотъ еще одн изъ затрудненій, эпизодами причиняемыхъ, которые не производятъ ничего полезнаго, и заслуживаютъ охужденіе во всякомъ драматическомъ сочиненіи; потому что они занимаютъ только мѣсто, отнявъ оное у

главнаго дѣйствія. Сіе можетъ быть произходитъ отъ того, что главное дѣйствіе Эдипа само по себѣ весьма просто, и Софоклъ, желая замѣнить сей недостатокъ, впалъ въ погрѣшность, которую Волтеръ замѣнилъ другою погрѣшностію, введя Филоктета еще менѣе приличнаго къ содержанію трагедіи, нежели Креонъ.

Пятое дѣйствіе Софокловой трагедіи Волтеръ находитъ совершенно излишнимъ, и утверждаетъ, что трагедія его кончилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ судьба Эдипова содѣлалась уже извѣстною. Сіе можетъ быть и справедливо въ разсужденіи насъ, но для Грековъ трагедія симъ еще не кончилась; а сказанное нами выше о ихъ театрѣ довольно подтверждаетъ сіе мнѣніе. Въ пятомъ дѣйствіи заключается наказаніе Эдипа, смерть Іокасты, лишившей себя жизни, и разлука съ своими дѣтьми злополучнаго отца, осудившаго себя на изгнаніе и ослѣпленіе. Признаюсь, что я не нахожу тутъ ничего достойнаго изключенія; и даже предполагая, въ чемъ

акоже сомнѣваюсь, что появленіе отца съ

ми показалось бы намъ излишнимъ на теа-

трѣ, оно по крайней мѣрѣ есть таково, что не можно читать его безъ умиленія. Вотъ оно. Эдипъ поручилъ сыновей своихъ Креону, который долженъ царствовать во время ихъ несовершеннолѣтія, и повелѣваетъ привесть къ себѣ двухъ дочерей своихъ, находящихся еще въ дѣтствѣ.

.....(*) Пачежъ всего прошу тебя, Креонъ,
Позволь, да обыму дщерей, и несчастіи ихъ оплачу!
Призови ихъ сюда, о царь великодушный! воз-
пріявъ въ объятія мои,
Почту, какъ будтобы ихъ вижу. Но что се?
Не гласъ ли рыдающихъ любезнѣйшихъ дщерей
слышу?
Не Креонъ ли, состраданіемъ подвигнутый, при-
слалъ
Ко мнѣ дражайшій племени моего залогъ?
Не мечта ли меня обманываетъ?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, ты не обманываешся: я предварилъ твое
желаніе,
Зная, сколь присутствіе ихъ всегда было тебѣ
любезно.

(*) . . . . . καὶ μάλιστα μὲν χεροῖν
Ψαῦσαί μ' ἔασον, κἀποκλαύσασθαι κακά!
Ἴθ', ὦ ναῦ,
Ἴθ' ἄγε νιν, ὦ γενναῖε! χερσὶ δ' ἂν θιγὼν
Δακοῖμ' ἔχειν σφᾶς, ὥσπερ ἡνίκ' ἔβλεπον.
Τί φημί;
Οὐ δὴ κλύω που, πρὸς θεῶν, τοῖν μοι φίλοιν
Δακρυρροούντοιν; καί μ' ἐποικτείρας Κρέων
Ἔπεμψ' ἐμοὶ τὰ φίλτατ' ἐκγόνοιν ἐμοῖν;
Λέγω τι;

ΚΡΕΩΝ.

Λέγεις· ἐγὼ γὰρ εἰμ' ὁ πορσύνας τάδε,
Γνοὺς ταῖν παρουσαῖν τέρψιν, ἣ σ' εἶχεν πάλαι.

ЭДИПЪ.

Да наградитъ тебя боги всѣми благими, и за сію
добродѣтель
Да будутъ къ тебѣ милостивѣе, нежели ко мнѣ! —
О дщери, гдѣ вы? пріидите ко мнѣ, да обыму
васъ
Моими братними руками, которыя, какъ видите,
Родителя вашего лишили зрѣнія. Матерію вамъ,
о дщери мои!
По невѣдѣнію содѣлалъ я ту, отъ которой самъ
родился.
О васъ проливаю слезы; хотя и лишенъ зрѣнія,
Но предвижу будущее ваше злополучіе.
Какой ужасный жребій ожидаетъ васъ на землѣ
сей!
Въ какое собраніе гражданъ можете вы явиться?

ΟΙΔΙΠΟΥΣ.

Ἀλλ' εὐτυχοίης, καί σε τῆσδε τῆς ὁδοῦ
Δαίμων ἄμεινον ἢ 'μὲ φρουρήσας τύχοι! —
Ὦ τέκνα, ποῦ ποτ' ἐστέ; δεῦρ' ἴτ', ἔλθετε
Ὡς τὰς ἀδελφὰς τάσδε τὰς ἐμὰς χέρας,
Αἳ τοῦ φυτουργοῦ πατρὸς ὑμῖν ὠδ' ὀφᾶν
Τὰ πρόσθε λαμπρὰ προὐξένησαν ὄμματα·
Ὃς ὑμῖν, ὦ τέκν', οὔθ' ὁρῶν, οὔθ' ἱστορῶν,
Πατὴρ ἐφάνθην, ἔνθεν αὐτὸς ἠρόθην.
Καὶ σφὼ δακρύω (προσβλέπειν γὰρ οὐ σθένω),
Νοούμενος τὰ λοιπὰ τοῦ πικροῦ βίου,
Οἷον βιῶναι σφὼ πρὸς ἀνθρώπων χρεών.
Ποίας γὰρ ἀστῶν ἥξετ' εἰς ὁμιλίας;
Ποίας δ' ἑορτὰς, ἔνθεν οὐ κεκλαυμέναι
Πρὸς οἶκον ἵξεσθ' ἀντὶ τῆς θεωρίας;

Съ какого праздника, съ какого зрѣлища
Не возвратитеся вы безъ пролитія горькихъ слезъ?
Достигнувъ до зрѣлаго возраста, не найдете никого,
Кто бы осмѣлился раздѣлить безчестіе,
Вашимъ родителямъ и вамъ самимъ толико пагубное?
Какихъ еще не достаетъ несчастій?
Вашъ отецъ есть убійца своего родителя.
Осквернивъ матернее ложе, сдѣлался кровосмѣсителемъ,
А вы были плодомъ сего беззаконнаго союза.
Вы должны будете сносить жестокое поношеніе.
Кто пожелаетъ принять васъ къ домъ свой?
Супружества вашего всякъ убѣгать станетъ.
Вы принуждены будете скитаться повсюду
Въ рубищахъ, безъ пристанища, безъ супруговъ.

Ἀλλ' ἡνίκ' ἂν δὴ πρὸς γάμων ἥκητ' ἀκμάς,
Τίς οὗτος ἔσται, τίς παραβλέψει, τέκνα,
Τοιαῦτ' ὀνείδη λαμβάνων, ἃ τοῖς ἐμοῖς
Ἔσθ', οἱ γενοῦσι σφῶν θ' ὁμοῦ δηλήματα;
Τί γὰρ κακῶν ἄπεσι; τὸν πατέρα πατὴρ
Ὑμῶν ἔπεφνε· τὴν τεκοῦσαν ἥροσεν,
Ὅθεν περ αὐτὸς ἐσπάρη, κἀκ τῶν ἴσων
Ἐκτήσαθ' ὑμᾶς, ὥσπερ αὐτὸς ἐξέφυ.
Τοιαῦτ' ὀνειδιεῖσθε. Κἆτα τίς γαμεῖ;
Οὐκ ἔστιν οὐδείς, ὦ τέκν'· ἀλλὰ δηλαδὴ
Χέρσους φθαρῆναι καὶ γάμους ὑμᾶς χρεών.
Ὦ παῖ Μενοικέως, ἀλλ' ἐπεὶ μόνος πατὴρ
Ταύταιν λέλειψαι (νὼ γὰρ, ὦ φυτεύσαμεν,
Ὀλώλαμεν δύ' ὄντε), μὴ σφε περιίδῃς
Πτωχὰς, ἀνάνδρους, ἐγγενεῖς ἀλωμένας,
Μηδ' ἐξισώσῃς τάσδε τοῖς ἐμοῖς κακοῖς·

А ты, о сынъ Меникеевъ, ты одинъ остаешся
Имъ вмѣсто отца, (ибо я и матьи ихъ оба погибли)
Не попусти, чтобы онѣ удрученныя нищетою,
Лишенныя супружества скиталися повсюду;
Блюди, да непостигнетъ ихъ равное со мною наказаніе:
Имѣй къ нимъ состраданіе; зришь, что кромѣ тебя
Ни въ комъ не имѣютъ онѣ защиты.
Не отвертни моего моленія, о великодушный Креонъ!
И въ знакъ вѣрности подай мнѣ твою руку.
И такъ, о дщери, вы разлучаетесь со мною на вѣки!
Я бы могъ подать вамъ многіе совѣты,
Естьли бы юныя лѣта ваши могли имъ внимать и послѣдовать.
Прощайте, желаю, чтобы во всю жизнь вашу наслаждались вы
Лучшимъ жребіемъ, нежели отецъ вашъ.

Не льзя повѣрить, чтобы зритель при таковомъ явленіи могъ удержаться отъ слезъ. Можетъ быть я въ томъ и ошибаюсь; напротивъ того утвердительно сказать можно, что трагедія *Эдипъ* оканчивается симъ явленіемъ весьма удачно. Чтобы зритель видѣлъ рѣ-

---

Ἀλλ' εἴκτισον σφᾶς, ὧδε τηλικάσδ' ἐρῶν,
Πάντων ἐρήμους, πλὴν ὅσον τὸ σὸν μέρος.
Ξύνευσον, ὦ γενναῖε, σῇ ψαύσας χερί.
Σφῶν δ', ὦ τέκν', εἰ μὲν εἴκετόν γ' ἦν φρένας,
Πολλ' ἂν παρῄνουν· νῦν δὲ τοῦτ' εὔχεσθέ μοι,
Οὗ καιρὸς αἰεί, ζῆν, βίου δὲ λῴονος
Ὑμᾶς κυρῆσαι τοῦ φυτεύσαντος πατρός.

шительную участь Эдипа, надлежало вывесть сего несчастнаго царя на позорище въ то самое время, когда отправляется онъ въ изгнаніе, на которое осудили его боги. Его прощаніе, его отшествіе не составляютъ ли существенной части его бѣдствій, служащихъ главнымъ основаніемъ трагедіи? Скажу еще больше: когда сердце весьма сильно страдало отъ ужаса, внушаемаго множествомъ воедино скопившихся преступленій, содѣланныхъ невинностію; тяжкою судьбою, угнѣтающею человѣка добродѣтельнаго, и составляющею, по мнѣнію моему, одно изъ неудобствъ сего содержанія; тогда съ удовольствіемъ ощущается нѣкое умиленіе, при такомъ случаѣ необходимо нужное. До сего времени видны были однѣ только жестокости, коихъ виновники были сами боги, и бѣдствія Эдиповы кажутся ужасными тайнами, коихъ разумъ и правосудіе постигнуть не могутъ. Но когда сей злополучный отецъ, будучи слѣпъ и изгнанъ, обѣемлетъ въ послѣдній разъ дѣтей своихъ, съ коими разлучается навсегда; тогда въ изображеніи семъ ясно оказывается сама природа. Жалобъ Эдиповыхъ никакъ не можно слышать безъ состраданія; несчастія его изторгаютъ слезы, которыя и удержать былобы не возможно.

О *Эдипѣ* Корнеля и упоминать не для чего; онъ недостоинъ своего сочинителя; въ немъ даже главное содержаніе оставлено безъ всякаго вниманія: око, такъ сказать, подавлено продолжительнымъ и хладнымъ

любовнымъ введеніемъ, наполняющимъ трагедію отъ начала до конца, и не имѣетъ, подобно введенію Филоктетову въ Вольтеровомъ Эдипѣ, даже и той выгоды, чтобы по крайней мѣрѣ оно, сколько возможно, было замѣнено красотою слога. Вольтеръ занялъ у Корнеля два слѣдующіе прекрасные стиха, одинъ изъ нихъ изображаетъ Сфинкса:

Ce monstre à voix humaine, aigle, femme et lion. (*)

Другой весьма удачно выражаетъ бывшее въ обыкновеніи у древнихъ народовъ отлученіе отъ священныхъ обрядовъ.

Privé des feux sacrés et des eaux salutaires. (**)

Также весьма часто приводимо было въ примѣръ одно весьма философическое разсужденіе, относящееся къ тому ученію о судьбѣ или рокѣ, которое уничтожаетъ свободу воли человѣческой. Сіе разсужденіе, хотя въ ономъ встрѣчаются нѣкоторыя грамматическія погрѣшности, обдумано и написано съ тою силою, которая особенно

(*) Сіе, имѣющее человѣческій голосъ чудовище, орелъ, женщина и левъ.

(**) Лишенный священнаго огня и спасительныхъ водъ.

свойственна Корнелю; и Волтеръ замѣчаетъ весьма основательно, что таковое разсужденіе раждается отъ самаго предмета трагедіи, а не извлечено изъ общаго источника, какъ многія другія, и также не есть велерѣчивая *декламація*, чуждая трагедіи. *Размышленія о рокѣ*, говоритъ Волтеръ, *нигдѣ не могутъ быть помѣщены лучше и приличнѣе, какъ въ Эдипѣ.* Онѣ много способствовали успѣху трагедіи, остававшейся на театрѣ до того времени, когда она принуждена была уступить мѣсто свое трагедіи юнаго Софоклова соперника. Въ то время, когда появилась трагедія Корнелева, всѣ умы заняты были преніемъ о свободѣ человѣческой воли, и охотники выучили наизусть слѣдующіе стихи, сдѣлавшіеся славными.

Quoi! la nécessité des vertus et des vices
D'un astre impérieux doit suivre les caprices,
Et Delphes malgré nous conduit nos actions
Au plus bisarre effet de ses prédictions?
L'ame est donc toute esclave; une loi souveraine
Vers le bien où le mal incessament l'entraine.
Et nous ne recevont ni crainte ni desir
De cette liberté qui n'a rien à choisir.
Attachés sans relâcher à cet ordre sublime,
Vertueux sans mérite et vicieux sans crime.
De toute la vertu sur la terre épanduc
Tout le prix à ces dieux, toute la gloire est due;
Ils s'agissent en nous quand nous pansons agir,
Alors qu'on délibere, on ne fait qu'obéir;
Et notre volonté n'aime, hait, cherche; évite,
Que suivant que d'en haut leur bras la
précipite!
D'un tel aveuglement daignez me dispenser.
Le ciel juste à punir, juste a récompenser,
Pour rendre aux actions leur peine et leur salaire,
Doit nous offrir son aide, et puis nous laisser faire.

N'enfonçons toutefois ni votre oeil ni le mien
Dans ce profond abîme où nous ne voyons rien.

Какъ! не уже ли добродѣтели и пороки
наши
Должны зависѣть отъ прихотей Аполлона?
Не уже ли Дельфы, сверхъ воли нашей, управ-
ляютъ нашими дѣлами,
По произволу нелѣпыхъ своихъ предсказаній?
Итакъ душа есть раба: къ добру или ко злу
Влечется она волею боговъ.
И на свобода, которая ничего избрать не
можетъ,
Не производитъ въ насъ ни отвращенія ни
желанія.
По сему закону, въ добродѣтели нѣтъ достоинства,
А въ порокѣ преступленія.
Вся награда, вся слава за добродѣтель,
Содѣянную смертными, принадлежитъ богамъ.
Не мы, но они въ насъ дѣйствуютъ,
Хотя всякое дѣяніе наше приписываемъ себѣ.
Предпринимая что либо, мы только повину-
емся.
Воля наша не иначе любитъ, ненавидитъ, же-
лаетъ, уклоняется,
Какъ по власти боговъ.
Избавь меня отъ толикаго ослѣпленія!
Небо въ наказаніи и въ наградѣ справедливое,
подавъ намъ помощь,
Должно даровать намъ и свободу дѣйство-
вать,
А потомъ воздать дѣламъ нашимъ праведное
возмездіе.
Но не будемъ простирать нашего ока
Въ ту неизмѣримую бездну, въ которой ни-
чего не видимъ.

Послѣ таковаго разсмотрѣнія красотъ и недостатковъ, трудно будетъ сказать рѣшительно, который изъ двухъ *Эдиповъ* имѣетъ преимущество. Напрошивъ того объ *Электрѣ* сказать сего не можно. Сколь ни прекрасна Софоклова *Электра*, однакожъ, по мнѣнію самыхъ строгихъ знатоковъ театра, Волтерова *Электра* превозходитъ оную во многомъ. Здѣсь приписалъ онъ Софоклу величайшую похвалу, подражая ему почти во всемъ. Прекрасное свойство Электры есть свойство самое приличное драмѣ; ея, то весьма жалостная, то неистовая печаль; ея сожалѣніе объ отцѣ, коего она лишилась, о братѣ, коего спасла, и коего ожидаетъ, какъ избавителя; ея рабство, нимало не уменшающее въ ней ни мужества ни гордости; непомѣрное стремленіе къ отмщенію, наконецъ противуположность, составляемая ролею Хрисотемисы, которая есть тоже самое, что Ифиса въ Волперовой трагедіи, и коея кроткая и робкая чувствительность еще болѣе показываетъ возвышенность и твердость души ея сестры; повелѣніе, данное Аполлономъ Оресту хранить тайну, какъ главнѣйшую пружину его предпріятія; роля престарѣлаго наставника Орестова, который во Французской трагедіи названъ Памменомъ; весьма театральная мысль принесть на зрѣлище урну, въ которой, какъ думали, хранился прахъ Агамемнонова сына, и которая была знаменита во всей древности, по великому своему дѣйствію въ Аѳинахъ и въ Римѣ; поперемѣнныя прехожденія

отъ страха къ надеждѣ, производимыя ложнымъ извѣстіемъ о смерти Ореста и принесенными на гробницу его отца дарами; ужасное состояніе несчастной Электры, полагающей, что она держитъ въ рукахъ прахъ своего брата въ то время, какъ сей самый братъ находится предъ ея глазами; благодарность, весьма естественно возбужденная чувствительностію Ореста, который уже никакъ не могъ равнодушно взирать на горкія слезы сестры своея, однимъ словомъ простота дѣйствія и привлекательности, столь рѣдкая и удивительная, все сіе служитъ главною основою обѣихъ трагедій, все сіе прекрасно у Софокла, а еще болѣе у Вольтера. Французскій стихотворецъ въ трагедію свою помѣстилъ не только всѣ красоты, приличныя предмету, но и всѣ тѣ, которыя могло присоединить къ онымъ особенное его дарованіе, подкрѣпленное новыми открытіями, въ театральномъ искуствѣ уже послѣ Софокла сдѣланными. Софоклу надлежало пройти кратчайшее и гораздо менѣе трудное поприще. Хоры и повѣствованія занимаютъ бо́льшую часть трагедіи: повѣствованіе о смерти Ореста, который, какъ говорятъ, погибъ упавъ съ колѣсницы своей на играхъ Олимпійскихъ, занимаетъ половину втораго дѣйствія. Должно замѣтить, что въ семъ мѣстѣ Софоклъ погрѣшилъ противъ лѣтосчисленія; ибо игры Олимпійскія были учреждены гораздо послѣ того времени, въ которое произходитъ дѣйствіе трагедіи. Но Грекамъ столь много нравились

таковыя описанія, что вольность сію охотно прощали стихотворцу; и сіе слишкомъ длинное повѣствованіе, кажущееся намъ весьма неумѣстнымъ, доставило наибольшую похвалу сочинителю. Таковое возхищеніе Грековъ покажется намъ нестраннымъ, извинительнымъ, естьли только приведемъ себѣ на память, что они не безъ причины почитали Олимпійскія игры за одно изъ лучшихъ учрежденій, коими они могутъ хвалиться, и что для нихъ было весьма приятно видѣть изображеніе оныхъ на своемъ театрѣ, начертанное кистію Софокла. Волтеръ въ трагедіи своей не могъ симъ воспользоваться: но картина, помѣщенная имъ въ пятомъ дѣйствіи, изображающая благородными и разительными чертами ту перемѣну, каковую произвелъ Оресть, показавъ себя старымъ воинамъ Агамемнона, принадлежитъ Волтеру, и тѣмъ еще бо́льшее имѣетъ достоинство, что она совершенно приличествуетъ содержанію трагедіи.

Французскій стихотворецъ также превзошелъ образецъ свой въ явленіи, въ которомъ приносится сказанная выше урна. У Софокла, Электра въ братѣ своемъ видитъ только посланика Строфіева, принесшаго прахъ Орестовъ. Напротивъ того у Волтера, самый Оресть почитается убійцею.

Des meurtriers d'Oreste, ô ciel! suis-je entourée?

О небо! не ужели я окружена убійцами Ореста?

говоритъ Электра Оресту и Пиладу; сіе-то содѣлываетъ зрѣлище гораздо печальнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ какъ, для нея самой, такъ и для ея брата. Сіе сполъ удачно изобрѣтенное Софокломъ явленіе, въ коемъ Хрисотемиса приходитъ съ великою радостію возвѣстить сестрѣ своей, что Орестъ живъ, что онъ даже находится во дворцѣ ихъ; ибо она видѣла приношенія и власы его на гробницѣ Агамемнона; сіе извѣстіе, сказанное ею Электрѣ въ ту самую минуту, когда слухъ о смерти Орестовой, казавшійся достовѣрнымъ, привелъ ее въ крайнее отчаяніе; все сіе сколь ни прекрасно, еще болѣе украшено искуствомъ подражателя. Въ Греческомъ писателѣ извѣстіе сіе не производитъ нималѣйшаго дѣйствія надъ Электрою, которая была увѣрена о смерти Ореста, потому что она сама слышала, когда разсказывали объ ней Клетемнестрѣ. Электра только жалѣетъ о заблужденіи Хрисотемисы, а сія также разкаивается въ ложной радости, ослѣпившей ее на одну токмо минуту. Во Французскомъ сочинителѣ, Электра, не имѣющая сполъ явныхъ причинъ почитать брата своего умершимъ, слѣпо предается подаваемой ей надеждѣ. Она уходитъ съ театра въ концѣ втораго дѣйствія, предавшись сей кратковременной радости, которой однакоже она еще не совсѣмъ вѣритъ. Выходя вмѣстѣ съ сестрою своею, она говоритъ ей:

Ah! si vous me trompez, vous m'arrachez la vie.

Ахъ! ты умертвишь меня, ежели меня обманешь.

Уже изъ сего предвидѣть можно, сколь печаль ея будетъ велика, когда извѣстіе о смерти Ореста подтвердится. Электра, вступая на театръ, говоритъ:

L'espérance trompée accable et décourage:
Un seul mot de Pammene a fait évanouir
Ces songes imposteurs dont vous osiez jouir.

Обманутая надежда приводитъ въ унынie и печаль:
Единое слово Паммена изтребитъ сей ложный сонъ,
Которому ты столь слѣпо вѣришь.

Сіи попеременно чувствуемыя противуположныя движенія, сей, такъ сказать, приливъ и отливъ радости и печали составляютъ душу трагедіи; въ сей-то части театральнаго искуства новѣйшіе писатели превзошли древнихъ.

Въ Электрѣ находится одно явленіе, котораго не употребилъ Французскій стихотворецъ, и можетъ быть изъ всѣхъ красотъ сей Греческой трагедіи осталась только одна сія, которой онъ себѣ не присвоилъ. Софоклъ содержаніе сего явленія взялъ изъ *Коэфоровъ*; но обработалъ его совсѣмъ другимъ образомъ. Въ Эсхилѣ оно ужаснѣе, а въ Софоклѣ умилительнѣе. Сей послѣдній заставляетъ Хрисотемису принесть дары тѣни Агамемновой въ заглажденіе преступленій Клитемнестры. Сія законопреступная

мать приведена была въ страхъ угрожавшимъ ей сновидѣніемъ, и желала отвратить отъ себя предзнаменованіе онаго. Хрисотемиса встрѣчается съ Электрою, разсказываетъ ей, въ какомъ страхѣ находится ихъ мать, и открываетъ причину, побудившую ее идти къ гробницѣ Агамемноновой. Электра объятая ужасомъ проситъ сестру свою, чтобы она отправила таковое порученіе.

Электра.

Но ты, о любезнѣйшая сестра! не возлагай на гробницу жертвъ, тобою несомыхъ; ибо тебѣ неприлично, ниже благочестно онѣ враждебныя жены приносить жертвы родителю, или надъ гробомъ его совершать жертвенныя возліянія: пусть вѣтръ развѣетъ ихъ, или сокрой ихъ въ земной утробѣ, да никогда и ничто изъ даровъ сихъ не коснется родительской гробницы: пусть онѣ, какъ бы нѣкое сокровище, хранятся въ землѣ, доколѣ сама она достойной не вкуситъ смерти. Сама она, естьли бы только не родилась дерзновеннѣйшею изъ всѣхъ женъ, никогдабы не осмѣлилась сими ненавистными дарами почтить гробницу того, кого сама умертвила. Не уже ли думаешь, что погребенному здѣсь родителю благопріятны будутъ дары, приносимые тою, которая, аки врага, злодѣйскимъ образомъ погубила, и окровавленную главу его и свое преступленіе очистить омовеніемъ старалась? Не уже ли думаешь, что несомыя тобою жертвы загладятъ сіе убійство? Нѣтъ! оставь сіе; и вмѣсто ихъ срѣзанные съ твоея и съ несчастной моей главы концы власовъ принеси ему въ даръ; власы сіи и мой простой ничѣмъ неукрашенный поясъ суть дары, хотя скудные, но такіе только

имѣю; съ колѣнопреклоненіемъ моли его, да будетъ милостивъ къ намъ, да подастъ помощь противу враговъ нашихъ; да Орестъ поразитъ враговъ его рукою сильною, и поверженныхъ да попретъ стопами; да украсимъ потомъ гробницу его богатѣйшими дарами, нежели каковые приносимъ нынѣ. (*)

Естественная и неухищренная никакими прикрасами простота Греческихъ нравовъ является здѣсь во всей своей наготѣ; но Волтеръ въ трагедіи сей столь много приучилъ насъ къ оной простотѣ, что и приведенный здѣсь изъ Софокла отрывокъ, перомъ его написанный, удобно могъ бы имѣть себѣ мѣсто и въ новѣйшей трагедіи. Не умѣлъ ли онъ возпользоваться и самою ролею Эгиста, которая въ Софоклѣ

(*) Ἀλλ', ὦ φίλη, τούτων μὲν, ὧν ἔχεις χεροῖν,
Τύμβῳ προσάψῃς μηδέν· οὐ γάρ σοι θέμις,
Οὐδ' ὅσιον, ἐχθρᾶς ἀπὸ γυναικὸς ἱστάναι
Κτερίσματ', οὐδὲ λουτρὰ προσφέρειν πατρί.
Ἀλλ' ἢ πνοαῖσιν, ἢ βαθυσκαφεῖ κόνει
Κρύψον νιν, ἔνθα μή ποτ' εἰς εὐνὴν πατρὸς
Τούτων πρόσεισι μηδὲν, ἀλλ', ὅταν θάνῃ,
Κειμήλι' αὐτῇ ταῦτα σωζέσθων κάτω.
Ἀρχὴν δ' ἂν, εἰ μὴ τλημονεστάτη γυνὴ.
Πασῶν ἔβλαστε, τάσδε δυσμενεῖς χοὰς
Οὐκ ἄν ποθ', ὅν γ' ἔκτεινε, τῷδ' ἐπέστεφε.
Σκέψαι γὰρ, εἴ σοι προσφιλῶς αὐτῇ δοκεῖ
Γέρα τάδ' οὖν τάφοισι δέξασθαι νέκυς,
Ὑφ' ἧς θανὼν ἄτιμος, ὥστε δυσμενὴς,

ничего не значитъ; ибо Эгистъ является на театръ только для того, чтобы Орестъ убилъ его? Изъ нѣкоторыхъ Греческихъ трагедій мы уже замѣтили, что въ древнія времена не вмѣнялось сочинителю въ погрѣшность вводить дѣйствующія лица для одной только развязки: ни одинъ бы изъ сочинителей нашихъ сдѣлать сего не отважился. Однакожъ можетъ случиться таковое содержаніе трагедіи, въ которомъ подобное шествіе будетъ весьма прилично, т. е. необходимо нужно. Ибо я не знаю другой причины оправдать оное.

Ненавистныя дѣйствующія лица употребляются въ трагедіи какъ средства или орудія, а лица, привлекающія на себя вниманіе, служатъ предметомъ дѣйствія оныхъ.

Ἐματχαλίσθη, καὶπὶ λυτρεῖσιν κάρᾳ
Κηλῖδος ἐξέμαξεν. ἆρά μοι δοκεῖς,
Λυτήρι' αὐτῇ ταῦτα τοῦ φόνου φέρειν;
Οὐκ ἔστιν. ἀλλὰ ταῦτα μὲν μέθες· σὺ δὲ
Τεμοῦσα κρατὸς βοτρύχων ἄκρας φόβας,
Καμοῦ ταλαίνης, σμικρὰ μὲν τάδ', ἀλλ' ὅμως
Ἄ"χω, δὸς αὐτῷ τήνδε λιπαρῆ τρίχα,
Καὶ ζῶμεν τοὐμόν, οὐ χλιδαῖς ἠσκημένον·
Λίτου δὲ προστιτνοῦσα, γῆθεν εὐμενῆ
Ἡμῖν ἄρωγον αὐτὸν εἰς ἐχθροὺς μολεῖν·
Καὶ παῖδ' Ὀρέστην ἐξ ὑπέρτερας χερὸς
Ἐχθροῖσιν αὐτοῦ ζῶντ' ἐπεμβῆναι ποδί,
Ὅπως τὸ λοιπὸν αὐτὸν ἀφνεωτέραις
Χερσὶ σέφωμεν, ἢ ταιῦν δωζούμεθα.

По сему-то правилу Волтеръ весьма къ стати ввелъ Эгиста въ трагедію свою, дабы подвергнуть величайшимъ опасностямъ Ореста, онъ конца четвертаго дѣйствія до самой развязки, и чтобъ показать рѣдкое свойство Клитемнестры. Въ сихъ-то двухъ мѣстахъ онъ весьма много превзошелъ Софокла, и сіе-то самое заслуживаетъ подробнѣйшее разсмотрѣніе.

Древніе писатели, почитавшіе завязку слабѣйшею частію театральныхъ сочиненій, потому что при многихъ другихъ пособіяхъ, менѣе чувствовали необходимость усовершать оную, они не умѣли такъ крѣпко связывать трагедіи, чтобы главныя дѣйствующія лица довесть до величайшей опасности и отъ оной избавить ихъ, хотя бы то было и неправдоподобно. Сія часть театральнаго искуства доведена до совершенства трудами писателей новѣйшихъ; и самъ Софоклъ еще далеко отстоялъ отъ онаго. Въ его Электрѣ, Эгистъ почти во все продолженіе трагедіи не является на театрѣ; а напослѣдокъ явился только для того, чтобы видѣть Клитемнестру уже убитую, а себя какъ бы попавшимъ въ сѣти. Чтожъ изъ сего происходитъ? то, что Орестъ никогда не находится въ опасности. Я знаю, что участь Электры внушаетъ жалость, и что ея и брата ея положеніе приводитъ душу въ умиленіе и возбуждаетъ большее любопытство; но самая жалость изтощается и слабѣетъ, какъ скоро положеніе дѣлъ въ продолженіи

четырехъ дѣйствій бываетъ безпрестанно одинаково и не содержитъ въ себѣ разныхъ случаевъ, производящихъ страхъ, или увеличивающихъ несчастіе и опасность. Не довольно того, чтобы дѣйствующія лица находились въ положеніи, возбуждающемъ въ зрителѣ соучастіе; должно еще, чтобы соучастіе сіе возрастало постепенно; естьли оно не увеличивается, то уже уменшается. По сему-то непрестанному и необходимому приращенію соучастія, сочиненіе трагедіи бываетъ весьма труднымъ. По сей-то причинѣ во Французской Электръ Оресть почти въ одно и тоже время познается и сестрою своею и пиранномъ, который тотчасъ заключаетъ его въ оковы вмѣстѣ съ Пиладомъ и Памменомъ, такъ что зритель, обрадованный на одну минуту внезапнымъ свиданіемъ брата и сестры, ощущаетъ еще большій страхъ отъ окружающей ихъ опасности; ибо ничто, кромѣ самой Клитемнестры, не можетъ остановить руки Эгиста, и здѣсь-то, по мнѣнію моему, видно самое великое искуство сочинителя. Въ Вольтерѣ, вся сія роля Клитемнестры есть изобрѣтеніе, собственно ему принадлежащее: ибо изъ великаго множества трагедій одинакаго содержанія ни въ одной не видно и малѣйшаго слѣда сей мысли. Ни Кребильону, ни Лонгепьеру, ни нашимъ, ни иностраннымъ писателямъ, ни древнимъ, ни новѣйшимъ никогда не всходило на умъ, чтобы сія жена, умертвившая своего мужа, могла защищать сына своего отъ Эгиста, участника

въ ужасномъ ея преступленіи, — сына, отъ коего она сама должна была всего опасаться. Правда, Софоклъ описываетъ угрызенія совѣсти, но описываетъ ихъ весьма слабо; напротивъ того въ Волтерѣ все размѣрено, все возрастаетъ постепенно, все обработано съ одинаковымъ превозходствомъ.

Краснорѣчивой жалобы, которую произноситъ Электра, держа въ рукахъ своихъ урну, не помѣстилъ онъ въ трагедію свою по тому, что длина ея, непротивная нравамъ и правиламъ Аѳинскаго театра, слишкомъ бы много растянула явленіе, коего дѣйствіе гораздо живѣе и сильнѣе во Французской, нежели въ Греческой прагедіи, и переводъ таковой драматической элегіи покажетъ великую разность въ правилахъ обоихъ театровъ, а притомъ послужитъ доказательствомъ, что красоты одного изъ нихъ не всегда могли быть приличны другому.

Электра. (*)

О печальный памятникъ любезнѣйшаго мнѣ изъ всѣхъ смертныхъ человѣка! Въ тебѣ хра-

---

ΗΛΕΚΤΡΑ.

(*) Ὦ φιλτάτου μνήμειον ἀνθρώπων ἐμοί,
Ψυχῆς Ὀρέστου λοιπόν, ὡς σ' ὑπ' ἐλπίδων

нятся дражайшіе остатки Ореста. Ахъ! колико нядежда меня обманула! Не въ семъ видѣ надѣялась я принять тебя. При отшествіи твоемъ изъ родительскаго дома былъ ты въ самой лѣ. потѣ цвѣтущей юности; но нынѣ держу въ рукахъ своихъ уже изтлѣвшаго и въ пепелъ обратившагося Ореста. Ахъ! лучшебы жизнь моя прекратилась прежде, нежели, исторгнувъ тебя изъ рукъ свирѣпыхъ убійцъ, удалила во страны чуждыя; лучше было бы, когда бы ты въ единый день и купно съ родителемъ твоимъ низшелъ во гробъ! Нынѣ, изгнанный изъ дому, скитаясь по землямъ чуждымъ, отлученный отъ сестры своей, погибъ ты бѣдственно; и руки мои, о несчастная! не могли тѣла твоего окропить благовоніями, и, какъ бы надлежало, изкитить изъ всепожирающаго пламени сожалѣнія достойный твой пепелъ: погребеніе твое совершено чуждыми руками, и малые твои останки хранятся въ семъ маломъ сосудѣ. О несчастная, всѣ попеченія мои о твоей юности содѣлались тщетными! съ какою радостію, съ какимъ слад-

---

Οὐχ ὥνπερ ἐξέπεμπον, εἰσδέξομαι!
Νῦν μὲν γὰρ οὐδὲν ὄντα βαστάζω χεροῖν,
Δόμων δὲ σ', ὦ παῖ, λαμπρὸν ἐξέπεμψ' ἐγώ.
Ὡς ὤφελον πάροιθεν ἐκλιπεῖν βίον,
Πρὶν ἐς ξένην σε γαῖαν ἐκπέμψαι, χεροῖν
Κλέψασα ταῖδε, καὶ κασώσασθαι φόνου,
Ὅπως θανὼν ἔκειso τῇ τόθ' ἡμέρᾳ
Τύμβου πατρῴου κοινὸν εἰληχὼς μέρος!
Νῦν δ' ἐκτὸς οἴκων, καὶ πὶ γῆς ἄλλης φυγὰς,
Κακῶς ἀπώλου, σὶς κασιγνήτης δίχα,
Κοὔτ' ἐν φίλης χερσὶν ἢ τάλαιν' ἐγὼ
Λουτροῖς ἐκόσμησ', οὔτε πεμφλέκτου πυρὸς

чайшимъ удовольствіемъ тебя я питала! Матери не столько былъ любезенъ, какъ мнѣ; я одна о тебѣ пекласи, ты всегда безъ разбору называлъ меня кормилицею и сестрою. Но уже все сіе въ единый день вмѣстѣ съ тобою изчезло: подобно ужасной бурѣ, все сіе возхитилъ ты съ собою. Родитель нашъ погибъ! меня низводитъ во гробъ печаль; тебя уже нѣтъ: враги наши смѣются: злочестивая мать неистово радуется; чрезъ тайно присланныхъ ко мнѣ вѣстниковъ ты часто увѣрялъ меня, что возвратишися и будешь ея мстителемъ; но надежды сей лишило насъ твое и мое несчастіе, которое, вмѣсто дражайшаго твоего зрака, прислало ко мнѣ безсильный прахъ и пустую тѣнь. Орестъ, любезнѣйшій братъ, пріими и меня въ сосудъ сей; уже въ ничто обращаюсь, да въ преисподнихъ мѣстахъ буду жить съ тобою! Когда ты жилъ на сей землѣ, я раздѣляла съ тобою всѣ несчастія, также и нынѣ, нетерпѣливо желаю, оставивъ жизнь сію, обитать съ тобою во гробѣ: ибо, какъ вижу, мертвые никакою не терзаются печалію.

1100 Ἀνειλόμην; ὡς εἶκος, ἄθλιον βάρος,
Ἀλλ' ἐν ξέννσι χερσὶ κηδευθεὶς τάλας,
Σμικρὸς προσίκεις ὄγκος ἐν σμικρῷ κύτει!
Οἵ μοι τάλαινα τῆς ἐμῆς παλαι τροφῦς
Ἀνωφελήτου, τὴν ἔγωγ' ἄμεμπτά σοι,
1105 Πάνω γλυκεῖ, παρέσχον! οὔτε γὰρ ποτε
Μητρὸς σύ γ' ἦσθα μᾶλλον ἢ κἀμοῦ φίλος·
Οὔθ' οἱ κατ' οἶκον ἦσαν, ἀλλ' ἐγὼ τροφὸς,
Ἐγὼ δ' ἀδελφὴ, σοὶ προσπυδώμην ἀεί.
Νῦν δ' ἐκλέλοιπε ταῦτ', ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ
1110 Θανόντα σὺν σοί· πάντα γὰρ ξυναρπάτας,
Θύελλ' ὅπως, βέβηκας! Οἴκεται πατήρ·

Софоклу великую славу доставляетъ то, что желающій найти превозходнѣйшія творенія въ древней трагедіи, долженъ выбирать одно изъ двухъ сочиненій: *Эдипа царя* и *Филоктета*. Не знаю, не особенное ли какое пристрастіе сдѣлаетъ мое разсужденіе, однакожъ я удивлялся *Филоктету* гораздо прежде, нежели помышлялъ сдѣлаться подражателемъ онаго и, пристрастіе мое къ сочиненію сему было всѣмъ извѣстно. Признаюсь, въ Эдипѣ находится много любопытнаго, а въ Филоктетѣ еще болѣе жалостнаго. Завязка первой траге-

---

Τέθνηκ' ἐγώ σοι· φροῦδος αὐτὸς εἶ θανών·
Γελῶσι δ' ἐχθροί· μαίνεται δ' ὑφ' ἡδονῆς
Μήτηρ ἀμήτωρ, ἧς ἐμοὶ σὺ πολλάκις
Φήμας λάθρα προὔπεμπες, ὡς φανούμενος
Τιμωρὸς αὐτός· ἀλλὰ ταῦθ' ὁ δυστηχὴς
Δαίμων ὁ σός τε κἀμὸς ἐξαφείλετο,
Ὃς ὧδε μοι προὔπεμψεν, ἀντὶ φιλτάτης
Μορφῆς, σποδόν τε καὶ σκιὰν ἀνωφελῆ.
Οἴ μοι! ὦ δέμας οἰκτρὸν! φεῦ, φεῦ!
Ὦ δεινοτάτας, οἴ μοι, μοι,
Πεμφθεὶς κελεύθους, φίλτατ', ὥς μ' ἀπώλεσας,
Ἀπώλεσας δῆτ', ὦ κασίγνητον κάρα!
Τοιγὰρ σὺ δέξαι μ' ἐς τὸ σὸν τόδε στέγος,
Τὴν μηδὲν ἐς τὸ μηδὲν, ὡς ξυν σοὶ κάτω
Ναίω τὸ λοιπόν! καὶ γὰρ ἡνίκ' ἦσθ' ἄνω,
Ξυν σοὶ μετεῖχον τῶν ἴσων, καὶ νῦν ποθῶ
Τοῦ σοῦ θανούσου μὴ ἐπιπεσθαι τάφου·
Τοὺς γὰρ θανόντας οὐχ ἁρῶ λυπουμένους.

дiи разкрывается и разрѣшается съ великимъ искуствомъ; простота другой трагедiи выдержана, можетъ быть, еще съ большимъ искуствомъ; говорить непрестанно сердцу выраженiями, отъ истинныхъ чувствованiй произходящими, можетъ быть еще гораздо труднѣе, нежели возбуждать въ зрителяхъ вниманiе и удерживать оное до конца произшесiвiй. Впрочемъ мы видимъ, что можно было охуждать Эдипа; и во первыхъ за свойство содержанiя сей трагедiи, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто ненавистное, ибо невинность представлена въ ней жертвою мщенiя боговъ и рока; а особливо за распрю Эдипа съ Креономъ, она есть такое вводное произшесiвiе, которое служитъ только къ наполненiю нѣсколькихъ страницъ, не возбуждая въ зрителѣ ни малѣйшаго вниманiя и не имѣя никакой цѣли; напротивъ того въ *Филоктетѣ*, коего содержанiе еще простѣе содержанiя Эдипа, Софоклъ умѣлъ обойтися безъ всякаго вводнаго произшестiя. Въ немъ находится только одно ненужное явленiе во второмъ дѣйствiи, въ коемъ одинъ изъ воиновъ Улисса, переодѣтый приходитъ на театръ, чтобы представленiемъ вымышленныхъ опасностей, Пирру и Филоктету угрожающихъ, побудить ихъ къ скорѣйшему отшествiю: средство съ излишне, ибо Филоктетъ и безъ того ея крайнимъ нетерпѣнiемъ желаетъ отправиться въ путь какъ можно скорѣе. Явленiе сiе безъ всякой пользы продолжаетъ шествiе театральное

дѣйствованіе, и я почелъ за чужное совсѣмъ оставить оное. Но ежели, изключая одну только сію ошибку, представимъ себѣ, что трагедія, состоящая токмо изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ, въ необитаемомъ мѣстѣ пребывающихъ, ни на минуту не ослабѣваетъ; что любопытство зрителя увеличиваетъся и поддерживаетъся самыми естественными средствами, непрестанно почерпаемыми изъ свойствъ, превозходнымъ образомъ описанныхъ; положеніе Филоктета, долженствовавшее, по видимому, быть всегда одинаково, перемѣняется столь искусно, что послѣ того, какъ на островѣ Лемносѣ показывалъ онъ себя человѣкомъ достойнѣйшимъ сожалѣнія, послѣ того, какъ почиталъ величайшимъ для себя благополучіемъ быть освобожденнымъ отъ бѣдственнаго состоянія, въ двухъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ почитаетъ онъ сіе же самое освобожденіе за крайнее несчастіе; сія удачная перемѣна представлена столь основательною, что зритель перемѣняетъ мнѣніе и чувствованіе свое въ одно время съ дѣйствующимъ лицемъ; что сіе лице есть самое приличное театру, поелику оно соединяетъ крайнія несчастія человѣческія съ самымъ справедливымъ негодованіемъ; что гласъ мщенія въ Филоктетѣ есть не что иное, какъ вопль человѣка притѣсненнаго; и что напослѣдокъ роля его отъ начала до конца трагедіи есть совершенный образецъ трагическаго краснорѣчія: то весьма удобно согласятся, что все сіе служитъ достаточнымъ оправданіемъ для

тѣхъ, кои видятъ въ сочиненіи семъ прекраснѣйшее драматическое изобрѣтеніе, коковымъ только древность похвалиться можетъ.

Появленіе Геркулеса, производящаго развязку въ трагедіи, почитаемо было погрѣшностію, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи нашего театра; однакожъ критика сія никогда не казалась мнѣ основательною. Здѣсь божество сіе не есть безполезное орудіе. Въ семъ случаѣ посредство его употреблено весьма прилично: развязка сія нимало не противна театральному правдоподобію, потому что она согласна съ понятіемъ о вѣрѣ той страны, въ которой происходитъ дѣйствіе, а при томъ она весьма умѣренна, нужна и удачна. Лице Геркулеса въ сей трагедіи нимало неизлишне: о немъ упоминается непрестанно; обладаніе его стрѣлами составляетъ главную завязку; герой трагедіи есть его сотоварищъ, его другъ, его наслѣдникъ; Филоктетъ противился и долженъ былъ противиться всему: кто наконецъ возторжествуетъ, Грецiя, или онъ? и кому приличнѣе разсѣчь сей великій узелъ, какъ не самому Геркулесу? Сверхъ того не съ особеннымъ ли удовольствіемъ можно видѣть, что Филоктетъ будучи до сего времени непреклоненъ, повинуется только гласу полубога, и притомъ такого полубога, который былъ ему другомъ? Къ семуто мѣсту отнести можно правило Горація, который, можетъ быть, думалъ о Софокло-

вомъ Филоктетъ; когда писалъ слѣдующій стихъ:

Nec deus intersit,nisi dignus vindice nodus.

„Вводить бога въ посредство должно толь-
„ко тогда, когда драматическій узелъ бы-
„ваетъ того достоинъ.“

По симъ причинамъ и по симъ свидѣтельствамъ я могу заключить, что подобная развязка будетъ имѣть равный успѣхъ какъ у насъ, такъ и у Грековъ, и въ томъ не ошибаюсь.

Брюмуа изъясняется весьма основательно о семъ предметѣ, и вообще о разныхъ достоинствахъ сей трагедіи, которую разсматривалъ онъ съ великимъ тщаніемъ:
„боги даютъ разумѣть, что побѣда зави-
„ситъ отъ Филоктета и отъ стрѣлъ Герку-
„лесовыхъ, но какимъ образомъ преклонить
„того злополучнаго героя къ поданію помощи
„Грекамъ, который по всей справедливости по-
„читаетъ ихъ виновниками своихъ несчастій?
„Надлежитъ преклонить раздраженнаго Ахил-
„леса, потому что помощь его необходима,
„и должно было видѣть, что Филоктетъ
„стольже непреклоненъ, какъ и Ахиллесъ,
„и что Софоклъ въ семъ случаѣ не усту-
„паетъ Гомеру. Въ посольство сіе употре-
„блены были Улиссъ и Неоптолемъ: отъ сей
„счастливой противуположности Софоклъ
„заимствовалъ всю свою завязку; ибо оную

„составляютъ Улиссъ, коего политика про-
„спиралась до самаго хитраго коварства, и
„Неоптолемъ, коего искренность доходи-
„ла до чрезвычайнаго простодушія; напро-
„тивъ того Филоктетъ, бывъ недовѣрчивъ
„и неумолимъ, посмѣвается надъ хитростію
„одного, и не преклоняется великодушіемъ дру-
„гаго; итакъ надлежало низойти съ неба
„самому Геркулесу, чтобы смягчить жесто-
„косердіе Филоктета и развязать узелъ.
„Должно согласиться, что таковая завязка
„достойна быть разрѣшенною Геркулесомъ.“

Послѣ толь справедливыхъ размышленій присоединяетъ онъ заключеніе, которое кажется весьма страннымъ. Трагедія сія не имѣетъ никакой важной погрѣшности „*противу древняго вкуса.*“ Сего еще мало, надлежало бы сказать: „*ни даже противу новѣйшаго вкуса.*“ Ибо въ трагедіи сей оба они согласны между собою. „Въ ней все
„связано, все выдержано, все спремится
„прямо къ цѣли. Дѣйствіе сіе есть то-
„чно таково, каковымъ ему быть надле-
„жало. Но въ разсужденіи новѣйшихъ нра-
„вовъ, та *излишняя простота* и живое
„изображеніе человѣка столь *горестно не-*
„*счастнаго*, какъ Филоктетъ, не могутъ намъ
„доставить столь великаго удовольствія, ка-
„ковое доставляютъ *блистательныя и раз-*
„*нообразныя* бѣдствія Корнелева *Никомида.*“

Вотъ сравненіе весьма необыкновенное, и сужденіе весьма странное. Что касается

до *излишней простоты*, то согласимся; что мнѣніе сіе, довольно вѣроятное относительно къ тому времени, не иначе могло быть опровергнуто, какъ только успѣхомъ. То же самое говорено было о содержаніи трагедіи *Мероны* прежде, нежели Волтеръ написалъ оную: онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ, что всѣ вообще шутили надъ тою нѣжностію *Мероны* къ взрослому ея сыну, которою сочинитель желалъ наиболѣе обратить вниманіе зрителей на свою трагедію. Но что хочетъ сказать Брюмуа о ролѣ Филоктета, столь *горестно несчастнаго?* Ежели я довольно хорошо понялъ, въ какомъ смыслѣ слова сіи могутъ быть примѣнены къ дѣйствующему лицу какой либо драмы; то, по мнѣнію моему, онѣ должны быть приличны такому лицу, которое бы находилось въ единообразномъ и неизправимомъ положеніи: въ такомъ случаѣ злополучіе болѣе огорчаетъ, нежели занимаетъ, ибо на театрѣ ничто не можетъ занимать зрителя, когда нѣтъ надежды. Но Филоктетъ нимало не находится въ семъ положеніи, и ниодинъ изъ помянутыхъ упрековъ не можетъ пасть на сію ролю, которая признана трагическою преимущественно предъ всѣми другими. Наконецъ, ежели бы кому вздумалось сравнить Филоктета съ Никомидомъ, то сравненіе сіе было бы очень странно. Ибо какое находится сходство между сими трагедіями? когда главное достоинство одной состоитъ въ томъ, что она наполнена весьма жалостными явленіями, а великая погрѣшность другой

состоитъ въ томъ, что совершенно лишена оныхъ? Что значатъ сіи *блистательныя и многообразныя несчастія* Никомида? О чемъ думалъ Брюмуа? Никомидъ не былъ подверженъ никакому несчастію; во всей трагедіи онъ торжествуетъ; при дворѣ своего родителя имѣетъ онъ гораздо большую власть, нежели самъ отецъ его, и опасность его продолжается одну только минуту. Роля Никомида блистательна, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но только не по его *несчастію*. Можно также, не уменшая должнаго почтенія къ дарованіямъ Корнеля, почесть страннымъ *великое удовольствіе;* доставляемое, по словамъ Брюмуа, сею драмою, которая дѣйствительно имѣетъ въ себѣ гораздо менѣе трагическаго, нежели всѣ прочія творенія, въ которыхъ Корнель не былъ ниже самаго себя; драма сія, въ которой дѣйствительно находятся нѣкоторыя черпы величія, даже ни на одну минуту не возбуждаетъ чувствительности въ зрителяхъ.

Важность роли Филоктета не скрылась отъ замѣчанія одного изъ славнѣйшихъ учениковъ древности, я говорю о Фенелонѣ, который изъ превозходнѣйшаго Софоклова творенія извлекъ прекрасное вводное произшествіе, которое помѣстилъ онъ въ свое сочиненіе; и сіе мѣсто въ Телемакѣ читается съ особеннымъ удовольствіемъ. Фенелонъ присвоилъ себѣ превозходнѣйшія мысли Греческаго спихотворца и выразилъ оныя на языкѣ Французскомъ со всею прелестію первобыт-

яой ихъ простоты, какъ человѣкъ, исполненный духа древнихъ писателей, и совершенно проникнувшій въ ихъ нравы. Но здѣсь задлежитъ замѣтить весьма ощутительную разность между Греческою трагедіею и вводнымъ произшествіемъ въ *Телемакѣ*; ибо въ первой Филоктетъ всегда говоритъ объ Улиссѣ съ ненавистію и презрѣніемъ, а въ другомъ тотъже самый Филоктетъ, разсказывая, однакожъ спустя долгое вр
о всѣхъ своихъ несчастіяхъ сыну Улис
кажется самъ охуждаетъ свою запальчи
и изображаетъ Улисса человѣкомъ м
и непоколебимымъ въ своей долж
гражданиномъ, дѣлающимъ все
своего отечества. Ничто не
больше чести уму и вкусу Фе
лучше не показываетъ, каки
пользою употребляетъ тѣ
плодовитыя правила, на к
быть основана вся купност
сочиненія, и которыя во
малоизвѣстны. Онъ чувс
жно было единство нам
комъ сочиненіи, коего
лемакъ, не должно было
и что впрочемъ Филокт
съ теченіемъ времени у
ло, могъ уже тогда г
судить о мудрости У
къ своему отечеству.

Увидѣть на Париж
скую трагедію почти

играна была на театрѣ Аѳинскомъ, было ко-
нечно новостію, заслуживающею особенное
вниманіе. До сего времени имѣли мы толь-
ко подражанія болѣе или менѣе отдаленныя
отъ своихъ подлинниковъ, болѣе или менѣе
принаровленныя къ нашимъ обыкновеніямъ и
нравамъ; и я уже давно думалъ, что трагедія,
называемая Филоктетъ, есть только одно изъ
древнихъ сочиненій, которое могло быть
ставлено безъ малѣйшей перемѣны на
рахъ новѣйшихъ, потому что ея содер-
есть страждущее человѣчество, ко-
возбуждаетъ особенное соучастіе во
емя и во всякомъ мѣстѣ. Но съ
роны размышляя, что доставляю
трагедію, въ которой нѣтъ не
но даже и женской роли, чув-
то таковое зрѣлище многимъ
Единый въ семъ родѣ сдѣ-
подкрѣпленный всею славою
арованія Волтера, не имѣлъ
ѣха для ободренія тѣхъ,
бы повторить оный. Тра-
саря, весьма много ува-
не могла еще утвердить-
рѣ; она вошла въ большое
о съ того времени, когда
ко приучилъ насъ къ та-
ы не внимали справед-
иностранцевъ, что
лѣпляемся къ приключе-
пъ чего въ трагедіяхъ
какое-то единообразіе,
тели *Гоѳоліи* (Athalie)

и *Мероты* старались насъ избавить. Сіи великіе мужи, имѣвшіе весьма изящный и разборчивый вкусъ, кажется, только одни почувствовали достоинство древней простоты: нынѣ она должна сдѣлаться тѣмъ еще болѣе почтеннѣйшею, потому что можетъ служить предохраненіемъ, отъ заразы, ежедневно усиливающейся. Будучи одержимы болѣзнію людей пресыщенныхъ, мы желаемъ изобразить всѣ произшествія на одной картинѣ, собрать всѣ удовольствія въ одно зрѣлище, перемѣстить оперу въ трагедію, а трагедію въ оперу. Отсюда раждается то повреждение ума, которое доводитъ многихъ писателей до странности и уродливости: мало размышляютъ о томъ, что не должно употреблять вдругъ всѣхъ чувствованій и всѣхъ услажденій, беречь пособія, дабы онѣ всегда существовали, помѣщать каждый родъ на своемъ мѣстѣ и степени, не изкажать ни одного изъ нихъ, и не смѣшивать всѣхъ во едино; отвергать только то, что кажется холоднымъ и ложнымъ, и наипаче убѣгать крайностей, кои всегда означаютъ злоупотребленіе.

Младшій Расинъ, наученный отцемъ своимъ разбирать и удивляться древнимъ, но не имѣвшій его дарованія, дабы равняться съ ними, старался въ *размышленіяхъ своихъ о стихотворствѣ* перевесть нѣкоторыя мѣста изъ Софокла, а особливо изъ *Филоктета*. Я не опасаюсь обвиненія въ неприлич-

номъ совмѣстничествѣ: любовь моя ко всему изящному столь велика, что естьли бы переводъ его показался мнѣ достойнымъ подлинника, я немедленно помѣстилъ бы оный вмѣсто моего. Но знающіе Греческій языкъ легко увидятъ, сколь много сынъ великаго Расина удалился отъ Софокла. Стихи его правильны, а нѣкоторые и прекрасны; но въ нихъ по большей части не достаетъ точности и силы; ошибки его столь ощутительны, что легко можно показать оныя даже и тѣмъ, кои не разумѣютъ подлинника. Здѣсь приведу я только весьма краткій отрывокъ, по разсмотрѣніе коего можетъ показать, что древніе писатели изображали природу съ точностію, и что младшій Расинъ, который ихъ любитъ и хвалитъ, переводитъ творенія ихъ невѣрно. Здѣсь привожу я то самое мѣсто изъ трагедіи, когда Филоктетъ является на театрѣ: вотъ переводъ прозою:

„Ахъ! чужестранцы, кто вы таковы,
„вы, которые вышли на сію землю, гдѣ нѣтъ
„ни пристани, ни жилища? Гдѣ ваше оте-
„чество? откуда вы родомъ? по одеждѣ ва-
„шей, я узнаю Грецію, которая для меня
„всегда драгоцѣнна; но я желалъ бы услы-
„шать вашъ голосъ. Не страшитесь суровой
„моей наружности; не страшитесь меня; но
„паче возымѣйте состраданіе къ несчаст-
„ному, который живетъ одинъ въ пустынѣ
„безъ помощи, безъ подпоры. Прервите мол-
„чаніе; естьли вы прибыли сюда, какъ друзья,

„то отвѣтствуйте на слова мои; въ сей „милости и справедливости вы мнѣ отка- „зать не можете.“

Вотъ Софоклъ: вотъ, что надлежало говорить Филоктету; тутъ ничего существеннаго не опущено, и нѣтъ ни одного слова излишняго. Теперь слѣдуетъ переводъ младшаго Расина:

Quel malheur vous conduit dans cette île sauvage,
Et vous force à chercher ce funeste rivage?
Vous que sans doute ici la tempête a jettés,
De quel lieu, de quel peuple êtes-vous écartés?
Mais quel est cet habit que je revois paraître?
N'est-ce pas l'habit grec qui je crois reconnaître?
Que cette vue ô ciel! chere à mon souvenir,
Redouble en moi l'ardeur de vous entretenir!
Hâtez-vous donc, parlez: qu'il me tarde d'entendre
Les sons qui m'ont frappé dans l'âge le plus tendre;
Et cette langue helas! Que je ne parle plus!
Vous voyez un mortel qui de la terre exclus,
Des hommes et des dieux satisfait la colère.
Généreux inconnus, d'un regard moins sévere,
Considérez l'objet de tant d'inimitié,
Et soyez moins sasisi l'horreur que de pitié.

Какое бѣдствіе приводитъ васъ на сей дикій островъ,
И принуждаетъ васъ пристать *къ* *сему* *гибельно-* *пому* *брегу*?
Вы, которыхъ конечно занесла неистовая буря;
Изъ какого мѣста, *отъ* *какого* *народа* *удалились*?
Но какую одежду я на васъ вижу?
Дай богъ! чтобы видъ сей толико для меня любезный
Удвоилъ во мнѣ желаніе съ вами бесѣдовать!
Не медлите, вѣщайте: что мѣшаетъ мнѣ

Слышать звукъ, поражавшій слухъ мой въ лѣтахъ
вѣжнѣйшихъ,
И сей языкъ, ахъ! которымъ уже я не говорю!
Вы видите человѣка, который удалясь отъ земли,
Удовлетворяетъ тѣмъ гнѣву боговъ и человѣковъ.
Великодушные незнакомцы, воззрите благосклонно
На человѣка, неумолимою враждою гонимаго;
И возчувствуйте менѣе ужаса, нежели сожалѣнія.

Сіи стихи, сами по себѣ имѣютъ пріятность и вообще написаны недурно; но сравните ихъ съ подлинникомъ и съ положеніемъ Филоктета, то удивитесь, сколь много находится въ нихъ погрѣшностей; хуже самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, сколько вставокъ, излишностей и опущеній весьма важныхъ! Какая вялость въ первыхъ осьми стихахъ! какое въ нихъ повтореніе! Какое единообразіе въ сихъ сложныхъ полустишіяхъ, *cette île sauvage, ce funeste rivage que je revois paraître, que je crois reconnaître!* Сія погрѣшность была бы, можетъ быть, менѣе охужденія достойна въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь таковыя выраженія совершенно противны движеніямъ, каковыя въ душѣ Филоктета одно за другимъ слѣдуютъ съ великою быстротою, и которыя весьма хорошо выражены Софокломъ. Гдѣ то множество вопросовъ, которые дѣлаетъ несчастный Филоктетъ, увидѣвъ наконецъ людей? Находятся ли они въ сихъ двухъ весьма холодныхъ и пропяжныхъ стихахъ?

Quel malheur vous conduit à cette île sauvage,
Et vous force à chercher ce funeste rivage?

Представимъ себѣ какого либо государя, принимающаго во дворцѣ своемъ иностранцевъ, спалъ ли бы онъ говорить иначе? сей спокойный вопросъ походитъ ли на сіе первое возклицаніе Филоктета: „Ахъ! *Чужестранцы, кто вы?* Симъ однимъ возклицаніемъ проситъ онъ себѣ помощи, сожалѣнія о немъ и обнаруживаетъ нетерпѣливое любопытство. Ничто не могло замѣнить онаго, а два первые стиха младшаго Расина изображаютъ нѣчто противное настоящимъ обстоятельствамъ.

De quel peuple êtes vous écartés?

Въ другомъ мѣстѣ выраженіе сіе было бы не дурно; но здѣсь оно холодно, ибо все должно быть просто, быстро и кратко: „Какъ ваше имя? Гдѣ ваше отечество?“ Вотъ что должно было сказать: всякой другой разговоръ здѣсь неприличенъ.

Mais quel est cet habit?

Частица mais *но* здѣсь весьма не у мѣста; и для чего вопрошать о такомъ предметѣ, который находится предъ глазами? Софоклъ говоритъ просто: „На васъ Греческая одежда.“ И что значатъ слова l'ardeur de vous entretenir? Тутъ дѣло идетъ не о разговорѣ! Филоктетъ нетерпѣливо желаетъ услышать только человѣческій голосъ. Софоклъ говоритъ: „Я хочу услышать голосъ вашъ.“ Какая разность!

. . . . . Qu'il me tarde d'entendre
Les sons qui m'ont frappé dans l'âge le plus tendre etc.

Стиховъ сихъ нѣтъ въ Греческомъ подлинникѣ; однакожъ они приличны положенію и написаны хорошо; но при всемъ томъ было бы гораздо лучше ничего не прибавлять къ Софоклу, а перевесть все прочее съ надлежащею исправностію. Прибавленное къ нему не стоитъ того, чего онъ лишился; было бы гораздо лучше не нарушать правилъ природы, не выпускать сего весьма справедливаго и трогательнаго движенія души: „Не страшитесь меня; не взирайте на меня съ ужасомъ.“ И въ самомъ дѣлѣ положеніе, въ каковомъ находится Филоктетъ, подаетъ ему причину заключать, что величайшее его несчастіе всякаго устрашить можетъ. Переводчикъ перемѣстилъ мысль сію въ послѣдній стихъ; но мысль не замѣняетъ душевнаго движенія.

> Généreux inconnus, d'un regard moins sevére
> Considerez l'objet de tant d'inimitié.

Все сіе неопредѣлительно, слабо и непринадлежитъ Софоклу. Филоктетъ не называетъ ихъ *великодушными*; ибо не знаетъ еще, будутъ ли они таковыми, и все, что онъ ни сказалъ, изображаетъ недовѣрчивость, свойственную человѣку несчастному; и если *взоры ихъ суровы*, то какъ можно было предполагать, что они *великодушны*? Вставки сіи влекутъ за собою противурѣчіе. Для чего столь много говоритъ онъ о великой враждѣ? Всѣ сіи излишнія выраженія не касаются до настоящаго предмета, не выяс-

няюпѣ того, что говоритъ и что долженъ говорить Филоктетъ: „Сжальтесь надъ несчастнымъ оставленнымъ въ пустынѣ, безъ помощи и друзей.“

Разсмо́прѣніе сіе можетъ показа́ться строгимъ; однакожъ оно справедливо: оно основательно, очевидно, и показываетъ только главнѣйшія ошибки. Симъ-то способомъ разсматривая драмаціческое стихотворство, видѣть можно достоинство Расина и Во́лтера, которые въ превозходныхъ сочиненіяхъ своихъ не дѣлаютъ никогда подобныхъ симъ погрѣшностей. Симъ-то способомъ познается причина, для чего не можно читать ниодного явленія въ весьма многихъ театральныхъ сочиненіяхъ, на одну только минуту одобряемыхъ народомъ ослѣпленнымъ, и коихъ соблазнительные успѣхи возвращаютъ насъ ко временамъ невѣжества.

Теперь остаётся мнѣ сказать о хорахъ, мною выпущенныхъ изъ сей трагедіи. Извѣстно, что у Грековъ состояли они изъ отрывковъ лирическаго стихотворства, многіе изъ нихъ весьма прекрасны, они принадлежали къ драматическому ихъ составу, но ни малой не приносили пользы дѣйствованію, иногда даже мѣшали оному. Я изключилъ ихъ по тому, что въ трагедіи, для Французскаго театра сочиненной, они были бы совсѣмъ безполезны и неприличны. Сіе изключеніе, сколько ни необходимо, весьма не поправилось нѣкоему *любителю древ-*

нихъ(*), который сдѣлалъ мнѣ за сіе строгій выговоръ, и негодовалъ еще на нѣкоторыя несправедливости, оказанныя мною Софоклу. Тогда не отвѣчалъ я на сіи упреки; но нынѣ, поелику они доставляютъ мнѣ случай къ новымъ объясненіямъ о театрѣ древнихъ въ сравненіи съ нашимъ, я разсмотрю замѣчанія *безыменнаго сочинителя.*

Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что мысли мои о простотѣ древнихъ драмъ не совсѣмъ справедливы. Онѣ, говоритъ критикъ, *были конечно просты, но необнаженныя и не безъ дѣйствованія* Упрекъ сей былъ бы основателенъ, ежели бы я въ самомъ дѣлѣ сказалъ, или въ какомъ либо мѣстѣ давалъ разумѣть, что Греческія драмы были *обнаженны* и *безъ дѣйствованія;* но я сего никогда не только не говаривалъ, но даже и не думалъ. Вы видѣли, что я дѣлалъ великое различіе между Эсхиломъ и двумя его послѣдователями, по тому единственно, что трагедіи перваго не имѣютъ ни дѣйствованія, ни завязки, и что оба послѣдовавшіе за ними сочинителя, бывъ свѣдущіе его въ театральномъ искуствѣ, помѣстили въ твореніяхъ своихъ то, чего не доставало въ сочиненіяхъ Эсхила. Правда, я присовокупилъ еще, что ежели сдѣлать точный переводъ Греческихъ трагедій для новѣйшаго театра; то онѣ составятъ только три дѣйствія, потому

(*) Аббатъ Огеръ.

что хоры, занимающіе въ нихъ много мѣста, не могутъ имѣть онаго въ трагедіяхъ новѣйшихъ, и я признаюся, что искуство драматическаго состава довели мы до бо́льшаго совершенства, нежели древніе, и лучше узнали нужныя пособія для поддержанія завязки въ продолженіи пяти дѣйствій: все сіе почитаю я неоспоримымъ. Естьли я и говорилъ въ другомъ мѣстѣ о упоминаемой Г-мъ кри́тикомъ *обнаженной простотѣ* въ Филоктетѣ, то изъ сего еще не слѣдуетъ, что въ ономъ нѣтъ дѣйствованія; ибо трагедія безъ дѣйствованія есть, по всей справедливости, дурна и не заслуживаетъ ни перевода, ни представленія на театрѣ. Мнѣ хотѣлось только сказать, что Греческія трагедіи весьма просты, а трагедія *Филоктетъ* есть изъ нихъ самая простѣйшая; и что нѣтъ ниодной трагедіи ни у Эврипида, ни у Софокла, въ коей бы не было болѣе различныхъ обстоятельствъ, болѣе дѣйствующихъ лицъ и болѣе зрѣлища, нежели въ Филоктетѣ.

Что касается до изключенныхъ мною хоровъ, то я могъ бы однимъ словомъ оправдать сей поступокъ, сославшись на введенное между нами обыкновеніе, и заставивъ критика привесть себѣ на память то, о чемъ всякому извѣстно, а именно, что на театрѣ нашемъ не стали бы играть трагедіи съ хорами, и естьли бы лицедѣи вздумали пѣть сіи хоры, то конечно были бы осмѣяны зрителями. Сіе и въ самомъ дѣлѣ случилось при первомъ представленіи Вольтерова Эдипа. Въ угод-

ность ученому Дасье сочинилъ онъ для хора неболѣе, какъ только четыре стиха; зрители начали смѣяться, и съ того времени на театрѣ ужѐ никогда не пѣли сихъ четырехъ стиховъ, хотя сочинитель оставилъ ихъ во всѣхъ изданіяхъ.

O mort! nous implorons ton funeste secours etc.

О смерть! молимъ тебя, подай гибельную твою помощь и пр.

Но критикъ, желающій по примѣру Дасье, чтобы ничего не было изключаемо изъ древнихъ сочиненій, можетъ быть, не уважитъ усилившагося обыкновенія; онъ попребуетъ доказательствъ. Хорошо, удовлетворимъ его желанію, и для сего достаточно будетъ однихъ замѣчаній, кои конечно покажутся ему основательными, естьли только разсмотритъ оныя безпристрастно и съ размышленіемъ.

Во первыхъ надлежитъ припомнить, что трагедія и комедія у Грековъ были, при самомъ своемъ началѣ, не иное что, какъ хоры. Явленія и разговоръ изобрѣтены послѣ; и симъ изобрѣтеніемъ Греки обязаны Эсхилу. Сіе весьма удачно выразилъ Буало въ поэмѣ о наукѣ стихотворческой:

Eschyle dans le choeur jetta les personnages
D'un masque plus honnête habilla les visages etc.

Эсхилъ внелъ въ хоры дѣйствующія лица,
И покрылъ ихъ личиною пристойнѣйшею.

Но поелику нѣтъ ничего сроднѣе людямъ, въ какой бы странѣ они ни жили, какъ глу-

бочайшее почтеніе ко всему древнему; то вѣроятно, хоры употребляемы были потому, что они древни и почитался существенною частію трагедіи, хотя и легко доказать, что естьли и бываютъ случаи, въ коихъ могутъ быть введены на театрѣ хоры, но они по большей части были бы на ономъ не у мѣста. А поелику первыя трагедіи наши составлены изъ разговоровъ, то мы и не имѣли причины оказывать таковаго уваженія къ хорамъ: а сверхъ того, по неоспоримой и произходящеи изъ самаго существа вещей причинѣ, должно было изгнать оные съ трагическаго нашего театра, т. е. что пѣніе и хоры былибы совсѣмъ противны правиламъ такой трагедіи, которую на театрѣ не поютъ, а представляютъ въ видѣ разговора. Какимъ же образомъ безъименный критикъ забылъ, что у древнихъ какъ хоры, такъ и разговоры, были пѣты; и потому всякой понять можетъ, что въ семъ случаѣ хоры, бывъ сопровождаемы музикійскимъ согласіемъ и единспвомъ дѣйствованія, могли въ Греческихъ трагедіяхъ, подобно какъ въ нашихъ операхъ, доставлять зрителямъ еще бо́льшее удовольствіе; напротивъ того читаемые хоры произведутъ только нѣкое смѣшеніе звуковъ, странное и непонятное пѣніе, совершенно противное правиламъ театра, гдѣ ничто не должно быть противно чувствамъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію, что говоритъ безъименный критикъ о должностяхъ хоровъ у древнихъ, и о томъ, ка-

кимъ бы образомъ, по желанію его, надлежало мнѣ поступить съ ними въ *Филоктетѣ*.

„Хоръ весьма много украшалъ зрѣлище, „и дѣйствованіе дѣлалъ полнымъ и непре- „рывнымъ.“

Это правда, но онъ еще чаще причинялъ вредъ, и нарушалъ правдоподобіе.

„Хоръ былъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ „въ трагедіи, составлялъ часть оныя, и не „могъ быть отъ нея отдѣленъ.“

Выше видѣли мы, почему тогоже самаго не бываетъ у насъ, у коихъ трагедія никогда не поется; и я не знаю, что на сіе отвѣчать. Безъименный критикъ приводитъ Гораціевъ стихъ:

Actoris partes chorus officiumque virile etc.

Ему бы надлежало выписать изъ *Науки о Стихотворствѣ* все то, что говоритъ Горацій о хорѣ: не нужно имѣть большаго доказательства, сколь хоры суть недостаточны и безполезны, и сколь справедливо поступаемъ, что не вводимъ ихъ на театръ, до извѣстной степени совершенства доведенный. Горацій говоритъ слѣдующее: „Хоръ „занимаетъ мѣсто одного дѣйствующаго ли- „ца, и выполняетъ должность онаго; между „дѣйствіями онъ не долженъ пѣть ничего не- „принадлежащаго къ содержанію трагедіи, что- „бы онъ защищалъ добрыхъ, и подавалъ имъ

„полезные совѣты; чтобы укрощалъ гнѣвъ „и ободрялъ добродѣтель; чтобы похвя- „лялъ умѣренность, справедливость, яко „блюстительницъ законовъ, на коихъ утвер- „ждается спокойствіе государствъ; чтобы „хранилъ ввѣренныя ему тайны, и просилъ „бы боговъ о защищеніи несчастныхъ и „уничиженіи высокомѣрныхъ.“

Нравоученіе сіе превозходно; но неясно ли, что сіе поучающее лице нимало несвойственно трагедіи; ибо оно не имѣетъ участія ни въ выгодахъ, ни въ страстяхъ какоголибо дѣйствующаго лица, и что оно само не имѣетъ ни какой страсти, ни выгоды? слѣдовательно нѣтъ ничего столь противнаго всякой хорошо устроенной театральной системѣ, какъ сіе. Горацій желаетъ, дабы хоръ *хранилъ тайну*. Но можно ли назвать тайною то, что ввѣрено многимъ? Сіе обстоятельство приводитъ на память слѣдующій стихъ изъ нѣкоей комедіи:

On ne saura pas; le public est discret.

Сего никто не узнаетъ: публика скромна.

Одинъ примѣръ показать можетъ, въ чемъ состояли неудобства сего хора, котораго никогда не смѣли изключить изъ театра. Федра предъ хоромъ женщинъ предается всему неистовому стремленію такой страсти, которую она съ величайшимъ трудомъ открываетъ своей кормилицѣ, и которую желала бы скрыть даже отъ самой себя. Едва

ли найдется бо́льшее неправдоподобіе, каково есть сіе, и вотъ что можетъ произвести привычка и предразсудокъ у народовъ самыхъ просвѣщенныхъ.

Сдѣлаемъ самое выгодное предположеніе. Можетъ быть безъименный критикъ желалъ, чтобы я удержалъ хоры не въ междудѣйствіяхъ, дабы заставить всѣхъ говорить вмѣстѣ, но въ явленіяхъ, гдѣ бы они могли входить въ разговоръ хотя съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. На сіе отвѣтствую, что даже и въ семъ предположеніи я не принесъ бы никакой пользы ни зрѣлищу, ни дѣйствованію: зрѣлищу по тому, что малое число Греческихъ воиновъ, находящихся непрестанно на театрѣ, не представляетъ ни пышности, ни разнообразія; дѣйствованію по тому, что сіе предполагаемое лице представило бы только обыкновеннаго наперсника: а какъ скоро явленіе наперсника не нужно для изложенія произшествій или объясненія положеній, то сіе можетъ почесться важною погрѣшностію, каковой на театрѣ нашемъ тщательно избѣгать должно, потому что на ономъ ничего столь много не опасаются, какъ утомительности. По сей-то причинѣ въ трагедіи сей не ввелъ я никакого наперсника, никакого постороннаго дѣйствующаго лица, ибо я видѣлъ, что не было ни одной минуты, въ которую бы они могли дѣлать что нибудь другое, какъ только повторять уже сказанное главными лицами.

„Воинъ приходитъ и *хладнокровно* увѣ-
„домляетъ о прибытіи Филоктета.“

Я не знаю, для чего бы надлежало ему извѣщать о семъ *съ жаромъ*.

„Можетъ ли сіе замѣнить тотъ сму-
„щенный и жалобный вопль, который дол-
„женъ быть слышанъ въ отдаленности, и
„которому надлежало бы привесть зрителя
„въ содроганіе?“

Я сдѣлалъ сіе съ намѣреніемъ, чтобы зрители не слышали сего вопля: какое дѣйствіе произвелибы вопли Филоктета въ чрезмѣрной его печали? *Non bis in idem.* Не надлежитъ употреблять два раза одно и тоже средство. Естьли желаютъ показать Филоктета страждущимъ въ концѣ зрѣлища; то не должно показывать его таковымъ при его прибытіи; ибо тогда не былобы въ трагедіи постепеннаго шествія.

Вотъ, чему основательное наблюденіе театральныхъ твореній, въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ продолжавшееся, могло научить писателей новѣйшихъ; вотъ то совершенство подробныхъ и благоприличныхъ обстоятельствъ, каковыя присовокупили они къ сему прекрасному искуству, коему научили ихъ древніе; и наконецъ вотъ мое оправданіе въ небольшихъ перемѣнахъ и опущеніяхъ, каковыя осмѣлился я сдѣлать въ трагедіи Филоктетъ.

Безъименный оканчиваетъ критику свою признаніемъ столже страннымъ, сколь и

чистосердечнымъ, *что онъ не имѣетъ никакого познанія о нашемъ театрѣ.* Познаніе сіе почелъ бы я необходимо нужнымъ, дабы судить здраво о томъ, что надлежало сдѣлать сочинителю, вводящему трагедію Греческую на театрѣ Французскій.

Чѣмъ болѣе удивлялся я Софоклу, тѣмъ болѣе почиталъ себя обязаннымъ дѣлать, по моей возможности, все то, чтобы онъ сдѣлалъ самъ, ежелибы трудился для новѣйшаго театра. Напримѣръ, конецъ послѣдняго дѣйствія требовалъ большей убавки. Послѣ того, какъ Филоктетъ увидѣлъ Улисса, схватилъ онъ по нѣкоему естесіпвенному и непреоборимому движенію, стрѣлы, дабы поразить его: Софоклъ продолжаетъ въ разговорѣ явленіе, которому прилично было одно только дѣйствованіе; и Улиссъ до появленія Геркулеса, весьма долго разговариваетъ съ Филоктетомъ. На театрѣ нашемъ было бы сіе непростительною ошибкою. Я соединилъ оба сіи обстоятельства, и ввелъ Геркулеса точно въ то время, когда дѣйствованіе находится въ самомъ затруднительномъ положеніи, когда Филоктету нѣчего болѣе слушать, а Улиссу уже нѣчего было говорить: наконецъ въ то время, когда, не взирая на всѣ усилія Пирра, роковая стрѣла была уже готова на поражаніе, тогда вдругъ начинаетъ гремѣть громъ, и одно только посредство нѣкоего божества можетъ остановить мщеніе и руку Филоктета. Такимъ-то образомъ развязка сія, которая, по види-

мому, была введена на нашъ театръ единственно для опыта, произвела разительное дѣйствіе на ономъ.

Безъименный критикъ сожалѣетъ еще объ опущенномъ мною прощаніи Филоктета въ Софоклѣ: „о семъ столь трога„тельномъ прощаніи, которое весьма уда„чно оканчиваетъ трагедію, и коего не „рѣшился исключить сочинитель *Те„лемака.*“ Правда, и я также о немъ сожалѣю, и естьли бы я писалъ поэму, то никакъ не исключилъ бы онаго прощанія. Но когда главнѣйшій узелъ уже разсѣченъ, когда зритель ничего уже не ожидаетъ; то множество обращеній, сдѣланныхъ Софокломъ къ свѣту, къ хижинѣ, нимфамъ, источникамъ, морю, берегу хотя и могутъ подать поводъ къ сочиненію прекрасныхъ стиховъ, однакоже они, при всемъ томъ, былибы для насъ предметомъ весьма обыкновеннымъ, безъ всякой нужды и пользы продолжающимъ трагедію. *Otte superuacuum* и проч.

Сына Ахиллесова упрекрали въ излишней наклонности къ лукавству, и что онъ въ столь юныя лѣта свои уже слишкомъ хорошо умѣлъ притворяться. Но здѣсь надлежитъ привесть себѣ на память, что ему приказано было точно и во всемъ слѣдовать совѣтамъ Улисса, и что ежели онъ не будетъ поступать по онымъ, то лишится всякой надежды къ обладанію Троею и къ отмщенію за смерть отца своего. Слабы ли

причины сіи для Пирра? Наставленія Улиссовы столь хорошо начертаны, что и безъ великой опытности удобно можно было имъ слѣдовать; при всемъ томъ Пирръ оказываетъ нѣкое сопротивленіе прежде, нежели рѣшился поступать по онымъ; а потомъ съ какимъ удовольствіемъ видятъ сего юнаго героя, обращающагося къ своимъ склонностямъ, отъ которыхъ онъ могъ уклониться на одну только минуту, и предающагося сожалѣнію, уступивъ прежде политикѣ: сколь благородна и чувствительна та минута, въ которую отдаетъ онъ стрѣлы Филоктету! Сіе представляетъ картину природы, каковую Софоклъ умѣлъ изобразить съ отмѣннымъ искусствомъ.

Я думаю, что онъ поступилъ весьма благоразумно, уклонясь отъ принятаго преданія, будто бы Филоктетъ раненъ одною изъ сихъ ужасныхъ стрѣлъ, упавшею на его ногу, въ наказаніе за нарушеніе клятвы, которую онъ далъ хранить въ тайнѣ мѣсто, гдѣ погребено тѣло Геркулесова. Софоклъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлалъ весьма хорошо, что отвергъ сіе преданіе, какъ не приносящее чести его герою, и замѣнилъ сію стрѣлу зміею изъ храма Хризы.

Что касается до его слога, то я былъ бы весьма много награжденъ за трудъ мой удовольствіемъ, каковое вкушать можно, переводя твореніе человѣка съ отмѣнными

дарованіями. Приятно быть подкрѣпляему чувствованіемъ нѣкоего непрестаннаго удивленія; ибо въ такомъ только случаѣ можно тѣмъ наслаждаться, въ чемъ не можно сравниться.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О ЭВРИПИДѢ.

Эврипидъ родился въ Саламинѣ въ самыя празднества, кои тогда отправлялись по случаю побѣды, содѣлавшей имя сего города весьма знаменитымъ. Сперва учился онъ философіи у Анаксагора и Сократа, когда наука сія начинала разпространяться въ Аѳинахъ; но послѣ опасаясь гоненій, какovымъ подвергла философія учителя его Анаксагора, и отъ которыхъ одна только величайшая довѣренность Перикла у народа могла его избавить, обратился онъ къ театру, и въ короткое время столь много успѣлъ, что сравнился съ Софокломъ. Сначала зависть поселила между ими вражду, но въ послѣдствіи времени они отдали другъ другу взаимную справедливость, и сдѣлались друзьями. Эврипидъ сочинилъ около осьмидесяти трагедій, изъ коихъ увѣнчаны были только пятнадцать. Осьмнадцать изъ нихъ дошли до насъ. Архелай, царь Македонскій, призвалъ его къ своему двору, гдѣ принятъ имъ весьма милостиво и осыпанъ былъ благодѣяніями сего государя. Кончина его была несчастлива: зашедъ въ нѣкое отдаленное мѣсто, былъ онъ разтерзанъ псами. Аѳиняне требовали его тѣла, дабы предать оное погребенію съ подобающею честію; но Архелай отказалъ, желая, чтобы остатки сего великаго человѣка хранилися въ Маке-

доніи; и Аѳиняне принуждены были воздвигнуть ему пустую гробницу.

Я входить буду въ краткое или подробное разсмотрѣніе каждой изъ оставшихся намъ его трагедій, судя по ихъ достоинству, и по тому вниманію, каковое они возбуждаютъ въ насъ по сдѣланнымъ подражаніямъ и по наставленіямъ, изъ нихъ почерпаемымъ. Сперва я весьма кратко упомяну о тѣхъ трагедіяхъ, которыя недостойны славы сочинителя, и которыя по видимому, весьма близки къ тѣмъ временамъ, въ кои театральное искуство было еще въ младенчествѣ.

Вакханки не заслуживаютъ даже и имени трагедіи, ежели слово сіе не будетъ принято въ томъ знаменованіи, каковое имѣло оно во время Ѳесписа: трагедія сія есть родъ драматическаго чудовища, и сочинена въ честь Бахуса. Содержаніе оной есть смерть Пиѳея, разтерзаннаго своею матерію, которую Бахусъ лишилъ ума, дабы чрезъ нее отмстить сему несчастному государю за оказанное имъ презрѣніе къ Вакхову служенію. Сія жестокая баснь можетъ занимать мѣсто только въ Овидіевыхъ Превращеніяхъ. Въ драмѣ оно отвратительно, и Еврипидъ смѣшалъ съ нелѣпыми ужасами умоизступленіе Бахусовыхъ празднествъ и посмѣянія достойныя неистовства. Въ оной трагедіи отъ начала до конца прославляется вино, пьянство, и потому Брюмуа за-

ключаетъ, что трагедія сія была сочинена для празднества Бахуса. Божество сіе приходитъ въ Ѳивы съ тѣмъ, чтобы преклонить жителей признавать его богомъ и воздавать ему божескія почести; онъ является въ видѣ прекраснаго юноши, и вскорѣ привлекаетъ на свою сторону множество знатныхъ Ѳивскихъ женъ. Но царь Пинѳей, коего также старались преклонить къ признанію Бахуса богомъ, грозитъ, что естьли сей мнимый богъ не оставитъ Ѳивъ, то онъ велитъ его повѣсить. Бахусъ въ отмщеніе лишаетъ его ума. Мы уже видѣли, что у Софокла Минерва тоже самое дѣлаетъ съ Аяксомъ; но признаться должно, что сумасшествіе сіе совсѣмъ отлично отъ сумасшествія Пинѳеева. Сіе служитъ доказательствомъ справедливости, что все зависитъ отъ свойства, каковое стихотворецъ умѣетъ придать предметамъ. Царь Ѳивскій играетъ ролю царя какойлибо *страны изобильной.* Онъ беретъ въ руку Бахусовъ жезлъ, одѣвается въ женское платье, и заставляетъ убирать свою голову самаго Бахуса, въ великой милости у него находящагося. Все сіе былобы только странно, естьлибы Пинѳей не былъ наконецъ растерзанъ Агавою своею матерію, которую Бахусъ также лишилъ ума, и которая приходитъ на театръ съ окровавленною головою своего сына, почитая оную за львиную. Ежелибы всегда дѣлаемо было подобное сему употребленіе изъ баснословія, то оно, конечно, не могло бы имѣть великаго успѣха.

Впрочемъ не трудно замѣтить, что языческіе боги часто мстили людямъ лишеніемъ ума, и чрезъ то доводили ихъ до ужаснѣйшихъ злодѣяній. Въ доказательство сего увидимъ мы другой примѣръ, стольже отвратительный въ трагедіи сего же сочинителя *Неистовый Геркулесъ*, хотя не столь странной, какъ *Вакханки*, но при всемъ томъ не лучше оной. Амфитріонъ съ простодушіемъ разсказываетъ въ весьма длинномъ прологѣ всю ту повѣсть, изъ которой Мольеръ, занявъ ее у Плавта, сдѣлалъ прекрасную комедію. Онъ напоминаетъ о рожденіи Геркулеса. Герой сей находится въ отсутствіи, но его почитаютъ мертвымъ. Нѣкто Ликасъ убилъ Креона, царя Ѳивскаго, и овладѣлъ престоломъ. Онъ хочетъ лишить жизни стараго Амфитріона, Мегару, падчерицу его, жену Геркулесову и ихъ дѣтей, опасаясь, чтобы со временемъ кто нибудь изъ нихъ не отмстилъ ему за смерть Креонову. Все сіе на смерть осужденное семейство удалилось въ храмъ Юпитера, какъ въ убѣжище священное и безопасное: храмъ сей былъ воздвигнутъ самимъ Геркулесомъ у самыхъ вратъ его дворца, но Ликасъ угрожаетъ сжечь оный. Тогда Мегара, лишась всей надежды къ спасенію, проситъ, чтобы ей, какъ жертвѣ, позволено было умереть прежде дѣтей своихъ, и облечь ихъ въ печальную одежду. Ликасъ на сіе соглашается, и дозволяетъ имъ войти во дворецъ для учиненія сихъ печальныхъ приготовленіи. Онъ выходитъ, говоритъ, что

скоро возвратится для принесенія ихъ на жертву. Алкмена приходитъ также смотрѣть на сію казнь; но въ сіе самое время является Геркулесъ и удерживаетъ Ликаса отъ сего злодѣянія. Легко вообразить можно, что лишить жизни Ликаса весьма не трудно тому, который недавно вывелъ Тезея изъ ада, и оковалъ цѣпями Цербера; и трагедія кажется кончилась смертію тиранна, и освобожденіемъ осужденныхъ на казнь. Совсѣмъ нѣтъ: мы еще только въ третьемъ дѣйствіи, а уже начинается другая трагедія, точно также, какъ и первая, прологомъ, съ тою только разностію, что въ сей послѣдней трагедіи прологъ произносится божествомъ. Ирида, посланница боговъ, является на облакахъ въ сопровожденіи фуріи, и увѣдомляетъ насъ, что Юнона, не успѣвъ погубить Геркулеса во адѣ, вознамѣрилась лишить его ума и довесть до того, чтобы въ бѣшенствѣ своемъ убилъ онъ мать и дѣтей своихъ, недавно имъ спасенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ фурія береть во власть свою Геркулеса, и все предсказанное совершается. Геркулесъ снимаетъ съ себя одежду на театрѣ; онъ думаетъ, что сражается съ Эвриѳеемъ, а напротивъ того онъ борется съ вѣтрами, и какъ бы лишивъ ихъ жизни, наконецъ засыпаетъ. По сему случаю Брюмуа дѣлаетъ слѣдующее весьма простосердечное размышленіе: „Геркулесъ, судя по нашему, „есть человѣкъ сумасшедшій, коего надлежа„лобы связать, онъ неистовѣе Аріостова „Роланда. Въ такомъ случаѣ нынѣ не можно

„подражать Эврипиду, но не должно также „безъ всякаго основанія охуждать то, что „онъ сдѣлалъ въ свое время.“ Таковое уваженіе выходитъ нѣсколько изъ предѣловъ. Я думаю, что во всякое время можно охуждать безразсудныя жестокости, возбуждяющія одно токмо отвращеніе и посмѣяніе. Алкидъ, пробудясь, приходитъ въ разумъ, произноситъ множество отчаянныхъ возклицаній и наконецъ спокойно уходитъ съ Тезеемъ, который приглашаетъ его отправиться съ нимъ въ Аттическое его государство. Но сей герой желаетъ прежде доставить Цербера Эврисѳею, дабы исполнить данное ему обѣщаніе, и сходитъ съ театра, произнося слѣдующія слова: „Несчастливъ тотъ, кто „предпочитаетъ богатство и славу истин„ному другу!“ *Въ семъ состоитъ*, говоритъ Брюмуа, *нравственность сочиненія.* Здѣсь она нѣсколько неумѣстна; и естьлибы Эврипидъ писалъ всегда такимъ образомъ, то никогда бы не сравнялся съ Софокломъ.

Резъ есть сочиненіе другаго рода, но и при всемъ томъ не можетъ еще назваться трагедіею. Оно есть извѣстное вводное произшествіе, взятое изъ Иліады и представленное въ видѣ разговора. Улиссъ и Діомидъ убиваютъ Реза царя Ѳракійскаго въ ту самую ночь, когда онъ приходитъ въ станъ Троянъ, своихъ союзниковъ, и похищаютъ его коней. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на драматическое содержаніе.

Просительницы, коихъ содержаніе нѣсколько сходно съ трагедіею Эсхила, подъ тѣмъже названіемъ извѣстною, подходитъ болѣе къ роду и свойству трагедіи; но самое въ ней привлекательное принадлежитъ однимъ только Грекамъ, а никому другому. Въ трагедіи сей упоминается еще о погребеніи, и одинъ только Софоклъ могъ при подобныхъ содержаніяхъ вводить явленія, коихъ красота всякому времени прилична, обращая особенное вниманіе зрителей на дѣйствующія лица. Напротивъ того въ Эврипидѣ все обыкновенно, обще, и потому ничто не привлекаетъ вниманія. Дѣло идетъ о погребеніи Аргіялъ, убіенныхъ во время Ѳивской осады. Креонъ, такъ какъ побѣдитель, противится сему погребенію; вдовы и дѣти убіенныхъ приходятъ въ Элевзисъ съ царемъ своимъ Адрастомъ, просятъ Тезея царя Аѳинскаго, дабы могуществомъ своимъ принудилъ онъ Креона возвратить тѣла сихъ ратниковъ. Креонъ отказываетъ въ семъ требованіи; происходитъ битва, и Аѳиняне одерживаютъ побѣду: приносятъ тѣла, подавшія поводъ къ сей брани. Читая сію трагедію видѣть можно, что главнѣйшая цѣль сочинителя была польстить Аѳинянамъ. Одно только то для насъ замѣчательно, что въ ея развязкѣ находится такое явленіе, которое подало Волтеру мысль о кострѣ *Олимпіи*. Эвадна, жена Капанея, одного изъ военачальниковъ, коихъ принесены тѣла, всходитъ на скалу, близъ коея поставленъ былъ костеръ для сожженія тѣла ея

супруга. А поелику до сего времени зритель ни малѣйшаго не обращалъ вниманія ни на сію женщину, появившуюся на театрѣ уже при концѣ трагедіи, ни на мужа ея Капанея, убитаго прежде трагическаго дѣйствія, то всѣ сіи театральныя представленія сдѣланы только для глазъ. Но пятое дѣйствіе *Олимпіи* показываетъ, что ежели бы положеніе сей княжны было привлекательнѣе въ продолженіи сочиненія; то сія развязка и сіе зрѣлище имѣло бы сильнѣйшее дѣйствіе.

Эврипидъ написалъ также *Θиваиду*, подъ заглавіемъ: *Θиникіянки*. Она лучше всѣхъ сочиненій, нами доселѣ разсмотрѣнныхъ. Въ ней есть разговоръ и краснорѣчивыя явленія; но содержаніе принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, кои болѣе причиняютъ ужаса, нежели возбуждаютъ вниманіе: Эврипидъ, какъ будтобы для него не достаточно было убіенія двухъ братьевъ, присовокупилъ еще безъ всякой пользы, принесеніе въ жертву Миникея сына Креонова, коего смерти требуютъ боги чрезъ Тирезія, увѣряющаго, что Θиване, осажденные Полиникомъ и его союзниками, только цѣною сей невинной крови одержатъ побѣду. Сіе введеніе составляетъ, такъ сказать, двойное дѣйствіе въ трагедіи. Послѣ добровольной смерти Миникея, Θиване дѣйствительно остаются побѣдителями. Братья убили другъ друга. Эдипъ выходитъ изъ своего убѣжища, предается новой печали и стенаніямъ надъ трупами сыновей своихъ,

и потомъ съ дочерью Антигоною отправляется въ Аттику скончать тамъ жизнь свою, куда и приходитъ онъ въ то время, какъ Креонъ, похитившій престолъ, не допускаетъ предать тѣло Полиника погребенію. Сей весьма продолжительный конецъ трагедіи и пустой споръ Креона съ Антигоною, которую онъ хочетъ отдать въ супружество своему сыну, не принадлежитъ къ главному дѣйствію и нимало не соотвѣтствуетъ тому благоразумному единству, которое составляетъ одно изъ достоинствъ Софокла.

Орестъ Эврипидовъ ничего не имѣетъ общаго съ трагедіями сего же названія. Дѣйствіе происходитъ спустя семь дней по убіеніи Клитемнестры. Аргіяне осудили на смерть Ореста и сестру его Электру, какъ убійцъ своея матери. Елена и Менелай, прибывшіе недавно въ Аргосъ, возвращаясь съ Троянской осады, съ дочерью своею Герміоною, нетерпѣливо готовятся наслѣдовать Агамемнону и спараюпся воспользоваться достояніемъ дѣтей его, которые не имѣютъ другой защиты, кромѣ дружбы и мужества Пилада. Сей совѣтуетъ имъ лишить жизни Елену, захватить дочь ея Герміону и хранить ея какъ залогъ, могущій удержать Менелая отъ злонамѣренныхъ его предпріятій. Заговоръ сей, который впрочемъ ни мало не занимателенъ, кажется весьма нелѣпымъ потому, что нѣтъ никакой возможности къ произведенію его въ дѣйство. Орестъ, сестра, и другъ его Пиладъ, неизвѣстно какимъ-то

образомъ, овладѣли дворцемъ. Они зажигаютъ его, и Орестъ является среди пламени, съ вознесеннымъ надъ Герміоною мечемъ, и поразилъ бы ее непремѣнно, естьли бы Менелай тотъ же часъ не уничтожилъ смертнаго приговора, сдѣланнаго противу дѣтей Агамемнона. Изъ сего видно, что положеніе сіе, весьма часто употребляемое въ нашихъ романахъ и на всѣхъ новѣйшихъ театрахъ, уже издревле существуетъ. Оно поразительно, однакожъ весьма трудно сдѣлать его естественнымъ и выдти изъ онаго не нарушая правдоподобія. Эвринидъ весьма удобно выходитъ изъ онаго затрудненія посредствомъ введеннаго имъ божества. Аполлонъ низходитъ съ неба, объявляетъ, что онъ спасъ Елену, скрывъ ее въ ту самую минуту, когда почитали царицу сію убіенною, и вознесъ ее на небо. Во всей славѣ показываетъ ее Менелаю. Можно сказать, что введеніе и поступокъ сего божества странны. Аполлонъ уничтожаетъ сдѣланное Креономъ противъ Ореста и сестры его опредѣленіе. Электрѣ повелѣваетъ вступить въ супружество съ Пиладомъ, а Оресту съ сею самою Герміоною, которую онъ готовъ былъ поразить, и наконецъ предстать на судъ Ареопага: итакъ трагедія оканчивается двумя браками, изъ коихъ одинъ долженъ казаться весьма необыкновеннымъ. Сочиненіе сіе, такъ какъ и многія другія творенія Эврипидовы, походитъ болѣе на наши оперы, нежели на трагедіи. Чудесное употреблено въ ней безъ всякаго искусства, и великое

множество произшествій введено безъ приготовленія и безъ причины.

Трагедія подъ названіемъ *Елена* есть романъ еще страннѣйшій и показывающій, сколь многими баснословіе было наполнено нелѣпыми и противурѣчущими преданіями, коими безъ разбора пользовалися стихотворцы. Дѣйствіе произходитъ въ Эгиптѣ: Елена въ одномъ изъ своихъ повѣствовательныхъ прологовъ, которые Эврипидъ употребляетъ вмѣсто изложенія, даетъ знать зрителямъ, что Эвропа и Азія, сражавшіяся у Трои за Елену, сражалися только за нѣкій пустой призракъ: что Юнона подставила сіе привидѣніе вмѣсто настоящей Елены, дабы чрезъ то обмануть Венеру и Париса; что Парисъ хотя и былъ увѣренъ, что десять лѣтъ обладаетъ прекрасною въ свѣтѣ женою, но въ самомъ дѣлѣ обладалъ одною только тѣнію; ибо настоящая Елена сокрыта была въ Египтѣ, съ самаго того знаменитаго времени, когда произходилъ судъ при горѣ Идѣ; что Θеоклименъ, царь Египетскій любитъ ее страстно и желаетъ вступить съ нею въ супружество, но Елена всегда противится сему браку, твердо рѣшась сохранить вѣрность къ своему супругу, котораго надѣется увидѣть. Она въ отчаяніи, да и не безъ причины, ибо невиннымъ образомъ подверглася безславію. Въ сіе самое время Менелай, возвращавшійся съ мнимою своею супругою изъ Трои, претерпѣлъ кораблекрушеніе и бурею принесенъ къ острову

Фаросу, гдѣ произходитъ дѣйствіе, точно въ то время, когда Египетскій царь обнародовалъ повелѣніе предавать смерти всѣхъ Грековъ, кои приспанутъ къ сему острову. Менелай, оставя въ нѣкоей пещерѣ мнимую свою Елену, самъ пошелъ обозрѣвать сію страну, и къ великому своему удивленію, нашелъ тамъ другую Елену. Таковая повѣсть о двоякой женщинѣ находится въ *тысячѣ и одной ночи*, гдѣ она помѣщена гораздо съ большимъ приличіемъ, нежели въ трагедіи. За удивленіемъ слѣдуетъ объясненіе, и Менелай непремѣнно долженъ былъ повѣрить истинѣ, а особливо, когда нѣкто изъ его сопутниковъ пришедъ увѣдомляетъ его, что Елена, оставленная имъ въ пещерѣ, изчезла, уповательно по тому, что роль призрака сего кончилась, какъ скоро Менелай нашелъ настоящую Елену. Остается только спасти Менелая и обмануть царя: Елена принимаетъ сіе на свое попеченіе. Она увѣряетъ Θеоклимена, что супругъ ея умеръ, о чемъ будтобы узнала недавно отъ одного Грека, претерпѣвшаго кораблекрушеніе, а Грекъ сей есть самъ Менелай, который является въ рубищѣ оплакивая смерть своего господина, а Елена въ то самое время облекшись въ печальную одежду проливаетъ слезы. Сей вымыслъ имѣетъ ожидаемый успѣхъ, ибо Θеоклименъ столь легковѣренъ, каковымъ всегда надлежитъ быть тиранну трагедіи. Онъ не сомнѣвается въ совершеніи брака своего съ Еленою, ибо Менелая уже нѣтъ на свѣтѣ, и почитая себя ея супругомъ, пред-

ставляетъ, что ей не должно оплакивать супруга умершаго, но любить живаго. Однакожъ онъ дозволяетъ ей совершить погребеніе Менелая на открытомъ морѣ, ибо онъ погибъ въ волнахъ. Менелай и Греки лишаютъ жизни Египтянъ, пришедшихъ къ нимъ на корабль и удаляются съ великою поспѣшностію, оставя тиранна обманутымъ. Сей обвиняетъ предсказательницу сестру свою Ѳеону за то, что не предувѣдомила его о сей хитрости. Онъ даже хочетъ предать ее смерти, и неизвѣстно, чтобы съ нею возпослѣдовало, естьлибы сочинитель не прибѣгнулъ къ обыкновеннымъ своимъ средствамъ. Кастеръ и Поллуксъ низходятъ съ неба и взявъ Ѳеону подъ свою защиту, утверждаютъ, что она ни въ чемъ невинна. Они повелѣваютъ царю покориться волѣ боговъ, Еленѣ предсказываютъ божескія почести по ея смерти, а Менелаю вѣчную жизнь на островахъ счастливыхъ. Съ нѣкотораго времени мы немного отдалились отъ сей Греческой простоты, которая, какъ видно, не всегда была свойственна Еврипиду. Но былобы несправедливо судить о немъ по симъ уродливымъ его произведеніямъ, такъ какъ не можно судить о достоинствѣ Корнеля по его *Пулхеріи*, *Агезилаѣ* и *Суренѣ*.

Іонъ служитъ новымъ докательствомъ, что родъ романическій былъ также извѣстенъ на Греческомъ театрѣ, какъ и на нашемъ. Содержаніе столь перемѣшено, что я лучше соглашусь отослать къ Брюмуа же-

лающихъ имѣть понятіе о сей трагедіи, нежели терять драгоцѣнное время на разсмотрѣніе оной. Я поспѣшаю къ тѣмъ сочиненіямъ Эврипида, кои заслуживаютъ бо́льшее вниманіе.

Въ *Гераклидахъ* заключаются такъ сказать сѣмена трагедіи, и потому претерпѣнныя ими несчастія служили многимъ изъ новѣйшихъ писателей содержаніемъ драматическихъ сочиненій. *Гераклидами* называется родъ Алкидовъ, гонимый Эрисѳеемъ, царемъ Аргосскимъ, искавшій спасенія своего у Демофонта царя Аѳинскаго. Сей благородный и великодушный государь соглашается лучше воевать съ царемъ Аргоскимъ, нежели оставить сихъ знаменитыхъ изгнанниковъ и тѣмъ нарушить права гостепріимства. Прорицалище объявило, что онъ не иначе одержитъ побѣду, какъ принеся въ жертву богамъ дѣвицу изъ царскаго рода. Макарія, дочь Геркулеса и Алкмены охотно желаетъ быть сею жертвою и всячески старается скрыть отъ своей матери намѣреніе и смерть свою. Изъ сего можно былобы сдѣлать завязку, достойную особеннаго вниманія зрителей; но Эврипидъ не пользуется симъ случаемъ. Макарія приносится на жертву въ третьемъ дѣйствіи, объ ней никто не говоритъ ни слова, никто не занимается ею и даже сама Алкмена, мать ея, ничего не знаетъ о печальномъ жребіи своей дочери, а въ остальной части трагедіи ни о чемъ больше не говорится, какъ только

о побѣдѣ Аѳинянъ, и о кончинѣ Эврисѳея, о которомъ никто и не думаетъ. Тутъ нѣтъ еще никакого познанія въ драматическомъ искуствѣ.

Медея Эврипидова была представлена на всѣхъ театрахъ, и многіе трагики подражали оной. Конечно они прельстились нѣкоимъ блескомъ, видимымъ въ ролѣ сей дерзновенной и предпріимчивой волшебницы, и тѣмъ сострадательнымъ соучастіемъ, каковое возбуждаетъ женщина, оставленная такимъ человѣкомъ, коему она великія оказала благодѣянія. Но замѣтить надобно, что участіе сіе ослабляется гнуснымъ нравомъ и ужасными преступленіями Медеи, также и хладною ролею Язона. Однакожъ справедливое мщеніе супруги, оскорбленной неблагодарнымъ мужемъ, борьба мщенія съ нѣжною чувствительностію матери, и непроницаемое притворство, каковымъ Медея покрываетъ гнусныя свои намѣренія, производятъ въ зрителяхъ ужасъ и чувствительность, а отъ сего въ трагедіи сей произошло нѣсколько прекрасныхъ явленій. Впрочемъ сочиненіе сіе есть одна изъ наилучше обработанныхъ трагедій Еврипида, естьли только изключить изъ оной безполезную ролю Эгея, предлагающаго Медеѣ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ.

Надлежитъ быть столже много пристрастну къ древнимъ писателямъ, какъ и Брюмуа, чтобы сравнять Ипполита Эврипидова

съ Федрою Расина. Правда Французскій сочинитель заимствовалъ у Греческаго содержаніе своей трагедіи, первую половину того прекраснаго явленія, въ которомъ изображаетъ неистовое заблужденіе Федры, явленіе Тезея и его сына, и повѣствованіе о смерти Ипполита; но во всемъ прочемъ онъ замѣнилъ величайшія погрѣшности величайшими красотами. Трагедія Эврипидова начинается, по обыкновенію, прологомъ. Ипполитъ раздражилъ Венеру, ибо не воздавалъ ей божескихъ почестей, а напротивъ того усердно поклонялся Діанѣ. По сей-то причинѣ въ Федрѣ возпалила она непреоборимую страсть. Она предваряетъ зрителей о всемъ, чего отъ страсти сей ожидать должно; предсказываетъ о ложномъ обвиненіи Федры, о заклятіяхъ Тезея предъ Нептуномъ и о смерти невиннаго Ипполита. „Я знаю, (говоритъ она), что Федра почи„таетъ меня нелицемѣрно. Однакожъ она „должна погибнуть. Жизнь ея для меня не „столь драгоцѣнна, чтобы я не пожертво„вала ею моему мщенію. Погубимъ невинную „жертву, лишь толькобы погибъ врагъ мой.“ Вводитъ въ трагическое дѣйствіе богиню для того только, чтобы заставить ее играть столь гнусную ролю, и преждевременно увѣдомлять зрителей о будущихъ произшествіяхъ, есть обращать драматическое искуство къ его младенчеству; и ежели принять въ разсужденіе успѣхи, сдѣланные Софокломъ, то сіи великія погрѣшности Эврипида нимало неизвинительны. Въ тра-

тедіи сей не помѣстилъ онъ ни одного вводнаго произшествія, но за то во многихъ мѣстахъ сдѣлалъ ее весьма томною; разговоръ Федры съ ея кормилицею занимаетъ два первыя дѣйствія. Сія послѣдняя взялась сообщить предложеніе Ипполиту: таковая неблагопристойность весьма нелѣпа и не должна быть терпима на театрѣ, въ совершенство приведенномъ. Юный царевичъ выходитъ на театръ, вопіетъ, отталкиваетъ съ негодованіемъ безстыдную наперсницу, которая обнимая колѣна раздраженнаго князя, старалася преклонить его, по крайней мѣрѣ, къ молчанію. Онъ разсказываетъ хору о гнусныхъ сдѣланныхъ ему предложеніяхъ; равнымъ образомъ и сама царица открыла симъ же женщинамъ все неистовство преступной страсти, а чрезъ то правила благопристойности и правдоподобія совсѣмъ нарушены. Продолжительные упреки Ипполита женщинамъ написаны не въ лучшемъ вкусѣ. „Всемогущій Юпитеръ, почто поз„волилъ ты существовать въ поднебесной „столь ужасному злу, каковъ есть полъ женскій! Не уже ли не было другаго средства „къ размноженію человѣческаго рода? не лу„чшели былобы для людей приносить въ чер„тоги твои мѣдь, желѣзо и злато, дабы ты „благоволилъ даровать имъ дѣтей по мѣрѣ „ихъ приношеній, и проч.?“ За симъ слѣдуетъ изъ сорока стиховъ состолщая сатира на супружество, на остроумныхъ женщинъ, на посредницъ въ дѣлахъ любовныхъ; наконецъ всякаго рода обыкновенныя мысли,

приличныя только ролѣ Арнольфа, когда онъ проклинаетъ всѣхъ женщинъ, но театра Мелпомены нимало недостойныя. Скольбы ни утверждали, что таковыя мысли и выраженія приличны были нравамъ Аѳинскимъ; однакожъ неоспоримо и то, что трагедія не должна насмѣхаться и пересуждать семейственныя нравы; таковые пересуды принадлежатъ комедіи, а Ипполиту неприлично было говорить подобно брюзгливому и ревнивому старику. Надлежитъ всегда отвергать то, что вездѣ и во всякое время есть нелѣпо.

Федра, разругавъ свою наперсницу, уходитъ и лишаетъ себя жизни. Узнаютъ о ея смерти, и трагедія по всѣмъ правиламъ кончилася прежде, нежели Тезей явился на театръ. Сіе составляетъ другую непростительную погрѣшность. Вотъ еще худшая ошибка. Тезей находитъ въ рукахъ умершей своей супруги письмо, написанное предъ самою ея кончиною; онъ узнаетъ ея руку; Федра обвиняетъ Ипполита. Итакъ смерть, которая для каждаго человѣка должна быть минутою разкаянія, была напротивъ того для Федры минутою послѣдняго преступленія. И по смерти своей гонитъ она того, котораго любила въ жизни. Таковое обстоятельство можно назвать совершеннымъ отступленіемъ отъ природы, здраваго разсудка и отъ всѣхъ правилъ театральнаго искуства. Столь постыдныхъ нелѣпостей щадить никогда не должно, скольбы много ни-

старались скрывать ихъ люди мялосвѣдущіе и, такъ сказать, суевѣрные поборники писателей древнихъ. Естьлибы Расинова Федра такимъ же образомъ была написана, то бы ни на единую минуту терпѣть ее не стали. Ибо никакъ не льзя слушать равнодушно, когда Тезей, выслушавъ повѣствованіе о ужасномъ несчастіи Ипполита, говоритъ: „признаюсь, что изъ ненависти къ „вѣроломному сыну слушалъ я повѣствова„ніе сіе съ удовольствіемъ, но при всемъ „томъ благоговѣніе къ богамъ и любовь къ „сыну, колико онъ ни виновенъ, пробуждают„ся въ моемъ сердцѣ. Итакъ не ощущая ни „радости ни печали пребываю равнодушенъ.“ Вкорѣ потомъ узнавъ, что сынъ его еще живъ, повелѣваетъ принесть его къ себѣ. „Я еще хочу видѣть его, сдѣлать ему выго„воръ за учиненное имъ преступленіе, и „претерпѣннымъ наказаніемъ уличить его „совершенно.“ Какъ можно дѣлать упреки, сыну своему, уже при смерти находящемуся! О природа! ты, которая почитаешся душею трагедіи, которую Греки и самъ Эвриидъ изображали самыми истинными красками, такъ ли ты поступаешь? Существуютъ ли на свѣтѣ жены, подобныя Федрѣ, и отцы подобные Тезею? Но я сему не вѣрю: и естьлибы, по какому либо несчастному случаю и нашелся человѣкъ имъ подобный, то и сіе не можетъ служить извиненіемъ сочинителю: есть правило, что сверхъестественныя произшествія никогда не должны быть предметомъ искуства, на подражаніи основаннаго.

Трагедія какъ начата, такъ и кончена богинею. Діана оправдываетъ Ипполита, и дѣлаетъ строгій выговоръ Тезею. На театръ приносятъ умирающаго Ипполита, который къ величайшему безславію отца своего, предаетъ забвенію и прощаетъ, что онъ былъ виновникомъ его смерти. Сіе служитъ только къ безполезному продолженію трагедіи и умножаетъ число погрѣшностей. Вотъ каково сіе сочиненіе, въ которомъ однакожъ мы охотно извинимъ Эврипида, потому что ему только одолжены мы Федрою Расина.

Двоякое дѣйствіе въ трагедіяхъ, по мнѣнію Брюмуа, неизвѣстно было Грекамъ. Однакожъ мы видѣли, что погрѣшность сія весьма часто встрѣчается у Эврипида, коея два весьма ощутительные примѣра увидимъ еще въ трагедіяхъ его *Троянки* и *Гекуба*; что однакоже нимало не препятствуетъ хвалить и удивляться по всей справедливости положеніямъ весьма приличнымъ драмѣ, и тѣмъ изображеніямъ природы, кои стольже истинны и трогательны, сколько въ Федрѣ и въ другихъ его сочиненіяхъ ложны и отвратительны. *Троянки* довольно извѣстны по трагедіи Шатобрюна, которая есть совершенное подражаніе Эврипидовой трагедіи. Дѣйствіе происходитъ въ Греческомъ станѣ и предъ развалинами города Трои. Побѣдители готовятся рѣшить жребій плѣнныхъ: Гекубы, Поликсены, Андромахи, Кассандры и Астіанакса, сына Гекторова. Соучастіе зрителей слишкомъ много развлечено,

слѣдственно ослаблено. Но при всемъ томъ общее всему Пріамову дому несчастіе есть само по себѣ важно и состраданія достойно, и потому какъ Греческая, такъ и Французская трагедія возбуждаетъ въ зрителяхъ жалость. Въ первой трагедіи Поликсена совсѣмъ не введена въ число дѣйствующихъ лицъ, однакожъ неизвѣстность о ея жребіи составляетъ все содержаніе двухъ первыхъ дѣйствій. Въ третьемъ зритель узнаетъ, что она убита на гробѣ Ахиллеса, и сынъ Гекторовъ Астіанаксъ также осужденъ на смерть. Вотъ еще другое дѣйствованіе. Θалтибій, чиновникъ Греческаго ополченія увѣдомляетъ Андромаху о семъ ужасномъ рѣшеніи. Жалобы сей безутѣшной матери и послѣднее прощаніе съ сыномъ своимъ почитаются лучшими произведеніями пера Эврипидова; но чтобы изобразить ихъ въ совершенной точности надлежитъ имѣть перо Расиново. Послѣ сего прекраснаго третьяго дѣйствія, извлекающаго у зрителей слезы, Эврипидъ, какъ бы нарочно старался осушить оныя въ послѣдующемъ дѣйствіи, и приводитъ въ забвеніе главный предметъ самымъ неумѣстнымъ введеніемъ. Безъ всякой причины выводитъ онъ на театръ Менелая, помышляющаго только объ отмщеніи Еленѣ невѣрной своей супругѣ, и готоваго отправиться въ Грецію, чтобъ тамъ лишить ее жизни. Здѣсь начинается одно изъ тѣхъ театральныхъ явленій прѣнія, къ которому охоту получилъ Эврипидъ въ училище философовъ, и коимъ заразилъ онъ

театръ Аѳинскій тѣмъ удобнѣе, что Греки бывъ отъ природы остры и наклонны къ любопрѣнію, съ удовольствіемъ смотрѣли на таковыя явленія, хотя онѣ вообще противны свойству драматическихъ сочиненій, которыя требуютъ гораздо болѣе чувствительности, нежели умствованій, и употребляютъ сіи послѣднія только въ положеніяхъ спокойныхъ, да и то съ великимъ искуствомъ и осторожностію. Менелай обвиняетъ Елену; Елена оправдывается: къ симъ двумъ спорящимъ лицамъ присоединяется еще третіе; ибо Гекуба вступаетъ въ разговоръ; она принимаетъ на себя уличать жену Менелаеву, и, какъ кажется, въ томъ успѣваетъ. Но все сіе ни къ чему иному служитъ, какъ только, чтобы отвлечь зрителя отъ вниманія и сострадапія, каковыя внушала ему несчастная участь Пріамова семейства.

Одно изъ лучшихъ мѣстъ сей трагедіи есть предсказаніе Кассандры, которому Шатобрюнь подражалъ довольно удачно, и которое по новости своей принято было зрителями съ великою похвалою, и положило начало славѣ знаменитой Клеронъ.

Не забудемъ, что въ трагедіи: *Троянки*, такъ какъ и въ прочихъ театральныхъ сего же писателя сочиненіяхъ, находится прологъ, ибо онъ поставлялъ себѣ за правило помѣщать ихъ въ каждой трагедіи. Разговаривающія лица суть Нептунъ и Минерва; они услов-

ливаются наносить всевозможное зло Греческому флоту.

По крайней мѣрѣ въ прологѣ, находящемся въ *Гекубѣ*, не введено никакого божества. Тѣнь Полидора, сына Пріямова, разказываетъ въ ономъ всѣ свои похожденія и предваритeльно возвѣщаетъ зрителямъ все то, что увидятъ они въ самой трагедіи. Полидоръ убитъ Полимнесторомъ, царемъ Θракійскимъ, которому Пріамъ поручилъ его въ храненіе. Греки, возвращаясь изъ Трои, пристаютъ къ Θракійскому полуострову. Гекуба, плѣнница ихъ, была съ ними, и тѣнь Ахиллесова требуетъ, чтобы Поликсена принесена была въ жертву, безъ чего Греки никоимъ образомъ не могутъ выдти изъ Θракіи. Сія Поликсена есть та самая, которую Эврипидъ не ввелъ въ трагедію *Троянки*, хотя она въ ней принесена въ жертву, но надъ которою здѣсь истощилъ онъ все свое дарованіе и все богатство своего краснорѣчія. Можетъ быть во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ такой чувствительности, нѣтъ такого совершенства, каковыя находятся въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ сей трагедіи. Два послѣднія дѣйствія содержатъ въ себѣ только мщеніе Гекубы надъ Полимнесторомъ, и сіе второе драматическое дѣйствованіе, поелику нимало не зависитъ отъ перваго, имѣетъ еще то неудобство, что несравненно меньшее обращаетъ на себя вниманіе зрителей. Но оставимъ сіе, и займемся только Поликсеною. Явленіе, въ которомъ Улиссъ при-

ходитъ, чтобы весть ее на смерть, Греками ей присужденную, рѣчи сей несчастной княжны и ея матери, мучительная ихъ разлука, даже самая роля Улисса, который и при исполненіи ненавистнаго порученія соблюдаетъ приличную важность, все сіе описано превозходно, и по всей справедливости можетъ считаться въ числѣ величайшихъ образцевъ. Гекуба умоляетъ Улисса о дозволеніи вопроситъ его; ибо она была плѣнница, и говоритъ съ однимъ изъ побѣдителей Трои. Она вопрошаетъ его, помнитъ ли то время, какъ, пришедъ тайнымъ образомъ въ Трою соглядатаемъ, онъ былъ узнанъ Еленою, которая тотчасъ обявила о томъ Гекубѣ. Одно слово сей царицы могло бы погубить Улисса: но она склонилась на прозьбу его, и позволила ему удалиться изъ города. Улиссъ подтверждаетъ сіе; всякъ чувствовать можетъ, сколь признаніе сіе должно быть полезно Гекубѣ.

„Вспомни, говоритъ она Улиссу, вспо„мни тотъ день, въ который трепещущими „руками объемля мои колѣна, дрожащимъ „гласомъ, имѣя блѣдное и смертельнымъ „страхомъ покрытое лице, вручалъ ты все „спасеніе твое единой моей жалости. Я „подвиглась на твою прозьбу, и даровала „тебѣ жизнь; подъ моимъ покровомъ изшелъ „ты невредимо изъ враждебнаго тебѣ града. „Улиссъ можетъ ли быть толико неблаго„даренъ, чтобы дерзнулъ увеличивать мое „бѣдствіе? я спасла его отъ смерти, а онъ

„лишаетъ меня жизни! изъ объятій моихъ
„изторгаетъ дщерь мою! Скажи, какое бо-
„жество низпослало тебѣ сіе жестокое пове-
„лѣніе? Ежели мстительная тѣнь Ахилла
„требуетъ сея жертвы, то да потребится
„виновница его смерши, виновница всѣхъ
„нашихъ злополучій: принеси на жертву
„раздраженной тѣни сего героя Елену, сію
„лютую, Троянамъ и Грекамъ равно гибель-
„ную фурію. Ежели Ахиллъ желаетъ быть
„почтенъ знаменитою жертвою, ежели бла-
„гоугодно ему видѣть на гробѣ своемъ за-
„клянную красоту; то Елена, одаренная отъ
„боговъ рѣдкою лѣпотою, и симъ гибель-
„нымъ даромъ торжествуетъ надъ нами.
„Елена всѣхъ виновнѣе, и всѣхъ прекраснѣе.
„Ты, коего зрѣла я нѣкогда въ плачевномъ
„состояніи, простертаго у ногъ моихъ, днесь
„внемли гласу справедливости: нынѣ молю
„тебя о милости, каковую нѣкогда явила я
„тебѣ. Несчастіе твое подвигло меня на
„жалость, пожалѣй и ты о участи нашей:
„ты лобызалъ сію руку, я лобызаю твою:
„Гекуба у ногъ твоихъ; вспомни, что Геку-
„ба есть мать: ахъ! не изторгай дщери
„моей изъ моихъ объятій; не проливай ея
„крови; убійство уже превзошло мѣру: бѣд-
„ствія мои ужасны: единая дщерь моя слу-
„житъ мнѣ подпорою въ оныхъ; утѣшь
„ветхіе дни мои, услади горесть мою, по-
„зволь, чтобы въ несчастіяхъ моихъ могла
„я находить иногда облегченіе. Не лишай
„меня дщери! побѣда никогда не должна быть
„жестока. Какой побѣдитель можетъ надъ-

„яться, что счастіе его будетъ вѣчно? во „мнѣ видишь разительный примѣръ непо„стояннаго рока. Я царствовала, была ма„терію, и считала себя благополучною: но „благополучіе мое прешло аки тѣнь. Единое „мгновеніе изтребило все, теперь я уже ничто. „Пожалѣй о мнѣ, и не лишай меня сего еди„наго и послѣдняго сокровища. Будь хода„таемъ нашимъ, и мудростію словесъ тво„ихъ успыди вождей и всю Грецію. И въ „самыхъ ужасныхъ битвахъ, воины ваши „щадили женъ и дѣтей. Не уже ли при под„ножіи жертвенника желаете помрачить ва„шу славу, проливъ кровь, которую и сама „побѣда пощадила? Не уже ли съ плѣнными, „безоружными, покорными поступите вы „свирѣпѣе, безчеловѣчнѣе, нежели съ вашими „врагами? Вѣщай, отжени сіе несправедливое „велѣніе; вся Грецій тебѣ внимаетъ.“

Въ Греческомъ подлинникѣ сія рѣчь Гекубы заключаетъ въ себѣ всѣ роды краснорѣчія; въ ней видна материня любовь, величіе царицы, сопряженное съ уничиженіемъ скорбящей просительницы, искуство приводить въ состраданіе даже и самолюбиваго непріятеля. Улиссъ оправдывается, сколько ему возможно. Не забываетъ благодѣянія Гекубы; но помнитъ и то, что онъ только исполнитель воли всего Греческаго ополченія; онъ не въ силахъ отмѣнить оной: не одна Гекуба оплакиваетъ дѣтей своихъ, великое множество матерей въ Аргосѣ и Микенахъ также проливаютъ горкія слезы о

потерѣ сыновъ своихъ, подъ Троею убіенныхъ; наконецъ Ахиллъ, безчисленныя услуги оказавшій Грекамъ, имѣетъ неоспоримое право требовать отъ нихъ благодарности; и какъ возможно отказать ему въ требуемой имъ жертвѣ? Герои сильно защищаютъ честь, памяти ихъ принадлежащую. Въ семъ мѣстѣ стихотворецъ гласомъ Улисса превозноситъ похвалами Греческіе нравы и благородныя дани, приносимыя Греками тѣнямъ мужей великихъ, напротивъ того въ земляхъ варварскихъ заслуги ихъ погребаются вмѣстѣ съ ними. Гекуба, видя, что Уликсъ не внемлетъ ея прозьбамъ, совѣтуетъ дочери своей преклонить его на жалость, естьли только возможно, покорностію и слезами. Отвѣтъ Поликсены исполненъ твердости духа, которая служитъ прекрасною противуположностію отчаянію ея матери.

Поликсена.

Вижу, о Уликсъ! ты страшишся услышать мою прозьбу; ты укрываешь руку твою, боишся, да не встрѣтится она съ моею, свирѣпое чело твое и потупленные взоры отъ меня отвращаются. Будь спокоенъ, я исполню велѣніе Грековъ. Повинуюсь закону необходимости: Греки требуютъ моей смерти, я сама охотно ее желаю. Какой былъ бы для меня стыдъ, ежелибы предъ побѣдителемъ унизила себя любовію къ жизни. Почто мнѣ жить долѣе? Родитель мой былъ царемъ; Поликсена, составлявшая всю надежду своея матери, возрасцала въ царскихъ чертогахъ, при-

готовлялась къ знаменитому жребію, надѣялась, что нѣкогда цари съ ревностію взыщутъ моего супружества, я буду украшеніемъ царскаго дома, и въ сіи славные и благополучные дни даже самая участь боговъ, кромѣ ихъ безсмертія, была для меня незавидна. Но нынѣ я раба! Сіе толико безчестное имя, сіе единое имя содѣлываетъ для меня жизнь несносною. Можетъ быть, къ величайшему моему злополучію, какой-либо жестокій Господинъ, цѣною злата получивъ сестру Гекторову, опредѣлитъ къ подлѣйшимъ и токмо рукамъ наемниковъ приличнымъ работамъ; можетъ быть какойлибо подлый рабъ сдѣлаетъ женою своею ту, которая готовилась быть царскою супругою. Нѣтъ, я лучше согласшусь вкусить смерть, нежели терпѣть толь несносное оскорбленіе; я сниду во гробъ, но сниду свободною, непосрамленною. Лишившемуся всякой надежды остается только смерть. Улиссъ, я слѣдую за тобою; не удерживай меня; а ты, любезнѣйшая мать, позволь мнѣ идти на жертву; позволь, чтобы дщерь твоя скорѣе возприяла смерть, нежели безчестіе. Знаю, никто изъ смертныхъ не можетъ избѣжать несчастія; чѣмъ менѣе его ожидаемъ, тѣмъ оно жесточѣе, несноснѣе; но кто согласится предать жизнь свою поношенію? Ахъ! безчестіе есть зло самое величайшее.

Гекуба.

„Дивлюсь твоему великодушію, но жребій „твой терзаетъ мое сердце. О Греки! отмщевая „смерть сына Пелеева, до какой крайности про„стираете вы несправедливый гнѣвъ вашъ? За пре„ступленіе Париса надлежитъ наказать его мать. „Одинъ Парисъ виновенъ, я носила его въ моей „утробѣ: пусть моею кровію обагрится Ахилле„лесова гребница! Улиссъ! вотъ грудь моя, рази ее.

Улиссъ.

Не ты, но Поликсена должна быть принесена въ жертву Ахиллу.

Гекуба.

Рази обѣихъ: моею и дщери моея кровію обагри жертвенникъ.

Улиссъ.

Ахилль требуетъ ея крови, а не твоей. Убійство не должно умножать убійствомъ. Ахъ! почто не можемъ мы спасти обѣихъ васъ!

Гекуба.

Я должна умереть вмѣстѣ съ нею.

Улиссъ.

Нѣтъ, ты должна исполнить только мое повелѣніе.

Гекуба.

Я не разлучуся съ нею.

Улиссъ.

Не попусти, чтобы дщерь твоя силою исторгнута была изъ твоихъ объятій.

Поликсена.

О Улиссъ, пощади мою родительницу, не умножай ея скорби. — А ты любезная мать, оставь

упорство; оно слабо противъ сильнаго побѣдителя. Не подвергай себя постыдному насилію. Не уже-ли пошерпишь, чтобы грубые и свирѣпые воины, насильственно удаляя тебя отъ моихъ взоровъ, нанесли оскорбленіе твоимъ лѣтамъ и твоему сану? Да не подвергнемся толь ужасному безчестію; простри ко мнѣ руку: позволь, да при концѣ дней моихъ найду утѣшеніе въ твоихъ объятіяхъ. Уже въ послѣдній разъ произношу дражайшее твое имя; уже въ послѣдній разъ взираю на лице свѣтоноснаго Феба. Проспи! живи, любезная родительница, а я .... я иду на смерть.

Гекуба.

Ахъ! и ты, единая дщерь, остававшаяся отъ многочисленныхъ чадъ моихъ, и ты меня оставляешь! а я обременная оковами несносную жизнь мою влачить буду!

Поликсена.

Что повелишь сказать Пріаму, и сыну твоему Гектору?

Гекуба.

Скажи имъ, что я злополучнѣйшая изъ всѣхъ женъ на свѣтѣ.

Поликсена.

О несчастная мать! Ахъ! великіе боги!

Гекуба.

О дражайшій залогъ бѣдственнаго союза!

Поликсена.

Просіи Кассандра, любезная моя сестра! и ты Полидоръ, возлюбленный братъ мой!

Гекуба.

Но живъ ли онъ? Чрезвычайныя несчастія, мною понесенныя, заставляютъ меня бояться всего отъ боговъ.

Поликсена.

Онъ живъ, онъ закроетъ твои очи; онъ конечно живъ; надежда сія меня ободряетъ. (*Улиссу*). Пойдемъ; покрой чело жертвы, но закольніе тобою ведомой. Улиссъ, сокрой отъ взоровъ моихъ родителиницу, и скорбь ее терзающую; я охотно иду на смерть, но на слезы ея не могу взирать равнодушно. Иди, и проч.

Повѣствованіе о смерти сей царевны краснорѣчіемъ своимъ нимало не уступаетъ чувствительности сего явленія. Не безполезно будетъ видѣть примѣръ, какимъ образомъ древніе трагики излагали сію часть драматическаго искуства. Ѳалтибій разсказываетъ о принесеніи Поликсены въ жертву; при семъ обрядѣ заступалъ онъ мѣсто провозвѣстника; онъ увѣдомляетъ о семъ Гекубу. Судя по нашимъ нравамъ, поступокъ сей былъ бы весьма неблагопристоенъ: мы конечно не могли бы позволить человѣку, имѣвшему участіе въ смерти до-

чери, разсказывать объ оной ея матери. Самое сіе извѣстіе подаетъ намъ ясное понятіе о чрезвычайной суровости нравовъ временъ, иройскими называемыхъ; суровость сія была плодомъ суевѣрія и умоизступленія, которыя сильно ожесточали душу и порождали ужасныя преступленія.

„Безчисленное множество юныхъ Грековъ „стекается на сіе жертвоприношеніе; окру„жаютъ несчастную царевну: они, по моему „повелѣнію должны были ей предшествовать, воз„ложить ее на жертвенникъ, приуготовить къ „смерти. Приходитъ Пирръ, беретъ невинную „и безгласную жертву, и собственными своими „руками ведетъ ее ко гробу Ахилла. Беретъ „златый сосудъ, наполняетъ его виномъ, и въ „честь родителю своему возливаетъ на гробницу. „Воинству именемъ его повелѣваетъ хранить „глубокое молчаніе. „О родитель мой! возопилъ „онъ потомъ, внемли моему гласу, почти мѣсто „сіе твоимъ присутствіемъ; благоволи возприять „сіи священные дары, приносящіе утѣшеніе мерт„вымъ. Воззри на сію кровь, въ жертву тебѣ „проливаемую: сія чистѣйшая дѣвическая кровь „принадлежитъ твоему праху. Ахиллъ! родитель „мой! внемли моленію моему; позволь, да кора„бли наши удалятся отъ стѣнъ Иліонскихъ. Бла„говоли, да не прикоснется имъ никакая жестокая „буря, да возвратятся въ отечество свое безбѣдно.“ „Рекъ, и всѣ Греки повторили его желанія: моль„бы наши даже до небесъ возносились. Страш„ный мечъ уже близсталъ въ рукахъ его; взорами „своими повелѣвалъ мнѣ взять дочь твою. „Оста„новишесь, сказала она, о побѣдители Трои! Вы „спѣшите соединить кровь мою съ кровію дра-

„жайшихъ родственниковъ; по крайней мѣрѣ не „оскорбляйте меня при послѣдней минутѣ: я „охотно иду на смерть; я сама преклоню главу „мою подъ убійственный мечъ. Да не коснется „рука ваша ко дщери царя Пріама. Поликсена, „приемля смерть, которую она презираетъ, не „хочетъ низойти въ адъ рабою.“ „Рекла: и ты„сяща гласовъ одобрили ея мужество; самъ Ага„мемнонъ удивился ея величію, низшелъ на ея „требованіе, повелѣлъ всѣмъ отдалиться. Полик„сена ожидаетъ его: снимаетъ и раздираетъ по„кровъ, служившій украшеніемъ ея дѣвства, и об„наживъ прекрасную грудь свою, падаетъ на ко„лѣна: „Пирръ, возопила она, Пирръ, рази, я ожи„даю смерти! Пирръ колеблется, не знаетъ, „что дѣлать. Жертва лежитъ у ногъ его; не„преодолимыя прелести и жалость останавливаютъ „его руку. Но Ахиллъ торжествуетъ. Сынъ его вон„заетъ мечъ въ грудь Поликсены, извлекаетъ его, и „дымящаяся кровь течетъ ручьями. Поликсена по„вергается бездыханна, и едва собираетъ оставшія„ся силы свои для того только, чтобы и при по„слѣднемъ паденіи соблюсти цѣломудріе (*): „умираетъ. Мгновеніе сіе поражаетъ всѣхъ Гре„ковъ. Ратники и Полководцы, бывъ приведены „въ состраданіе неслыханнымъ мужествомъ, не-

---

(*) Обстоятельство сіе, хотя весьма маловажное притаковомъ произшествіи, сообѣтствуетъ однакожъ нравамъ древнихъ народовъ. Примѣровъ сему находится множество какъ въ Греческихъ, такъ и въ Латинскихъ писателяхъ; Фонтенъ описывая смерть Тисбы, изъясняетъ сію мысль слѣдующихъ образомъ:

Elle dit, et tombant range ses vêtemens,
Dernier trait de pudeur à ses derniers momens.

„счастнымъ ея жребіемъ, воздали достойную честь „закланной ими жертвѣ. Сами сооружаютъ ей „костеръ, чествуютъ дарами, украшаютъ цвѣ- „точными вѣнками, каждый изъ нихъ присвояетъ „себѣ право возложить тѣло ея на костеръ: и въ „то самое время, когда воздаютъ ей по́чести по- „гребенія, я слышу стонъ и неутѣшныя слезы ея „матери.“

Расинъ предувѣдомляетъ, что трагедію его *Андромаху* одно только сходство въ названіи заставило почитать одинаковою съ трагедіею Эврепида. „Хотя трагедія моя, „говоритъ онъ, имѣетъ одно названіе съ Эв- „рипидовою трагедіею; однакожъ содержаніе „въ нихъ совершенно различно. У Эврипида „Андромаха отрашится, чтобы Молоссъ, сынъ „ея отъ Пирра, не лишился жизни, и Герміона „желаетъ умереть вмѣстѣ съ своею матерью. „Но въ моей трагедіи о Молоссѣ ничего не „упоминается. Андромаха признаетъ супру- „гомъ своимъ одного только Гектора, а сы- „номъ одного Астіанакса. Въ такомъ случаѣ „я не хо́тѣлъ уклоняться отъ принятаго „нами мнѣнія о сей княгинѣ. Андромаху „всѣ почитаютъ супругою Гектора, и ма́- „терью Астіанакса. Никто и не подумаетъ, „чтобы ей надлежало любить инаго мужа, „или инаго сына. Не вѣрю, чтобы слезы Ан- „дромахи могли въ зрителяхъ моихъ произ- „весть какоелибо состраданіе, естьлибы она „оплакивала другаго сына, а не того, кото- „раго имѣла отъ Гектора.“

Замѣчанія сіи служатъ доказательствомъ, что Расинъ чувствовалъ необходимую

нужду сообразоваться въ театральныхъ сочиненіяхъ со мнѣніями, вообще отъ всѣхъ принятыми, и основывать всю привлекательность творенія единственно на разположеніи зрителей.

Роля Андромахи въ Еврипидѣ весьма прекрасна. Простота чувствованій и выраженія нѣжной матери, смѣшеніе скорби и величественной души могли доставить краски, которыя употребилъ онъ такъ, какъ великій искусникъ. Трагедія сія не имѣетъ въ себѣ неумѣстнаго пролога, каковые находятся въ другихъ. Сіе-то самое придаетъ ей великое достоинство; но она, такъ какъ и многія другія творенія сего же писателя, неизъята главной погрѣшности, т. е. неприличныхъ вводныхъ произшествій, составляющихъ какъ бы второе дѣйствованіе или содержаніе трагедіи, и совершенно изтребляетъ занимательность зрителей при самомъ ея началѣ. Дѣйствіе происходитъ во Фтіи, во владѣніяхъ Пирра сына Ахиллесова. Онъ въ отсутствіи, а супруга его Герміона, вспомоществуемая отцемъ ея Менелаемъ, возпользовалась симъ отсутствіемъ, и осуждаетъ на смерть соперницу свою Андромаху и юнаго Молосса, котораго сія Троянская плѣнница имѣла отъ Пирра. Мать и сынъ ея прибѣгли къ жертвенникамъ Θетиды; таковоежъ театральное положеніе уже видѣли мы въ трагедіи: *Неистовый Геркулесъ*. Герміона, не имѣвшая дѣтей отъ Пирра, терзается лютѣйшею ревностію и надменностію, каковую внушаетъ

въ нее родъ и санъ ея. Не можетъ снести, чтобы чужестранка, плѣнница похитила у нея сердце ея супруга, и чтобы Молоссъ, сынъ Андромахи, содѣлался наслѣдникомъ сына Ахиллесова. Ея прѣніе съ Андромахою, которая защищаетъ себя сильно и величественно, есть довольно театральное, хотя находятся въ немъ многія выраженія, несходныя съ нашими нравами. Напротивъ того продолжительный споръ защищающаго внуку свою престарѣлаго Пелея съ Менелаемъ, принявшаго сторону дочери своей Герміоны, совершенно излишенъ, и не возбуждаетъ нималѣйшаго въ зрителѣ вниманія. Храбрость старика предъ героемъ, оскорбленія, угрозы его неприличны ни его лѣтамъ, ни обстоятельствамъ. Ему надлежало бы говорить умѣренно, благоразумно, съ отеческою чувствительностію; ибо сіи взаимныя ругательства не производятъ ничего хорошаго, и никогда неприличны театру. Равнымъ образомъ внезапная и невѣроятная перемѣна положенія дѣйствующихъ лицъ есть противна правиламъ драматическаго искуства.

Зритель, занявшись въ продолженіе трехъ дѣйствій угрожающею опасностію Андромахѣ и ея сыну, можетъ ли ожидать, что въ четвертомъ дѣйствіи объ нихъ ничего не говорится; но вдругъ является та самая Герміона, которая недавно была столь горда и страшна, теперь объятая страхомъ, погруженная въ отчаяніе, терзаетъ на себѣ власы и раздираетъ свою одежду: почемуже? потому что

спрашится Пирра, который, по возвращеніи своемъ, накажетъ ее за оказанное ею злодѣяніе. Но о возвращеніи супруга ея не говорится ниодного слова, и не видно, по какой бы причинѣ она не могла бояться его прежде. Зритель неохотно взираетъ на таковыя погрѣшности, и подобныя обстоятельства совершенно противуположны правиламъ драматическаго искуства, которое непремѣнно требуетъ, чтобы сочинитель прямо шелъ къ предположенной цѣли. Зритель лишь только теперь безпокоился о бѣдственной участи Андромахи, какъ вдругъ является предъ нимъ Герміона, желающая лишить себя жизни; она говоритъ только о кинжалахъ, о ядѣ, и не прежде успокоивается, какъ по прибытіи Ореста, къ которому зритель столь же мало былъ приготовленъ, какъ и ко всему предыдущему. Вводить въ четвертомъ дѣйствіи лице, о которомъ не сказано было доселѣ ниединаго слова, нимало не принадлежащее къ настоящему дѣйствованію, и начинающее новое, есть также весьма гажная ошибка. Орестъ влюбленъ въ Герміону; но сія любовь, какъ уже мы видѣли въ нѣкоторыхъ другихъ Греческихъ трагедіяхъ, есть какъ бы уже дѣло извѣстное, а нестрасть, въ которой любящіеся лишь только начинаютъ изъясняться. Орестъ желаетъ воспользоваться отсутствіемъ Пирра и похитить Герміону. Сія царица въ чрезвычайной радости, что нашла въ Орестѣ защитника, повергается къ его ногамъ; таковый поступокъ при настоящихъ обстоятельствахъ

совершенно противенъ всякой благопристойности. Опасность была еще не столь велика, чтобы она могла забыть свое достоинство, долгъ и полъ свой. Орестъ беретъ ее подъ свою защиту: Герміона обѣщаетъ слѣдовать за нимъ повсюду. Онъ объявляетъ ей свое намѣреніе ѣхать въ Дельфы, и убить тамъ Пирра; а жена Пиррова молчитъ, и уходитъ съ тѣмъ, который готовится лишить жизни ея супруга. Чѣмъ можно извинить столь ужасное нарушеніе своихъ обязанностей, къ которому понуждаетъ опасность сомнительная, отдаленная, и только на догадкахъ основанная? На какомъ нынѣшнемъ театрѣ можно показать таковый поступокъ Герміоны? И естьли представимъ себѣ, что при концѣ трагедіи не возприяла она достойнаго наказанія, то какъ можно согласиться съ Брюмуа, будто бы Греческій театръ имѣлъ еще и то преимущество, что нравственность соблюдена въ немъ гораздо больше, нежели въ новѣйшемъ?

Въ пятомъ дѣйствіи, присланный изъ Дельфовъ увѣдомляетъ Пелея, что Орестъ убилъ Пирра; и послѣ продолжительнаго повѣствованія приносится на театръ тѣло сего царя. Здѣсь, въ чемъ признается и самъ Брюмуа, сочинитель трагедіи поступилъ противъ вѣроятности, ибо Орестъ не имѣлъ еще времени съѣздить въ Дельфы. Къ утѣшенію Пелея не достаетъ только прибытія Ѳетиды; все сіе множество чудесныхъ и безполезныхъ средствъ, всѣ сіи погрѣшности противъ

единства дѣйствованія, времени и мѣста, противъ правилъ благопристойности, нравственности и здраваго разсудка, показались бы почти невѣроятными въ такомъ писателѣ, который въ другихъ своихъ твореніяхъ умѣлъ оказать особенное искуство, ежелибы исторія Французскаго театра не представляла намъ почти таковыхъ же противурѣчій и несообразностей, и естьли бы неизвѣстна была сія истинна, что знать правила гораздо легче, нежели наблюдать оныя.

Главное содержаніе трагедіи *Альцеста* не подвержена толь многимъ и важнымъ погрѣшностямъ, и кажется, что она, по содержащейся въ ней нравственности можетъ почесться совершенно противною предъидущей трагедіи: ибо героиня оныя есть образецъ супружеской любви, напротивъ того Герміона служитъ примѣромъ разпутства. Увѣряютъ, что Расинъ содержаніе сіе почиталъ прекраснымъ, и даже приступилъ бы къ сочиненію трагедіи, естьли бы возможно было найши развязку оной, нынѣшнему театру приличную. Нельзя изчислить всего того, что могъ бы сдѣлать человѣкъ столь свѣдущій въ своемъ искуствѣ, каковъ былъ творецъ *Говоліи*; но утвердительно сказать можно, что при сочиненіи помянутой трагедіи ему надлежало бы преодолѣть величайшія трудности. Правда, героическое пожертвованіе Альцесты имѣетъ въ себѣ много вниманія достойнаго; но оно представляетъ одно и тоже положеніе. Тутъ предстоитъ только одинъ тра-

гическій случай, по крайней мѣрѣ для новѣйшихъ трагиковъ, т. е. оставить Адмета въ невѣдѣніи о великодушномъ намѣреніи его супруги; и коль скоро онъ узнаетъ объ ономъ, то трагедія должна тѣмъ кончиться: ибо таковая борьба не можетъ быть продолжительна. Впрочемъ такой стихотворецъ, которой умѣлъ составить пять дѣйствій изъ прощанія Тита съ Беренисою, могъ бы показать таковоеже искуство и въ *Альцестѣ*; но нѣтъ никакого средства окончить сію трагедію естественнымъ и вѣроятнымъ образомъ. По видимому, сіе-то обстоятельство отвлекло Расина отъ его намѣренія, и содержаніе сіе предоставлено оперѣ. Однакожъ таковое неудобство не устрашило прочихъ писателей Французскихъ, напримѣръ Лагранжъ не столь много затруднился, какъ Расинъ. Геркулеса, влюбленнаго въ Альцесту, заставилъ онъ вывесть ее изъ ада; хотя бы развязка сія была и простительна, однакожъ сочиненіе сіе, по всѣмъ обстоятельствамъ, почитается несноснымъ. Трагедія Кинольта есть одно изъ слабѣйшихъ твореній сего писателя; она наполнено излишними произшествіями и эпизодами; читатель съ крайнимъ неудовольствіемъ видитъ въ ней смѣсь важнаго съ низкимъ, комическаго съ трагическимъ, смѣсь, къ несчастію словесности, бывшая тогда въ употребленіи, и которой избѣгнулъ онъ въ лучшихъ своихъ сочиненіяхъ; впрочемъ роля Геркулесова и развязка имѣютъ въ себѣ благородство и сильное дѣйствіе.

Всего непріятнѣе въ Эврипидовой *Альцестѣ* грубый и отвратительный споръ Адмета съ престарѣлымъ отцемъ своимъ Ферсомъ. Сынъ упрекаетъ отца, что за него не пожертвовалъ онъ своею жизнію, и сіе нелѣпое и неблагопристойное явленіе наполнено самыми ненавистными ругательствами. Брюмуа конечно сошлется на древніе нравы и скажетъ намъ, что въ древности поставляемо было какъ бы закономъ, или всѣми принятымъ предубѣжденіемъ, что старшій долженъ умереть вмѣсто младшаго. Но сіе несправедливо; гласъ природы, будучи сильнѣе всѣхъ предубѣжденій, вопіетъ непрестанно, что сынъ, оскорбляющій престарѣлаго своего отца и вмѣняющій ему въ преступленіе, что онъ не соглашается на то, чего дѣлать не обязанъ, есть человѣкъ несправедливый и жестокій. Гораздо легче извинить Еврипида въ ролѣ Адмета, соглашающагося, хотя и со всевозможнымъ прискорбіемъ, на смерть Лльцесты, поелику ему надлежало непремѣнно повиноваться прорицалищу боговъ: но мы покорность сію сочли бы подлою трусостію, и Адметъ не показался бы намъ достойнымъ поступка, каковый дѣлаетъ Альцеста для спасенія его жизни. Должно согласиться, что въ семъ случаѣ чувствованія наши гораздо нѣжнѣе, разборчивѣе и благороднѣе, нежели каковы были онѣ у Грековъ.

Намъ весьма бы непріятно было видѣть Геркулеса за столомъ, предающагося всѣмъ

увеселеніямъ пиршественнымъ въ то время, какъ весь Адметовъ домъ погруженъ былъ въ глубокую печаль; и все уваженіе, каковое древніе имѣли къ гостепріимству, не можетъ извинить сего нелѣпаго, неумѣстнаго и неблагопристойнаго поступка; напротивъ того каждый читатель слышитъ гласъ самой природы и нѣжнѣйшей любви въ прощаніи умирающей Альцесты съ своимъ супругомъ (*).

Любезный Адметъ, уже послѣдняя минута моей жизни приближается. Виждь содѣянное мною изъ любви къ моему супругу. Для сохраненія жизни твоей я съ радостію вкушаю смерть; меня единая любовь къ тому приводитъ. Будучи еще въ юныхъ лѣтахъ и царицею, я могла бы по кончинѣ твоей вступить въ новое супружество; но я не хотѣла прежить дней твоихъ, и облеченная въ печальную одежду воспитывать осиротѣвшихъ чадъ твоихъ. Жизнь моя по желанію моему угасаетъ на самой зарѣ своей. Твоимъ родителямъ надлежало бы жертвовать своею жизнію для сохраненія твоей жизни: ты единъ составляешь ихъ благополучіе: достигнувъ глубокой старости, они не могутъ уже имѣть другаго сына, и естьли бы они

(*) Cher Admete, je touche à mon heure suprême.
Voyez ce que j'ai fait pour un époux que j'aime.
Pour vous sauver le jour, je me livre à la mort,
Et ma seule tendresse a voulu cet effort.
Je pouvais, jeune encore et veuve couronnée,
Aspirer aux liens d'un nouvel hyménée.
Mais je ne pas voulu survivre à vos destins,
Pour nourrir dans le deuil des enfans orphelins
Ma vie est par mon choix étéinte à son aurore.
Vos parens à leur fils se devaint plus encore :
Vous etiez leur seul bien : par l'âge appesantis,
Ils n'avaient pas le droit d'éspérer d'autre fils,

о твоемъ благоденствіи пеклися, тогда не лишился бы ты ни супруги, ни жизни. Но они измѣнили тебѣ: такъ угодно было богамъ; ты будешь оплакивать смерть твоей супруги: дѣти мои лишаются матери. Адметъ внемли моей прозьбѣ: за мои благодѣянія не требую равной жертвы, мною нынѣ приносимой? Какое благо замѣнить можетъ жизнь? Но естьли память моя драгоцѣнна Адмету, естьли дѣти мои ему любезны, да не взыдетъ никогда на ложе мое другая супруга, которая повелѣвая дѣтьми моими, какъ мачиха, оскорблять будетъ дражайшій плодъ любви нашей. Уже довольно извѣстна неумолимая ненависть мачихи. О Адметъ, любезный супругъ мой, не введи тиранна въ сіи чертоги. Опасность, угрожающая сыну моему не столь велика: его полъ служитъ ему защитою: подъ надзоромъ отца своего онъ возрастать будетъ: но дщерь, не-

---

Et si votre bonheur eût fait leur seule envie
Vous pouviez conserver votre épouse et la vie.
Mais il vous ont trahit: les dieux l'ont ordonné;
A pleurer mon trépas vous étiez desiné.
Le ciel à mes enfans veut ravir une mere.
O vous pour qui je meurs, écoutez ma priere.
Je ne demande pas, pour prix de mes bienfaits,
Un sacrifice égal à celui que je fais.
Et quel bien après tout pourrait valoir la ciel?
Mais si de mon époux ma mémoire est chérie,
S'il aime mes enfans, s'il se souvient de moi,
Ah! que jamais l'hymen, démentant votre foi,
Ne fasse dans mon lit entrer une autre épouse,
Qui regnant sur mon sang en marâtre jalouse,
Accablerait bientôt sous un joug odieux
De nos premiers amours les gages précieux.
On ne connâit que trop les haines implacables
D'un second hymenée effets inévitables.
Gardez dans ce palais d'introduire un tyran.
De mon fils, il est vrai, le péril est moins grand:

счастная дщерь моя, чѣмъ замѣнитъ потерю своей матери? ахъ, любезная дщерь! ежели когда-либо чуждая жена, въ сей домъ пришедшая, предастъ юность твою безчестію и презрѣнію, и лишитъ тебя счастливаго супружества! Ахъ ежели осуждена будешь къ работѣ, рабынямъ приличной, кто облегчитъ жестокое твое злополучіе, кто подастъ тебѣ помощь? Я умираю. Любезный Адметъ, исполни мое желаніе, запечатлѣй твоимъ обѣщаніемъ послѣднее наше прощаніе. Намъ должно разлучишься на вѣки: смерпь, угрожающая мнѣ, нетерпѣливо меня ожидаетъ. Простите любезныя дѣти, прости дражайшій супругъ мой! Живите, не забывайте, что Альцеста была нѣжнѣйшая супруга и мать.

Самыя правильныя трагедіи Эврипидовы суть обѣ *Ифигеніи въ Авлидѣ и въ Тавридѣ*. Первая изъ нихъ почитается самымъ

Son sexe est sa défense : il croîtra près d'un pere.
Mais à ma fille ici qui tiendra lieu de mere ?
Fille trop chere ! helas ! s'il fallait quelque jour
Qu'une femme étrangere osât dans cette cour
A la honte, au mépris dévouer ton enfance,
Et d'un hymen heureux te ravir l'espérance !
Si tu dois de Lucine éprouver les traveaux,
Qui sera près de toi pour adoucir tes maux,
Pour t'offrir les secours de l'amour maternelle ?
Je meurs. Ah ! par pitié pour moi-même et pour elle,
Admete, jurez-moi de souscrire à mes voeux ;
Joignez cette promesse à nos derniers adieux.
Il faut nous séparer : la mort qui me menace
N'admet point de délai, n'accorde point de grace.
Adieu, mes chers enfans, adieu, mon cher époux.
Vous qui je tant aimé, vivez : souvenez-vous,
Qu' Alceste à cet amour appartint toute entiere,
Fut la plus tendre épouse, et la plus tendre mere.

превозходнымъ твореніемъ и одною изъ древнихъ трагедій, въ которой искусство театральное доведено до высочайшей степени совершенства. Въ ней не видно ниодной изъ тѣхъ погрѣшностей, каковыя весьма часто встрѣчаются въ Эврипидѣ: онѣ напротивъ того замѣнены всѣми красотами, содержанію и самой трагедіи свойственными; въ ней соблюдены единство дѣйствованія и привлекательности, отъ которой зритель ни на минуту не уклоняется; прекрасное изложеніе, точное изображеніе свойствъ, истина въ разговорѣ, малое уклоненіе отъ приспойности, жалостныя положенія, краснорѣчіе истинно драматическое, наконецъ постепенное увеличеніе вниманія зрителей, которое съ каждымъ явленіемъ до самой развязки болѣе и болѣе возрастаетъ; вотъ причины, заставлявшія во всѣ времена превозносить похвалами сіе твореніе, которое послужило образцемъ одному знаменитѣйшему Французскому трагику, и которому, можетъ быть, одинъ только Расинъ могъ придать болѣе красоты и совершенства.

Изключая одну только ролю Эрифилы, весьма искусно въ Французской трагедіи помѣщенную и замѣняющую развязку, каковую баснословіе доставило Эврипиду, Расинъ во всемъ прочемъ послѣдовалъ ему съ великою точностію, да и какую жъ бо́льшую похвалу сдѣлать можно Эврипиду? Изложеніе, могущее служить образцемъ, борьба природы съ честолюбіемъ, составляющая сущность Ага-

мемнонова свойства, радость, которую показываетъ онъ, увидѣвъ мапь и дочь, долженствующую быть весьма мучительною для родительскаго сердца, простосердечный и трогательный разговоръ между Агамемнономъ и Ифигеніею, ужасное извѣстіе, принесенное Аркасомъ: *онъ ожидаетъ ее во храмъ для принесенія въ жертву*, выдуманный бракъ Ахиллесса, отчаяніе Клитемнестры, повергшейся къ ногамъ единаго оставшагося при дочери ея защитника, благородное негодованіе юнаго героя, коего имя оскорблено жестокимъ образомъ, сильная материя любовь, являющаяся въ Клитемнестрѣ, защищающей дочь свою отъ безчеловѣчнаго супруга, кроткая покорность невинной жертвы и наконецъ самыя умилительныя прозьбы Ифигеніи къ отцу своему; — всѣ сіи красоты, заставляющія зрителей проливать слезы во Французскомъ театрѣ, принадлежатъ театру Аѳинскому, принадлежатъ Эврипиду, и ежели бы онъ не имѣлъ другаго достоинства, то и сими одними красотами довольно заслуживаетъ нашу къ себѣ благодарность и уваженіе.

Ахиллесъ Эврипидовъ гораздо умѣреннѣе, и болѣе имѣетъ надъ собою власти, нежели Расиновъ, и слѣдовательно менѣе приличенъ трагедіи. Съ Ѳессалійцами своими приходитъ онъ, такъ какъ и во Французской трагедіи, защищать Ифигенію; онъ опровергаетъ предпріятое ею намѣреніе умереть; но не съ тою сильною запальчивостію, каковую при-

даетъ ему Расинъ, не съ тѣмъ непреодолимымъ насиліемъ, которое готово низпровергнуть все, и которое весьма прилично любовнику, герою. Тутъ Ахиллесъ нѣкоторымъ образомъ соглашается съ желаніемъ Ифигеніи; онъ только представляетъ ей, что при воззрѣніи на приближающуюся смерть она можетъ отмѣнить свое намѣреніе, и что онъ съ воинами своими, стоя при жертвенникѣ, готовъ будетъ подать ей помощь и спасеніе.

Симъ я нимало не упрекаю Эврипида: въ трагедіи его Ахиллессу больше сего дѣлать было нѣчего; онъ не былъ влюбленъ; дѣвица, которую онъ защищаетъ, не супруга ему. Ифигенія опредѣляетъ себя въ жертву, и Ахиллессъ, слѣдуя нравамъ своего отечества, долженъ былъ до нѣкоторой степени уважать толь благочестивый подвигъ. Но, впрочемъ нимало не охуждая Эврипида, съ удовольствіемъ вижу въ Расинѣ пылкаго Ахиллесса, который насильственнымъ образомъ и вопреки желанію самой Ифигеніи стремится спасти сію царевну.

Расина упрекали за умоизступленіе Клитемнестры, почитая оное маловажною и постороннею причиною, на которой основалъ онъ свою трагедію. Сей небольшой погрѣшности, естьли она въ самомъ дѣлѣ есть такова, нѣтъ въ трагедіи Греческой; но оная замѣнена такою погрѣшностію, которая, по крайней мѣрѣ у насъ, была бы

менѣе извинительна: оная состоитъ въ томъ, что Менелай, сумнѣваясь въ твердости своего брата, насильно вырываетъ у одного Агамемнонова чиновника несомое имъ письмо Поступокъ сей показался бы намъ малоприличнымъ достоинству Менелая: сверхъ сего не было никакой нужды вводить въ трагедію сего государя, виновника всѣхъ злополучій, составляющихъ содержаніе и сущность сей трагедіи. Въ наши времена произвели бы крайнее неудовольствіе грубые упреки, дѣлаемые Агамемнону за то, что онъ весьма справедливо противился принесенію дочери своей въ жертву мщенію своего брата. Менелай находитъ въ дѣлѣ семъ великую для себя выгоду, и потому имѣетъ право защищать его всѣми силами. Можетъ быть, одно только сіе обстоятельство составляетъ важную погрѣшность въ *Ифигеніи* у Эврипида: Расинъ поправилъ оную. На мѣсто Менелая ввелъ онъ Улисса, который, поелику печется только о пользѣ всѣхъ Грековъ, имѣетъ болѣе права упрекать Агамемнона въ упорствѣ; а сія благоразумная перемѣна служитъ новымъ доказательствомъ превосходнаго и разборчиваго ума Расинова.

Онъ также придалъ бо́льшую силу ролѣ Клитемнестры, и заставилъ ее гораздо долѣе противиться принесенію Ифигеніи на жертву. Въ Эврипидѣ она, подобно Ахиллесу, наконецъ съ прискорбіемъ уступаетъ предпринятому дщерію ея намѣренію; слушаетъ послѣднія прощанія юной княжны съ

ея подругами, и не препятствуетъ ей идти къ жертвеннику. Можетъ статься, что Греческіе нравы не позволяли ему сдѣлать иначе; но для насъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и приличнѣе кажется, чтобы она уступила одной только непреодолимой силѣ, и оставалася бы на театрѣ по тому, что удержана на ономъ воинами.

Содержаніе трагедіи *Ифигенія въ Тавридѣ* хотя и совершенно трагическое, однакожъ не столь привлекательно и не столь сильно дѣйствуетъ на зрителей, какъ *Ифигенія* выше нами помянутая. Не должно судить объ ней по трагедіи Гимонда де ла Туша. Хотя онъ и подражалъ благоразумной простотѣ Греческой трагедіи, однакожъ самыя лучшія мѣста его сочиненія суть тѣ, гдѣ изображаетъ онъ дружество Ореста съ Пиладомъ, и ту борьбу, которая третіе его дѣйствіе дѣлаетъ самымъ превозходнымъ и приличнѣйшимъ театру: въ Эврипидѣ борьба сія означается слегка. Пиладъ довольно скоро уступаетъ желанію Ореста по тому, что онъ надѣется спасти его: и надежда сія у Эврипида основана на бо́льшемъ вѣроятіи, нежели во Французской трагедіи. Въ Тавриду прибыли они благополучно, не претерпѣвъ на пути своемъ никакой бури; на театрѣ являются въ самомъ началѣ трагедіи, разсматриваютъ храмъ, изъ коего хотятъ они похитить истуканъ.

Для удобнѣйшаго исполненія предпріятаго ими намѣренія они имѣютъ у берега

готовый корабль. Впрочемъ опасность ихъ не столь велика, какъ въ нашей *Ифигеніи*. Ѳоасъ не спѣшитъ жертвоприношеніемъ; онъ является на театръ въ пятомъ дѣйствіи, и обманутъ жрицею, на которую онъ не имѣлъ нималѣйшаго подозрѣнія, и которая, согласясь съ Греками, похищаетъ истуканъ и относитъ его на ихъ корабль. Ѳоасъ хочетъ искать похитителей, является Минерва и запрещаетъ ему сіе дѣлать. Что касается до благодарности, то оная оказывается весьма просто: Ифигенія при братѣ своемъ вручаетъ Пиладу письмо, и проситъ его доставить Оресту. *Орестъ*, говоритъ Пиладъ, *прими письмо сестры твоей*. Въ нынѣшнія времена требуется, чтобы благодарность дѣлаема была постепенно и съ бо́льшимъ искуствомъ.

Циклопъ Эврипидовъ не есть трагедія, и только подаетъ намъ нѣкоторое понятіе о сочиненіи, бывшемъ въ употребленіи у древнихъ народовъ и называвшемся *Сатирическою драмою*. Названіе сіе дано ему не потому, чтобы оно сходствовало съ настоящею *сатирою*, но по тому, что Сатиры, или чудовища, имѣвшія козлиныя ноги, были въ оной главными и нужнѣйшими дѣйствующими лицами: таковыя драмы подходили къ началу древней трагедіи, когда оная была еще не иное что, какъ игрище, представляемое на театрѣ Ѳесписа во время народныхъ Вакховыхъ празднествъ. Изъ *Циклопа*, единаго дошедшаго до насъ сочиненія сего рода,

видно, что оно было смѣшеніе важнаго, шуточнаго, страннаго и чудообразнаго, и служило забавою черни. Сіи шуточныя игрища нравились народу весьма много: ибо они составляли часть праздничныхъ увеселеній, и даже самые знаменитые трагики, начиная отъ Эврипида и Софокла, не ставили себѣ въ стыдъ заниматься сими уродливыми и нелѣпыми сочиненіями. Изъ сего видно, что въ Аѳинахъ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, потребны были зрѣлища двоякаго рода, одинъ для простаго народа, а другія для людей просвѣщенныхъ. Содержаніе *Циклопа* взято изъ произшествія, случившагося съ Улиссомъ въ пещерѣ Полифема, какъ объ ономъ повѣствуетъ Гомеръ въ Одиссеѣ. Брюмуа все сіе сочиненіе перевелъ на языкъ Французской.

Итакъ мы разсмотрѣли всѣ сочиненія, оставшіяся намъ послѣ двухъ великихъ учителей Греческаго театра. Мы видѣли, что послѣдній изъ нихъ, Эврипидъ, написалъ много такихъ трагедій, которыя весьма мало соотвѣтствуютъ славѣ своего сочинителя. Но роли Андромахи въ трагедіи сегоже имени, также роли Альцесты, Медеи, многія явленія въ трагедіи *Троянки*, три первыя дѣйствія *Гекубы*, объ его *Ифигеніи*, а особливо та, которую Расинъ присвоилъ Французскому театру, суть памятники рѣдкаго дарованія, и доказываютъ, что какъ древніе, такъ и новѣйшіе любословы хвалили его весьма справедливо. Аристотель почитаетъ его

первымъ изъ трагическихъ стихотворцевъ: но какъ бо́льшая часть его твореній потеряна, то мы и не можемъ судить, справедливо ли онъ приписываетъ ему сіе названіе. Впрочемъ надобно признаться, что въ трагедіяхъ его, до сихъ временъ сохраняющихся, находятся прекрасныя и самыя чувствительныя явленія Греческаго театра. Онъ наиначе превозходенъ былъ въ изображеніяхъ жалостныхъ; въ семъ случаѣ онъ можетъ спорить о преимуществѣ, каковое имѣетъ предъ нимъ Софоклъ; въ семъ случаѣ онъ раздѣлялъ съ нимъ похвалы, хотя впрочемъ бо́льшая часть словесниковъ, по видимому, отдавали пальму сему послѣднему. Горацій называетъ его *великимъ Софокломъ*; Виргилій говоритъ о немъ съ возхищеніемъ. Извѣстно, что онъ не имѣетъ ниодного изъ недостатковъ Эврипидовыхъ: въ немъ не видно ни двоякаго дѣйствованія, ни холодныхъ и безполезныхъ прологовъ, ни чудеснаго некъ стати употребленнаго, ни излишнихъ вводныхъ произшествій, ни неправдоподобій, ни многихъ погрѣшностей противу истинны, ни холодныхъ изрѣченій, ни странныхъ сужденій противу женщинъ, ни продолжительныхъ и грубыхъ прѣній, каковыми наполнены бо́льшая часть трагедій Эврипида. Изложенія его прекрасны, начертанія благоразумны: въ разговорахъ его видно благородство, живость и приличіе. Ходъ въ его трагедіяхъ не столько медлителенъ, въ явленіяхъ его мало находится безполезнаго. Слогъ стихотворческій и приличный драмѣ. Оный

ни столь много наполненъ словоизвитіями, какъ слогъ Эсхиловъ, ни столь простъ, какъ Эврипидовъ. Онъ исполненъ выраженій чувствительныхъ и жалостныхъ; языкъ природы и краснорѣчія, несчастіемъ внушаемаго, часто является у Эврипида въ высочайшемъ степени совершенства.

Мы видѣли, что важные примѣры судьбы, мщенія боговъ, прорицалища, уничиженіе могущества, чрезмѣрность человѣческихъ (Фдействій суть главные и единственные предметы, на коихъ основана древняя трагедія. Наша трагедія, хотя имѣетъ пѣже основанія, но изображаетъ страсти гораздо съ бо́льшею силою и живостію. Сей подвигъ пѣмъ важнѣе, что вѣра наша не доставляетъ намъ такихъ театральныхъ пособій, каковые почерпали древніе трагики изъ своей религіи, и что состраданіе, производимое зрѣлищемъ страстей несчастныхъ, бываетъ гораздо сильнѣе, многообразнѣе и обширнѣе, нежели раждающееся отъ зрѣлища неизбѣжныхъ и чрезвычайныхъ злополучій, которыя обремепять могутъ только небольшое число людей. Немногіе подвергнуться могутъ участи Эдипа и Электры; но каждый можетъ быть несчастливъ отъ собственныхъ своихъ страстей, мучимъ своею чувствительностію. Итакъ мы далеко разпространили драматическое искусство, оставленное намъ древними. Наша драматическая система гораздо обширнѣе, нежели ихъ; и служитъ източникомъ многихъ совершенно

новыхъ красотъ, о которыхъ древніе не имѣли никакого понятія. Впрочемъ, хотя мы гораздо лучше умѣемъ сочинять драмы, хотя мы почти изобрѣли сіе искуство, состоящее въ связномъ представленіи каколибо любопытнаго произшествія, въ содержаніи зрителя между надеждою и страхомъ, хотя ввели болѣе разнообразія въ предметахъ нашихъ трагедій и гораздо бо́льшее искуство въ образѣ сочиненія оныхъ, наконецъ хотя мы обогащены бо́льшими познаніями, нежели древніе; однакожъ было бы весьма несправедливо думать, что они ничему насъ не научили. Природу изображаютъ они живо и въ настоящемъ ея видѣ: станемъ учиться у нихъ сей драгоцѣнной истинѣ, яко основанію всѣхъ искуствъ подражанія, которую и самые пріобрѣтенные нами успѣхи отъ насъ сокрываютъ. Простота древнихъ можетъ служить наставленіемъ для нашей роскошной пышности; ибо названіе сіе весьма прилично нашимъ трагедіямъ, которыя мы иногда слишкомъ много украшаемъ. Наша надменная разборчивость, желая возвысить или облагородить все, удобно можетъ сокрыть отъ насъ красоты первобытной природы, которая никогда не потеряетъ своей силы надъ человѣкомъ. Въ семъ-то родѣ сочиненій Греки могутъ быть для насъ весьма полезны. Не должно конечно подражать имъ во всемъ; но что касается до изображенія чувствованій естественныхъ, то они въ превозходныхъ своихъ сочиненіяхъ подаютъ намъ лучшій и вѣрный тому образецъ.

Въ нихъ-то гласъ души, весьма любезный человѣку чувствительному, никогда ни принужденностію, ни лжемудрствованіемъ изкаженъ не былъ; словомъ сказать, въ сихъ сочиненіяхъ содержится все то искуство, въ которомъ древніе суть истинные наставники.

Прибавленіе

о трагедіи Латинской.

Латинскіе писатели все заимствовали отъ Грековъ, а мы заняли все отъ тѣхъ и другихъ. Трагедія извѣстна стала въ Римѣ непрежде, какъ во вторую Пуническую войну. Языкъ еще не былъ образованъ; Римляне съ завоеніемъ великой Греціи, а особливо Сициліи и Саракузъ, гдѣ Діонисіи и Гіероны привели въ цвѣтущее состояніе Греческую словесность, начали знакомиться съ изящными искуствами, и получили вкусъ къ поэзіи и краснорѣчію. Уже извѣстно, сколь великіе оказали они успѣхи, и съ какимъ преимуществомъ равнялись во многихъ родахъ словесности съ своими учителями. Акцій и Пакувій, современники Сципіоновъ, почитаются первыми Римскими трагиками, коихъ трагедіи, по приказанію Эдилей, представляемы были на Римскомъ театрѣ. До насъ дошли только однѣ названія ихъ сочиненій и нѣсколько несвязныхъ отрывковъ; однакожъ и онѣ ясно показываютъ, что Латинскіе писатели перенесли на театръ Римскій всѣ предметы, кои представляемы были на театрѣ Аѳинскомъ. Но Латинская трагедія была не столь счастлива, какъ эпопея; ибо она не имѣла Виргилія. Однакожъ въ цвѣтущія времена Рима занималися театральными сочиненіями мужи, по дарованіямъ своимъ весьма отличные. Извѣстно, что Овидій сочинилъ

трагедію *Медею*, а Кесарь *Эдипа*. Цицеронъ съ удовольствіемъ прелагалъ въ Латинскіе стихи многія изъ трагедій Еврипидовыхъ и Софокловыхъ, изъ коихъ нѣкоторые отрывки помѣщены въ его твореніяхъ; но цѣлыя трагедіи дошли до временъ нашихъ только тѣ, кои сочинены были Сенекою, и именно: *Неистовый Геркулесъ*, *Ѳіэстъ*, *Финикіане* или *Ѳиваида*, *Агамемнонъ*, *Ипполитъ*, *Эдипъ*, *Троянки*, *Геркулесъ на горѣ Этѣ*, *Медея*, и *Октавія*. Изключая сію послѣднюю, всѣ прочія не иное что, какъ подражаніе трагедіямъ Греческимъ. Самые искусные критики полагаютъ, что *Эдипъ*, *Ипполитъ*, *Медея* и *Троянки* сочинены философомъ Сенекою, коего нѣкоторые писатели желали отличить отъ Сенеки трагика: мнѣніе сіе подтверждается и многими древними свидѣтельствами, что Сенека стихотворецъ и витія былъ одинъ и тотъже человѣкъ. Думаютъ, что прочія шесть трагедій сочинены разными писателями, которые со временемъ издали свои трагедіи подъ именемъ писателя, коего имя было въ уваженіи, такъ какъ многіе комическіе сочинители издавали свои сочиненія подъ именемъ Плавта. Таковые подлоги не трудно было дѣлать въ такое время, когда не знали еще книгопечатанія. Извѣстно, что четыре трагедіи, приписываемыя Сенекѣ, почитаются лучшими, нежели прочія шесть; а послѣдняя трагедія, *Октавія*, должна быть сочинена послѣ царствованія Нерона, поелику содержаніе оныя составляютъ смерть его супруги и вступленіе Не-

рона въ бракъ съ Помпеею; она есть произведеніе какого - нибудь весьма худаго стихотворца, желавшаго сочинить сатиру на сего тиранна и издавшаго оную подъ именемъ одной изъ тѣхъ особъ, кои содѣлались жертвою его люотости. Впрочемъ всѣ сіи трагедіи, даже и тѣ, кои почитаются лучшими, служатъ доказательствомъ, что сочинитель оныхъ имѣлъ весьма малое познаніе въ театральномъ искуствѣ и въ слогѣ, приличномъ трагедіи. Онѣ состоятъ изъ самыхъ лучшихъ содержаній Эврипидовыхъ и Софокловыхъ трагедій, изъ коихъ многія мѣста переведены, но большею частію превращены въ длинныя деклáмаціи, весьма надутымъ слогомъ писанныя. Сухость, напыщенность, единообразіе, множество надутыхъ описаній, принужденныя противуположенія, въ реченіяхъ запутанная краткость, а въ мысляхъ несносная темнота, суть главнѣйшія свойства сихъ неискусныхъ подражаній, которыя служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, сколь сочинители оныхъ далеко отстали отъ своихъ образцевъ.

При всемъ томъ не должно думать, что трагедіи Сенекины не имѣютъ никакого достоинства. Въ нихъ находятся красоты, и проницательные люди, умѣющіе изъ всего извлекать пользу, не преминули замѣтить оныя. Въ нихъ увидѣли они сильныя и остроумныя мысли, выраженія отмѣнныя, и даже цѣлыя мѣста, истиннымъ краснорѣчіемъ украшенныя и понятія, приличныя театру. Расинъ

умѣлъ воспользоваться *Ипполитомъ*. Сочиненіе сіе есть самое лучшее изъ всѣхъ твореній Сенеки. Расинъ почерпнулъ изъ онаго главнѣйшія пособія, и въ разположеніи своей трагедіи держался болѣе Сенеки, нежели Еврипида. Ему-то подражалъ онъ въ явленіи, въ которомъ сама Федра открываетъ страсть свою Ипполиту; напротивъ того въ Эврипидѣ обѣявляетъ оную чрезъ свою кормилицу. Итакъ Лапинскій стихотворецъ имѣетъ сугубое преимущество предъ Расиномъ: первое, что избѣжалъ погрѣшности противъ благопристойности; второе, что отважился описать явленіе весьма трудное. Французскій стихотворецъ подражалъ ему въ обоихъ сихъ случаяхъ. Онъ емуже обязанъ вымысломъ, что мечъ Ипполита послужилъ доказательствомъ справедливости взведеннаго на него обвиненія, и что Федра въ концѣ трагедіи признается въ своемъ преступленіи и открываетъ невинность юнаго князя, ею оклеветаннаго, и сама себя наказываетъ смертію; сей вымыслъ гораздо приличнѣе и умнѣе, нежели клеветою наполненное письмо Федры, умертвившей себя въ трагедіи Греческой до прибытія Тезея. Наконецъ, (что доставляетъ величайшую славу Сенекѣ), Расинъ у него заимствовалъ то всѣми похваляемое открытіе въ любьви, которое почитается въ числѣ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ Французской Федры. Здѣсь прилагается переводъ, изъ котораго видѣть можно, чѣмъ Г. Расинъ одолженъ Сенекѣ, и что онъ самъ умѣлъ къ тому прибавить.

Федра жалуется на любовный пламень, внутренность ея пожирающій. Ипполитъ говоритъ ей: „Вижу, что любовь твоя къ „Тезею терзаетъ и приводитъ тебя въ из„ступленіе.“

Федра.

„Такъ, Ипполитъ, — такъ, я люблю Те„зея таковымъ, каковъ былъ онъ въ лѣтахъ „цвѣтущей юности, когда легкій пушокъ „едва показывался на его ланитахъ, когда „поразилъ онъ Критское чудовище, обитав„шее внутри излучистаго Лавиринѳа, и „когда единая нить служила ему путеводи„тельницею. Ахъ! какъ онъ былъ тогда „прекраснъ! Еще и теперь съ возхище„ніемъ воображаю себѣ повязку, которая главу „его украшала, на лицѣ его блисталъ тогда ру„мянецъ юности, служащій признакомъ тѣлес„ной крѣпости и красоты. Видъ его былъ по„добенъ виду Діаны, которой ты покланяеш„ся, или Солнца, коего почитаю моимъ пред„комъ, или, лучше сказать, онъ имѣлъ образъ „твоему подобный; такъ, тебѣ, — тебѣ онъ „былъ подобенъ, когда дщерь врага его воз„палилась къ нему любовію. Таковъ былъ „величественный взоръ его, такова была „поступь; но прелести, о которыхъ онъ не „брегъ, блистаютъ еще болѣе въ его сынѣ; „ты истый образъ твоего родителя, но „сверхъ того, ты заимствовалъ, не знаю, что„то суровое отъ матери твоей Амазонки, „смѣшивающее дикія прелести съ красотою, „Греческому лицу сродною. Ахъ! естьли

„бы ты явился тогда въ Критѣ, то сестра „моя никому, кромѣ тебя, не вручила бы „спасительной нити, и проч.“

Здѣсь оканчивается мѣсто изъ Сенекиной трагедіи, которому подражалъ Расинъ. Послѣ четырехъ стиховъ, Федра говоритъ уже прямо, откровенно, и объемлетъ колѣна Ипполитовы. Стихи Расиновы всякому извѣстны, и потому здѣсь повторять ихъ нѣтъ нималой нужды: напротивъ того можно привесть себѣ не память, что онъ къ мыслямъ Сенеки присовокупилъ многія собственныя свои мысли, а особливо, что онъ въ концѣ сего мѣста доводитъ слѣпую любовь Федры до такой степени, что страсть ея обнаруживаясь болѣе, походитъ на нѣкое умоизступленіе: таковое окончаніе гораздо приличнѣе для трагедіи, нежели каковое употребилъ Сенека, т. е. прямое признаніе въ любовной своей слабости, и заставилъ Федру сдѣлать поступокъ самый уничижительный.

Расинъ не одно сіе заимствовалъ у Сенеки. Многія другія мѣста показываютъ, что онъ читалъ его со вниманіемъ. Слѣдующіе стихи изъ трагедіи *Ифигенія*:

La Thessalie entiere ou vaincue ou calmée,
Lesbos même conquise en attendant l'armée.
De toute autre valeur éternels monumens,
No sont d'Achille oisif que les amusemens.

суть не иное что, какъ подражаніе одному мѣсту изъ трагедіи *Троянки*; изъ сего же

сочиненія заимствовалъ онъ нѣсколько прекраснѣйшихъ стиховъ, помѣщенныхъ въ ролѣ Пирра въ его *Андромахѣ*. Уже извѣстно, что весьма прославляемое въ Корнеліевой *Медеѣ* выраженіе *я*, также взято изъ Латинской *Медеи*. Кребильонъ многія прекрасныя и сильныя мысли, извлеченныя имъ изъ *Θіэста*, помѣстилъ въ своего *Атрея*. Въ трагедіи *Троянки* находится цѣлое весьма прекрасное явленіе, въ которомъ Агамемнонъ разговариваетъ съ Пирромъ: сей юный князь требуетъ, чтобы Поликсена принесена была въ жертву тѣни Ахиллеса, а верховный вождь Греческаго ополченія старается его отвратить отъ столь ужаснаго жертвоприношенія. Рѣчь Агамемнонова написана слогомъ, совершенной трагедіи приличнымъ.

Изъ сего же писателя многократно приводимы были въ примѣръ нравственныя изрѣченія, обратившія на себя вниманіе великою остротою, силою и краткостію выраженія и нѣкоторыя смѣлыя мысли Эпикуровой философіи, бывшей тогда у Римлянъ въ уваженіи, и коея правила преложены въ стихи Лукреціемъ, такъ что никто и не думалъ вмѣнить ему того въ преступленіе. Въ одномъ театральномъ сочиненіи Сенеки хоръ, представлявшій въ трагедіяхъ лице поучительное, пѣлъ сей стихъ:

Rien n'est apres la mort: la mort même n'est rien.

и слѣдующіе два стиха изъ его *Агриппины*, переведенные Сираномъ:

Une heure après ma mort, mon ame évanouie
Sera ce qu'elle était une heure avant ma vie.

Примѣры сіи неудивительны, естьли приведемъ себѣ на память, съ какою вольностію въ Римѣ думали и разсуждали тогда о сихъ предметахъ, и что законы требовали только того, чтобы богослуженіе наблюдаемо было съ должнымъ уваженіемъ. Весьма многія мѣста въ Эврипидѣ, въ которыхъ заставляетъ онъ дѣйствующія лица говорить слишкомъ свободно о богахъ, и отвергать всѣ вымышленныя объ нихъ басни, доказываютъ, что онъ выводилъ на театръ, иногда даже не кстати, философію Сократа, и что Греки всѣ баснословныя преданія, выводимыя ими на театръ, не почитали предметами, достойными ихъ уваженія. Таковое различіе, какъ весьма основательно замѣчаетъ Брюмуа, надлежитъ дѣлать съ великимъ тщаніемъ, кто желаетъ разсматривать и читать съ пользою древнихъ писателей.

Удачныя заимствованія изъ Сенеки служатъ доказательствомъ, что онъ былъ также и стихотворецъ, заслуживающій вниманіе и похвалу: но небольшая слава, приобрѣтенная имъ своими стихотвореніями и малое число читателей подтверждаютъ сію истинну всегда и весьма полезную для всѣхъ писателей, что красоты, только по нѣкоторымъ мѣстамъ сочиненій разсѣянныя, не доставляютъ имъ долговременной славы, и

что желающій обратить на себя вниманіе и уваженіе потомства, долженъ воздвигнуть твердые и временемъ несокрушаемые памятники.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О древней комедіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О комедіи Греческой.

Во первыхъ надлежитъ раздѣлить Греческую комедію на три эпохи. Первая, подходившая весьма близко къ зрѣлищу драматическому, употребляла великую вольность, и даже доводила оную до чрезмѣрности. Сочиненіе, называемое *древнею комедіею*, было не иное что, какъ сатира, въ видѣ разговора написанная. Она не скрывала именъ охуждаемыхъ лицъ, и предавала ихъ безъ всякой пощады всеобщему посмѣянію. Сей родъ драмы нигдѣ не могъ быть терпимъ, какъ токмо въ необузданномъ народномъ правленіи, каково было Аѳинское. Одна только чернь, безъ правилъ и воспитанія, можетъ покровительствовать и всенародно одобрять злословіе и клевету, потому что она сама не страшится оныхъ и не видитъ нималѣйшаго препятствія во вредномъ удовольствіи, каковое она вкушаетъ отъ жестокой и горькой сатиры сочинителей на все то, что возбуждаетъ въ ней ненависть и зависть. Таковыя сочиненія служатъ нѣкоторымъ родомъ мщенія, каковымъ простой народъ наказываетъ все, имѣющее предъ нимъ какое либо преимущество: ибо гражданское равен-

ство, основываясь единственно на равенствѣ правъ естественныхъ, не можетъ изтребить неравенства нравственнаго, общественнаго и физическаго, также самою природою утвержденнаго, и никакимъ образомъ не льзя тому статься, чтобы въ общежительствѣ бездѣльникъ имѣлъ одинаковую участь съ человѣкомъ честнымъ, и глупецъ равнялся съ человѣкомъ умнымъ.

Наконецъ правительство обратило вниманіе на сію нелѣпую вольность и уничтожило оную законами. Имена осмѣиваемыхъ особъ запрещено было упоминать на театрѣ. Но сочинители, не хотѣвъ лишиться удобнаго и надежнаго средства забавлять насмѣшливость народа, рѣшились представлять истинныя произшествія подъ вымышленными именами. Отъ сей слабой перемѣны сатира ничего не потеряла. Таковое состояніе комическаго театра было второю его эпохою, и сей-то родъ сочиненій назывался *среднею комедіею*. Новыя постановленія, правительствомъ изданныя, уничтожили оную. Комическимъ стихотворцамъ запрещено было не только писать комедіи прямо на чье либо лице, но даже и представлять на театрѣ произшествія истинныя, извѣстныя и на самомъ дѣлѣ случившіяся. Въ такихъ обстоятельствахъ стихотворцы прибѣгнули къ вымысламъ; и къ сей третьей эпохѣ относится произхожденіе настоящей комедіи; ибо всѣ предшествовавшія ей сего рода сочиненія не заслуживаютъ даже и

имени оной. Въ сей-то комедіи отличился Менандръ, который былъ у Грековъ и сочинителемъ и образцемъ, а у Сицилійцевъ Эпихармъ. Потомство сохранило имя Менандра, но время истребило его творенія. Мы не иначе можемъ судить о немъ, какъ токмо по сочиненіямъ Теренція, который ему подражалъ и заимствовалъ у него многія изъ своихъ комедій, коими обогатилъ онъ Римскій театръ.

Аристофанъ написалъ, какъ сказываютъ, пятьдесятъ четыре комедіи, изъ коихъ дошли до насъ одиннадцать, и совершенно принадлежатъ къ первой эпохѣ, т. е. къ *древней комедіи*. Эвполисъ, Кратинъ и Аристофанъ наиболѣе прочихъ прославились въ семъ родѣ стихотворства. Сочиненія ихъ были извѣстны Римлянамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Горацій. Онѣ не дошли до насъ, равно какъ и творенія писателей, упражнявшихся въ двухъ другихъ родахъ: извѣстно только, что оныхъ было великое множество. Нѣкоторая только часть Аристофановыхъ комедій избѣжали сей всеобщей погибели. О жизни Аристофана мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ родился въ Аѳинахъ, а потому, какъ свидѣтельствуютъ древніе писатели, сочиненія его писаны слогомъ *Аттическимъ*, т. е. чистымъ, плавнымъ, изящнымъ и красивымъ, каковый особенно былъ свойственъ Аѳинянамъ; такъ что самъ Платонъ, ученикъ Сократовъ, съ удовольствіемъ читалъ Аристофана. Въ семъ дѣлѣ можно смѣло положиться на мнѣніе Грековъ,

а особливо Платона, весьма справедливаго судіи въ произведеніяхъ словесности, и коего не льзя подозрѣвать, чтобы онъ сталъ пристрастно хвалить человѣка, бывшаго непримиримымъ врагомъ его учителя. Но оставя сіе почти для насъ потерянное достоинство, потому что пріятности обыкновеннаго разговора на языкахъ мертвыхъ и вышедшихъ изъ употребленія нынѣ малоощутительны, мы должны согласиться со мнѣніемъ Плутарха, который въ сравненіи своемъ Менандра съ Аристофаномъ изъясняется слѣдующимъ образомъ:

„Менандръ умѣетъ приноравливать слогъ „свой и выраженія ко всѣмъ ролямъ, не уда„ляясь отъ комическаго и не доводя онаго „до крайности. Онъ нимало не уклоняется „отъ природы, и нѣтъ возможности превзой„ти его въ оборотливости и гибкости его „выраженій. Можно сказать, что слогъ его все„гда самому себѣ равенъ и всегда разнообразенъ, „сколько того требуетъ нужда и приличіе; по„добно прозрачной водѣ, которая продолжая „теченіе свое между излучистыми брегами, „непрестанно извивается, но нисколько не „теряетъ своей чистоты и прозрачности. „Онъ пишетъ, какъ человѣкъ умный, какъ „человѣкъ, живущій въ хорошемъ обществѣ; „сочиненія его можно читать, представлять „на театрѣ, учить на память, онѣ будутъ „нравиться всегда и повсюду. Читая „его не льзя не убѣдиться, что онъ со„временниками своими по всей справедли„вости почитался за человѣка краснорѣчи-

„ваго, которой какъ въ разговорахъ, такъ
„и въ сочиненіяхъ своихъ сообщалъ мысли
„свои съ плѣнительною пріятностію.“

Таковая похвала заставляетъ насъ сожалѣть о совершенной потерѣ сочиненій сего писателя; и сіе Плутархово сужденіе подтверждаетъ также, что всѣ сіи превосходныя качества находятся въ Теренціи, который выбралъ Менандра единственнымъ своимъ образцемъ. Плутархъ совсѣмъ иное говоритъ объ Аристофанѣ. „Онъ, по мнѣ-
„нію его, преступаетъ предѣлы, природою
„положенные, говоритъ болѣе простому на-
„роду, нежели людямъ благовоспитаннымъ,
„слогъ его часто бываетъ несоот-
„вѣтственъ предметамъ, возвышенность его
„походитъ на надутость, простота на ни-
„зость, шутливость на глупость. Въ со-
„чиненіяхъ его не можно отличить сына
„отъ отца, городскаго жителя отъ земле-
„дѣльца, воина отъ мѣщанина, божка отъ
„слуги. Безстыдство его можетъ быть сно-
„сно одной только черни; острословіе его
„язвительно, злобно; шутки состоятъ
„изъ игры словъ, грубой двусмысленности,
„изъ запутанныхъ и неблагопристойныхъ
„намѣканій. Тонкость становится у него
„ядовитостію, откровенность глупостію;
„шутки его отвратительны, веселость его
„походитъ на безстыдство; словомъ ска-
„зать онъ писалъ не для того, чтобы нра-
„виться людямъ умнымъ и честнымъ, но что-
„быль стить зависти, злости и разпутству.“

Брюмуа почитаетъ сіе сужденіе весьма строгихъ, однакоже каждый читающій Аристофана согласится, что Плутархъ говоритъ правду. Критика сего не льзя похвалить только за то, что онъ не замѣтилъ достоинствъ, каковыя въ немъ, даже и при многочисленныхъ недостаткахъ, весьма примѣтны; онѣ показываютъ, почему сочинитель сей столь много нравился Аѳинянамъ. Признаюсь, весьма трудно подать о семъ ясное понятіе; ибо для совершеннаго разумѣнія Аристофановыхъ твореній, надлежитъ твердо помнить всѣ даже и самыя маловажныя произшествія, въ его время случившіяся, и знать главныя дѣйствовавшія въ Аѳинахъ лица. Но таковое познаніе будетъ всегда несовершенно по причинѣ отдаленности времени, и потому находится великое множество выраженій, коихъ смыслъ и причина намъ неизвѣстны. Впрочемъ искусные въ языкѣ Греческомъ словесники нѣсколько выразумѣли Аристофана, и увидѣли его дарованія: но сія самая трудность уже довольно показываетъ, чего въ немъ не доставало. Ибо, по чему сочиненія его для насъ темны, а напротивъ того комедіи Теренціевы читаемъ съ великою пріятностію, хотя познанія наши о Римѣ и Аѳинахъ одинаковы? По тому, что Аристофанъ описываетъ кого нибудь одного особенно, а Теренцій изображаетъ человѣка вообще; по тому, что комедіи, личной прямо противу кого написанныя, суть не иное что, какъ личныя или политическія сатиры, пародіи, иносказанія, касающіяся только до какого либо частнаго случая и до тогдашняго времени;

напротивъ того въ комедіяхъ другаго стихотворца описываются такія свойства, пороки, смѣшные поступки, страсти, которые хотя по наружности до извѣстной степени измѣняются, но въ основаніи своемъ остаются одинаковы во всякое время; по тому, что Аристофанъ былъ только сатирикъ, а Теренцій и Менандръ были настоящіе комики. Между ими есть такаяжъ разность, каковая находится между пересмѣшникомъ и комедіантомъ; одинъ умѣетъ только пересмѣхать, а другой подражать. Между двумя сими художниками великая находится разность. Пересмѣшникъ принимаетъ на себя личину; онъ можетъ васъ забавлять тогда только, когда вы знаете лице, которое онъ пересмѣхаетъ; а притомъ онъ не можетъ забавлять васъ долго; но тотъ, кто имѣетъ даръ подражать, представляетъ вамъ картину, могущую нравиться всегда, потому что образецъ ея есть сама природа, а судія цѣлый свѣтъ. Сравнимъ пересмѣшника съ такимъ человѣкомъ, который пишетъ портреты, хотя впрочемъ сравненіе сіе не слишкомъ близко, ибо между ими также находится великая разность. Буду ли я имѣть терпѣніе долго смотрѣть не портретъ человѣка, за сто лѣтъ умершаго, а особливо ежели портретъ сей походитъ на каррикатуру, на отвратительную образину? Конечно нѣтъ; но изображеніе, гдѣ я увижу свойства, положенія, душу, всегда возбудитъ во мнѣ какое либо вниманіе, хотя бы я не зналъ и ниодного изъ представленныхъ лицъ. Вотъ главное правило изящныхъ

наукѣ. Представимъ себѣ, что мы находимся въ Римскомъ театрѣ и смотримъ Теренціеву комедію. Въ самомъ началѣ мы видимъ выходящаго молодаго человѣка, колеблющагося, внѣ себя, разхаживающаго по театру весьма скоро: „что мнѣ дѣлать? идти, или „нейти? какъ! не ужели я никогда не рѣшусь „избавиться отъ ея оскорбленій, причудъ, от„казовъ! она выгнала меня, опять зоветъ къ се„бѣ и я пойду? Нѣтъ,нѣтъ, хотя бы она и са„ма пришла о томъ просить меня.„ Я еще не знаю, кто именно сіе лице, но говорю самъ себѣ: этотъ молодой человѣкъ весьма влюбленъ; я уже смотрю на него со вниманіемъ, и съ великимъ удовольствіемъ слушаю комедію, которая вся написана въ таковомъ же вкусѣ

Теперь переселяюсь въ Аѳины, и представляю себя уже не французомъ нынѣшняго времени, но жителемъ какого нибудь Греческаго селенія въ малой Азіи, современникомъ Перикла. Вмѣстѣ со многими другими любопытными, пришелъ я въ первый разъ на Панаѳейскія Минервины празднества, отправляемыя по прошествіи каждаго пятилѣтія. Знаю, что на оныхъ представляются зрѣлища, привлекающія всю Грецію, и именно трагедіи Эврипидовы и комедіи Аристофановы и Эвполисовы. Ожидаю великаго удовольствія; ибо Аѳиняне почитаются за совершенныхъ знатоковъ въ семъ родѣ сочиненій, а стихотворцы ихъ снискали себѣ чрезмѣрную славу. Прихожу къ самому началу представленія Эврипидовой Иѳигеніи; проливаю слезы, возхищаюсь, и говорю:

сколь счастливы Аѳиняне, что имѣютъ у себя столь великаго человѣка! Потомъ объявляютъ зрителямъ, что играть будутъ Аристофанову комедію подъ названіемъ *Рыцари*; думаю, тутъ-то я посмѣюсь довольно: вижу явившихся на театрѣ двухъ невольниковъ, и зрители говорятъ: А! это Димосѳенъ! это Никій! — что вы говорите? это совсѣмъ не они, а два невольника; они одѣты такъ, какъ прилично рабамъ. — Димосѳенъ и Никій суть ваши полководцы, о коихъ я наслышался много добраго. — Такъ, это все правда, но посмотри хорошенько на сіи личины: ты увидишь лица Димосѳена и Никія. — Но для чего полководцы сіи представлены въ одеждахъ невольническихъ? — Это аллегорія; ты самъ увидишь. — А! очень хорошо; но я было пришелъ смотрѣть комедію, а не отгадывать загадки. Между тѣмъ комедія начинается: — „*Димосѳенъ* (только не ора„торъ.) Ахъ! Ахъ! какъ мы несчастливы! да „накажетъ небо сего гнуснаго Паѳлагонца, ко„тораго на бѣду намъ купилъ недавно госпо„динъ нашъ. (При словѣ *Пафлагонецъ* раз„дается великой хохотъ). Съ тѣхъ поръ, „какъ сей уродъ, сей бичъ поселился въ до„мѣ, мы всякой день терпимъ побои. *Никій.* „Пусть провалится сквозь землю этотъ без„дѣльникъ *Пафлагонецъ* и со всѣми своими „клеветами. *Дим.* Бѣдный мой товарищъ! „каково тебѣ? *Ник.* Очень худо, мы съ то„бою пьемъ одну чашу горести. *Дим.* Запо„емъ вмѣстѣ жалобную пѣсенку Олимпа. „(Оба поютъ извѣстную пѣсню музыканта

„Олимпа). Ахъ! Ахъ! . . . Но къ чему по-
„служатъ сіи безполезныя жалобы, не лучше
„ли намъ поискать какого нибудь средства къ
„спасенію? *Ник.* Да какоежъ? скажи? *Дим.*
„Скажи напередъ самъ, ободри меня. *Ник.*
„Нѣтъ, прошу тебя именемъ Аполлон
„вори сперва ты, а потомъ и я с
„мнѣніе. *Дим.* Не ужели не мо
„кимъ нибудь образомъ сказа
„и я тебѣ сказать хочу. *Н*
„столько смѣлости. Поп
„буду ли въ состояніи ог
„мои искусненько, и п
„*Дим.* Эхъ! оставь тво
„говокъ травами. (При
„смѣются до крайнос
„они хохочутъ, спраш
„меня: Эврипидъ, на,
„смѣются, не сочин
„которая недавно з
„слезы, и которую
„до небесъ? Онъ сам
„реньями и всякою з
„удивило. — Комед
„слушать. — *Дим.*
„сенку, на примѣръ
„бы куда нибудь ѣд
„луй откровеннѣе, б
„т. е. бѣжимъ. *Ди*
„такъ, бѣжимъ. *Н*
„одинъ слогъ и скажи
„жимъ. *Ник.* Очень хо
я самыя нелѣпыя выра
приличныя одной тол

подлой черни, и я никогда бы не повѣрилъ, что таковыя нелѣпости позволено было произносить предъ собраніемъ людей благонравныхъ, а особливо въ присутствіи женскаго пола. Вопрошаю самаго себя, гдѣжъ
борчивый вкусъ Аѳинянъ, гдѣ тотъ Ат-
которымъ они весьма много хва-
ослушаемъ далѣе). *Ник.* „Теперь
не остается дѣлать, какъ бѣ-
кану какого нибудь божест-
кому истукану? Не ужели
есть боги? *Ник.* Конечно
. *Дим.* а почему? *Ник.*
меня мучаютъ гораздо
Дим. Я съ тобою со-
какъ дозволяютъ Аѳи-
ѣ о богахъ своихъ).
воръ, и будемъ го-
тѣ. *Дим.* Хорошо;
мы сказали зрите-
мъ дѣлѣ? *Ник.* О!
, но попросимъ
дятъ ли они какое
нашемъ разгово-
ладоши, и я уди-
граютъ нѣкоторую
„Я разскажу имъ все
старикъ несносной,
великой охотникъ до
то *народъ Пникскій*,
сколько глухъ. Въ по-
ндъ купилъ онъ невольфлагонца, ремесломъ
укаваго и превеликаго

„клеветника. Сей кожевникъ, вызнавъ нравъ „своего господина, овладѣлъ умомъ его своею „лестію, слѣпою услужливостію и обма- „номъ. Народъ, говоритъ онъ ему, послѣ „отправленія судебныхъ дѣлъ, ступай въ ба- „ню, бери сей пирогъ, ѣшь, завтракай, возми „принадлежащіе тебѣ три обола: ты хочешь, „чтобы я подалъ тебѣ чего нибудь поѣсть? „Потомъ беретъ онъ все то, что каждый „изъ насъ приготовилъ для себя и подаетъ „нашему господину; не я ли недавно изнекъ „тотъ Пильскій пирогъ, которой онъ у меня „укралъ и подалъ старику?“ Тутъ умно- жается смѣхъ и рукоплесканія зрителей. Но смѣхъ еще болѣе усилился, когда явился на театръ *Пафлагонскій* кожевникъ. — *Клеонъ, Клеонъ*, кричали зрители, *Клеонъ*. Кто этотъ Клеонъ? тотъ великій полководецъ, который оказалъ вамъ преважныя услуги покореніемъ острова Сфактеріи и освобожденіемъ отъ осады вашего охраннаго войска въ Пилѣ? — Такъ, онъ самый. Скажу вамъ прямо, вы по- ступаете весьма худо съ вашими піитами и полководцами. Не смотря на все сіе дослу- шиваю до конца и ничего не понимаю. Вся вообще комедія для меня темна, непонятна. Она вся составлена изъ грубыхъ шутокъ, насмѣшекъ, коихъ острота и сущность ка- жется понятна всѣмъ зрителямъ, но для меня онѣ покрыты непроницаемою тайною. *Пафлагонскій* невольникъ напивается до пьяна, разстилаетъ кожу, и на ней засы- паетъ: у соннаго похищаютъ тихонько *га- дательныя записочки*, которыми всѣ его

карманы были наполнены. Въ сихъ *записочкахъ* предсказываетъ онъ, что харчевникъ заступитъ мѣсто кожевника. И въ самомъ дѣлѣ является харчевникъ съ лоткомъ, на которомъ лежала вареная говядина. Димосѳенъ и Никій увѣряютъ его, что боги дѣлаютъ его правителемъ Пникскаго народа. Кожевникъ сперва не вѣритъ ихъ словамъ; но наконецъ соглашается и вступаетъ съ *Пафлагонянином*ъ въ споръ, кто изъ нихъ лучше обманетъ старика. Сей нелѣпыми шутками наполненный споръ продолжается во время трехъ дѣйствій, наконецъ харчевникъ побѣждаетъ кожевника и приказываетъ его выгнать. Тогда я прошу сидѣвшаго подлѣ меня зрителя сжалиться надо мною и объяснить мнѣ сіе толь странное зрѣлище, въ коемъ не нахожу ниодного слова смѣшнаго. — Нѣтъ ничего простѣе и понятнѣе сей комедіи, говоритъ онъ мнѣ, я тотчасъ разтолкую тебѣ все. Сочинитель комедіи есть непримиримый врагъ Клеону, который не признаетъ его гражданиномъ, въ чемъ онъ почти и правъ; ибо еще неизвѣстно, гдѣ точно родился Аристофанъ. Ему великаго стоило труда одолѣть Клеона, и выпутаться изъ сего труднаго дѣла, и потому рѣшился отмстить сопернику обыкновеннымъ своимъ оружіемъ, т. е. выведя Клеона на позорище; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Сократомъ. Впрочемъ между симъ философомъ и Клеономъ находится великая разность; первый изъ нихъ человѣкъ честный, добродѣтельный, хотя иногда предается

мечтаніямъ; но другой почитается человѣкомъ пронырливымъ; онъ нашелъ средство снискать любовь къ себѣ у народа, а особливо удачнымъ своимъ Пильскимъ походомъ приобрѣлъ великую довѣренность; но въ ономъ послужило ему болѣе счастіе, нежели искуство. Уже до приняпія имъ начальства надъ войсками, Димосѳенъ сдѣлалъ всѣ нужныя разпоряженія, и Клеонъ возпользовался только плодами трудовъ и искусцвомъ другаго. Вотъ что значитъ украденный имъ *Пильской пирогъ*, который былъ изпеченъ другимъ. Вотъ въ чемъ состоитъ вся острота иносказанія. Его называютъ *Пафлагопяниномъ* не по тому, будтобы онъ родился въ Пафлагоніи; но названіе сіе есть не иное что, какъ игра словъ, означающая громкой его голосъ, и что онъ всегда кричитъ; оно произходитъ отъ глагола *παφλάζειν*; т, е. *клокотать, сильно кипѣть*. Кожевникомъ называютъ его по тому, что онъ сперва выдѣлывалъ и торговалъ кожами. —А! теперь понимаю причину, для чего въ комедіи сей часто поминается о кожѣ, и по чему зрители при словѣ семъ всегда смѣялись. — Точно такъ; шутка сія самая лучшая и острая въ сей комедіи. — И въ самомъ дѣлѣ сочинитель почиталъ ее весьма забавною, и потому-то употребляетъ ее слишкомъ часто. — Теперь ты видишь весь ея ходъ. *Пафлагонянинъ*, умѣвшій привесть въ немилость у своего господина двухъ невольниковъ, своихъ сотоварищей, есть Клеонъ, который пронырствомъ отдалилъ Димосѳена и Никія отъ правленія дѣлъ,

очернилъ ихъ предъ народомъ Аѳинскимъ и хищнически присвоилъ себѣ награжденіе, имъ принадлежавшее. — Какъ! сей слабоумный старикъ, надъ которымъ сочинитель шутитъ въ комедіи, есть *Пникскій народъ?* — Это народъ Аѳинскій, это мы; *πνὺξ* есть имя мѣста, гдѣ обыкновенно бываютъ наши собранія. О! Аристофанъ есть самой доброй гражданинъ. Знаешь ли, кто представлялъ лице Клеона? — Какъ? не ужели у васъ сами сочинители играютъ въ своихъ комедіяхъ?— Нѣтъ, сего еще никогда не случалось; но поелику ниодинъ лицедѣй не смѣлъ взять на себя роли Клеона, опасаясь имѣть въ немъ сильнаго непріятеля: то Аристофанъ рѣшился сыграть ее самъ. Какъ ты думаешь: поступокъ сей не означаетъ ли любви къ отечеству? — Однакожъ сіе показываетъ также великую ненависть къ Клеону. Но что ему сдѣлалъ Эврипидъ? — Эврипидъ, онъ ученикъ Анаксагора, другъ Сократу; Аристофанъ всѣхъ ихъ равно ненавидитъ, потому что они пренебрегаютъ его комедіи, никогда не ходятъ въ театръ, когда ихъ играютъ, и явно называютъ ихъ соблазнительными игрищами. Сіи Философы не любятъ веселостей. — Но вы напротивъ того слишкомъ любите оную, ибо находите великое для себя удовольствіе, чтобы надъ вами смѣялись. — Точно такъ, лишь бы только насъ смѣшили. Недавно Аристофанъ весьма много позабавилъ насъ на счетъ Перикла. — Перикла! того великаго Перикла, коего имя не только въ Греціи, но даже и въ Азіи прославляется, который рес-

публику вашу вознесъ на высочайшій степень славы и могущества? — Правда, мы ему многимъ обязаны: но по тому-по мы весьма довольны сочинителемъ, что онъ не щадитъ и сего великаго человѣка. Сіе означаетъ республиканское равенство. Всѣ сіи знаменитыя мужи былибы слишкомъ надменны, естьлибы Аристофанъ не убавлялъ имъ спѣси. Самое большое преимущество свободы есть то, что мы можемъ осмѣивать людей, оказывающихъ намъ важныя услуги; впрочемъ сіе нимало не уменшаетъ нашего къ нимъ почтенія. Не ужели ты думаешь, что Аристофановы шутки скрываютъ отъ насъ достоинства Перикла, Эврипида и Сократа? Впрочемъ, кто можетъ жаловаться на сіи шутки, когда мы не щадимъ и самихъ себя? Ты видѣлъ, какъ онъ изображаетъ старика, охотника до бобовъ. — Хорошо, что ты вспомнилъ объ этомъ. Что значатъ сіи бобы? — Развѣ тебѣ неизвѣстно, что въ собраніяхъ, во время коихъ подаемъ мы наши голоса, обыкновенно приносимъ съ собою бобы и держимъ ихъ во рту? — Я объ этомъ никогда не слыхалъ. — По этому ты ничего и не понялъ, слушая сію комедію? — Конечно не понялъ, да и не жалѣю о томъ. — Напротивъ того, ты лишился великаго удовольствія. Въ ней находится множество острыхъ и язвительныхъ выраженій; каждое слово относится къ какому либо обстоятельству Клеоновой жизни. На примѣръ, онъ присудилъ давать народу три обола за право присутствовать въ собраніяхъ, прежде получалъ

онъ только по два обола. Вотъ по чему невольникъ говоритъ: *два или три обола*. Чувствуешь ли ты всю остроту сихъ словъ? — Понимаю, для васъ это весьма забавно. Клеонъ вамъ очень извѣстенъ; вы видите его каждый день; вы живете съ нимъ. Но какая мнѣ нужда до ругательствъ, дѣлаемыхъ вами Клеону? на что мнѣ ломать голову надъ язвительными и непонятными шутками вашего Аристофана? — О! это не его вина, онъ писалъ не для тебя. Когожъ бы, по мнѣнію твоему, драматическій стихотворецъ долженъ забавлять и веселить, ежели не природныхъ своихъ цѣнителей, своихъ сограждан? — Онъ поступилъ бы весьма хорошо, естьли бы старался нравиться и другимъ, а сочиненія его имѣли бы тогда бо́льшее достоинство. Онъ угождаетъ вашему вкусу; это очень хорошо; но вкусъ можетъ перемѣниться, и дѣти ваши не станутъ уже столь много смѣяться надъ Пильскимъ пирогомъ и надъ кожею Клеона. Сочиненія Эврипида, сына торго́вки овощами, какъ называетъ его Аристофанъ, проживутъ гораздо долѣе, нежели комедіи Аристофановы. Неудивительно, ежели Эврипидъ въ будущія времена и у другихъ народовъ пріобрѣтетъ имя великаго стихотворца, и ежели вашъ Аристофанъ, хотя бы сочиненія его и дошли до позднѣйшаго потомства, почитаться будетъ только сатирикомъ, который успѣлъ въ самомъ легкомъ родѣ сочиненій, каковы суть сатиры, на ругательствѣ и злобѣ основанныя, и который грубымъ образомъ смѣется надъ человѣкомъ,

рѣдкими способностями одареннымъ и трудившимся въ пользу и удовольствіе всѣхъ вѣковъ.

Сей небольшой разговоръ, который имѣлъ я въ Аѳинскомъ театрѣ, уже подалъ намъ нѣкоторое понятіе объ Аристофанѣ. Весьма краткое обозрѣніе каждой изъ его комедій, нѣсколько выписанныхъ оттуда выраженій и мѣстъ, доставятъ намъ полное о немъ познаніе. Ибо не должно искать въ нихъ разположенія, дѣйствія, завязки, привлекательности, драматическаго хода, и порядка, театральныхъ приличностей, положеній или свойствъ комическихъ; тутъ нѣтъ ничего сему подобнаго. Аристофановы комедіи содержатъ въ себѣ какія либо историческія произшествія; изъ нихъ скорѣе можно научиться исторіи, нежели театральному искуству. Тогдашній комическій стихотворецъ долженъ былъ держаться какой нибудь стороны, имѣлъ право подавать свое мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ и объявлялъ оное на театрѣ, такъ какъ ораторы сообщали голоса свои въ народныхъ собраніяхъ, но только совсѣмъ отмѣннымъ образомъ, и Аѳиняне, бывъ чрезвычайно непостоянны, легкомысленны, тщеславны, злорѣчивы, слушали гораздо съ бо́льшимъ вниманіемъ шутки своихъ стихотворцевъ, нежели рѣчи ораторовъ. Кто желаетъ найти причину, по чему Аристофанъ въ сочиненіяхъ своихъ употребляетъ чрезвычайную дерзость, тому надлежитъ знать обстоятельно, до какой крайности, до какого злоупотребленія достигла тогда демократическая вольность. Пелопонисская

война продолжалась уже шесть лѣтъ; къ началію оной присовѣтовалъ Перикль, дабы Аѳиняне могли удержать за собою то первенство, которое имѣли они предъ другими Греческими народами, послѣ битвъ Мараѳонской и Саламинской, и котораго Лакедемоняне лишить ихъ старались. Часть Аттики, прилежавшая Лаконіи была совсѣмъ открыта, и потому Лакедемонянамъ удобно было простирать опустошенія свои даже до вратъ города Аѳинъ, коего могущество наипаче состояло въ морскихъ силахъ. Аѳиняне флотомъ своимъ опустошали владѣнія Лакедемонскія, а Лакедемонцы сухопутными войсками раззоряли Аттику. Таковая война, съ перемѣнными успѣхами воевавшихъ республикъ, продолжалась шесть лѣтъ. Происходили мирные переговоры; народъ желалъ мира, но вельможи, полководцы, а особливо Клеонъ и Ламахъ не хотѣли прекращать войны. Аристофанъ желаетъ доказать необходимую нужду въ миръ; сочиняетъ комедію, называетъ ее *Ахарняне*, по имени одного Аттическаго селенія *Ахарны*, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Вся комедія состоитъ изъ шутокъ, насмѣшекъ, служащихъ къ содѣланію Клеона и Ламаха ненавистными и общаго посмѣянія достойными; въ ней не забываетъ онъ и Эврипида; цѣлое дѣйствіе написано въ хулу сего знаменитаго трагика. Аристофанъ представляетъ самаго себя подъ именемъ *Дикеополя*, т. е. добраго гражданина; онъ одинъ заключаетъ съ Лакедемонянами частной договоръ, доставляющій ему вели-

кое множество выгодъ, которыхъ сограждане его лишаются войною. Сіе служитъ содержаніемъ и основою комедіи. Самое любопытное въ ней есть описаніе Аѳинянъ, и то, что онъ говоритъ имъ о себѣ самомъ въ сочиненномъ при сей комедіи хорѣ. "Съ сама-
„го того времени, какъ стихотворецъ нашъ
„началъ занимашься сочиненіемъ комедій,
„онъ еще никогда не говорилъ вамъ о своемъ
„достоинствѣ, о своихъ заслугахъ. Но нынѣ,
„будучи обвиняемъ своими непріятелями
„предъ несмысленными и вѣтренными изъ
„Аѳинянъ въ томъ, что онъ выводитъ на
„театръ республику и поноситъ народъ,
„онъ принужденнымъ себя находитъ оправ-
„даться предъ сею непостоянною чернію.
„И такъ стихотворецъ проситъ васъ имѣть
„къ нему достойное уваженіе, ибо онъ пре-
„пятствуетъ посланцамъ союзныхъ городовъ
„обольщать васъ, а льстецамъ обманывать
„васъ, и наконецъ совѣтуетъ вамъ пещися о
„дѣлахъ общественныхъ. Когда посланцы
„сіи желали преклонить васъ къ принятію
„своихъ предложеній, имъ стоило только
„наговорить вамъ множество учтивыхъ при-
„вѣтствій и кроткимъ голосомъ сказать;
„*О Аѳиняне! народъ увѣнчанный цвѣтами!*
„*О утученный и умащенный елеемъ го-*
„*родъ Аѳины!* тогда съ восторгомъ возста-
„вали вы съ мѣстъ своихъ, съ великимъ
„вниманіемъ слушали ласкательнымъ ихъ
„словамъ, и наконецъ соглашались на всѣ ихъ
„желанія за то только, что они приписыва-
„ли вамъ равную съ анчоусами похвалу. Но

„стихотворецъ сдѣлалъ вамъ важную услугу;
„онъ ясно доказалъ, что управленіе союзны-
„ми городами принадлежитъ народу. Вы уви-
„дите ихъ посланцевъ, пришедшихъ къ вамъ
„съ данію; они станутъ спрашивать, гдѣ
„Аристофанъ, и съ нетерпѣніемъ пожелаютъ
„видѣть сего знаменитаго стихотворца,
„который дерзаетъ говорить Аѳинянамъ
„истинну. Слухъ о семъ дерзновеніи раз-
„пространился столь далеко, что Персидскій
„царь спрашивалъ у Лакедемонскихъ послан-
„никовъ, могутъ ли морскія силы ихъ рав-
„няться съ Аѳинскими, имѣютъ ли они Ари-
„стофана, который говорилъ бы имъ прав-
„ду? Аѳиняне, присовокупилъ царь, оста-
„лись бы побѣдителями, естьли бы слѣдовали
„совѣтамъ своего стихотворца. Вотъ для
„чего Лакедемонъ предлагаетъ вамъ миръ и
„требуетъ себѣ острова Эгины, не по тому,
„что онъ имъ необходимо нуженъ, но только
„для того, что Аристофанъ имѣетъ тамъ
„землю и желаютъ преклонить его на свою
„сторону; но не отпускайте его; въ комедi-
„яхъ своихъ онъ покажетъ вамъ средства
„быть счастливыми; онъ не станетъ вамъ
„льстить, искать корысполюбивыхъ едино-
„мышленниковъ, вы не услышите отъ него
„вѣроломныхъ обольщеній; но научитъ васъ
„дѣлать доброе и полезное. Итакъ пусть
„Клеонъ выдумываетъ разныя противу его
„козни; честность и справедливость будутъ
„его поборниками; и республика никогда не
„увидитъ Аристофана таковымъ, каковъ
„Клеонъ, т. е. подлымъ, трусомъ и власто-
„любивымъ.“

Сія защитительная рѣчь, сія похвала находится не въ прологѣ, но въ срединѣ комедіи, въ концѣ втораго дѣйствія. Изъ сего заключать можно, сколь тогдашніе комики мало пеклися о томъ, чтобы содержать зрителя въ безпрерывномъ драматическомъ мечтаніи, которое никоимъ образомъ не можетъ терпѣть сего страннаго обыкновенія, чтобы лицедѣи ежеминутно разговаривали съ своими зрителями. Стихотворецъ, какъ изъ приведеннаго выше примѣра видно, хвалитъ себя съ такоюже неумѣренностію, съ каковою ругаетъ онъ другихъ; и слѣдовательно это уже не новое, что писатели ругательныхъ сочиненій непрестанно твердятъ о честности и добродѣтели, сами нарушая также непрестанно и ту и другую. Не льзя сказать, чтобы Аристофанъ былъ во всемъ неправъ: онъ, по примѣру всѣхъ прочихъ, такъ сказать, записныхъ сатириковъ, нападаетъ равно какъ на людей, неимѣющихъ никакого достоинства, такъ и на людей почтенныхъ. Исторія описываетъ Клеона почти таковымъ же, каковымъ онъ изображенъ здѣсь, исключая храбрость и краснорѣчіе, въ которыхъ онъ не имѣлъ недостатка; но Ламахъ, о которомъ Аристофанъ также худо отзывается, былъ искусный полководецъ, служилъ отечеству весьма усердно и убитъ на сраженіи. Наконецъ онъ примирился съ стихотворцемъ, который потомъ хвалилъ Ламаха съ такоюжъ неумѣренностію, съ каковою прежде осмѣивалъ его: сей порокъ, кажется, весьма въ великомъ обыкновеніи у сатириковъ.

Что жъ касается до Эврипида, то Аристофанъ не только во всѣхъ сочиненіяхъ весьма часто упоминаетъ его имя, но и написалъ прямо на него двѣ комедіи: *Праздненства Церерины* и *Жабы*. По видимому онъ былъ крайнѣ золъ на сего трагика, и вѣроятно, ненависть занимавшихся словесностію простиралась тогда, такъ какъ и нынѣ, до изступленія и даже до неистовства. Исторія показываетъ намъ тому слѣдующую причину: Эврипидъ презиралъ Аристофана; а презрѣніе, особливоже справедливое, наноситъ самолюбію такую рану, которая никогда не изцѣляется. Но коль слабое оружіе употребляетъ Аристофанъ противу Эврипида! самыя дѣтскія шутки, грубѣйшія ругательства, неумѣстныя и глупыя охужденія. Самыя прекрасныя явленія изъ Эврипидовыхъ трагедій передѣлываетъ онъ въ смѣшныя, и между прочимъ то явленіе, гдѣ трагикъ изображаетъ умоизступленіе Федры. Онъ ставитъ ему въ порокъ незнатность его рода: подлость непростительная. Обвиняетъ его въ нечестіи: клевета ненавистная. Описываетъ его человѣкомъ хитрымъ, лукавымъ, пронырливымъ, склоннымъ къ замысламъ скрытнымъ и старающимся снискать къ себѣ любовь у самой подлой черни; но онъ былъ человѣкъ простодушный, уединенный, препровождающій большую часть жизни въ своемъ кабинетѣ или съ философами, искренними своими друзьями. Надлежитъ однакожъ привесть обращикъ, какъ Аристофанъ глумится надъ соперникомъ Софокла. Помянутый мною *Дикеполь* желаетъ гово-

рить къ народу рѣчь, въ видѣ и въ одеждѣ нища-
го, дабы чрезъ то возбудить бо́льшее сожалѣніе.
Стучится у дверей Эврипидова дома; и вся
острота и замысловатость комическаго яв-
ленія состоитъ въ насмѣшкахъ надъ стихо-
творцемъ, что онъ помѣщаетъ въ трагедіи
свои дѣйствующія лица, одѣтыя въ рубища,
каковы суть *Эдипъ* въ *Колонѣ*, который впро-
чемъ и при бѣдной одеждѣ своей ничего не те-
ряетъ трагическаго, *Телефъ*, *Ѳіэстъ*; объ сіи
трагедіи не дошли до насъ. "*Дикеполь*.
„Дома ли Эврипидъ? *Кефизофонъ, слуга Эв-*
„*рипидовъ*. Дома и нѣтъ? Понимаешь ли? *Ди-*
„*кеполь*. Какъ? *Кефиз.* Умъ его носится те-
„перь по [illegible] стиховъ, а самъ онъ
„[illegible]

„рить длинную рѣчь къ хору; я умру съ
„печали, ежели трудъ мой останется безу-
„спѣшенъ. *Эврип.* Какіе жъ дашь тебѣ лоску-
„тки? Отъ Эневса, Филоктета, Беллерофона?
„*Дикеп.* Нѣтъ, отъ какой нибудь другой еще
„бѣднѣйшей трагедіи *Эврип.* А! понимаю;
„отъ Телефа *Дикеп.* Да, да, отъ Телефа,
„царя Мисійскаго. *Эврип. своему слугѣ.* От-
„дай ему лоскутки отъ Телефа; они лежатъ
„вмѣстѣ съ лоскутками Θіэста и Ино. *Дик.*
„Ахъ! боже мой! они всѣ въ дырахъ. Но есть-
„ли ты такъ щедръ, то прикажи отдать
„мнѣ и шапку царя Мисійскаго; я долженъ
„явиться въ видѣ нищаго предъ хоромъ, ко-
„торый обыкновенно составляютъ люди глу-
коихъ я [illegible]ми, а

„какой безпокойной. *Дик.* Желаю, чтобъ бо-
„ги пеклись о тебѣ столькоже, какъ и о тво-
„ей матери. *Эврип.* Подижъ вонъ. *Дик.* по
„крайней мѣрѣ отдай мнѣ обломанную твою
„чашку. *Эврип.* Вотъ она, возми ее, и уби-
„райся скорѣе. Ты слишкомъ напрасливъ.
„*Дик.* Ахъ, любезный мой Эврипидъ! какъ
„ты меня обижаешь. Сдѣлай милость, одол-
„жи меня глинянымъ твоимъ горшкомъ,
„заткнутымъ губкою. *Эврип.* Этотъ чело-
„вѣкъ доведетъ меня до того, что я разше-
„ряю всю мою трагедію. На! возми, и уби-
„райся отсюда скорѣе. *Дик.* Теперь тотчасъ
„уйду; но я еще имѣю крайнюю нужду
„въ одной вещи, безъ которой мнѣ должно
„будетъ умереть. Положи сколько нибудь
„огородныхъ овощей въ сію корзинку. *Эврип.*
„На, возми; но ты меня уморишь. Трагедія
„моя вся пропала. *Дик.* Теперь я болѣе ни-
„чего не прошу. Я иду. Чувствую, что я
„человѣкъ безпокойной и уже начиналъ ссо-
„риться со всѣми царями, твоими героями.
„Ахъ, какая бѣда? что было я сдѣлалъ? за-
„былъ самое главное дѣло. Любезный мой
„Эврипидъ, божусь тебѣ, кромѣ одной вещи,
„болѣе ничего уже просить не буду: дай мнѣ
„хоть горсточку травъ, которыми торго-
„вала твоя мать. *Эврип.* А! такъ ты на-
„чинаешь надо мною смѣяться. Кефизофонъ
„запри дверь."

Вотъ обращикъ древней пародіи: она не уступаетъ нашей. Содержаніе комедіи: *Церерины празднества,* состоитъ въ заговорѣ собравшихся на сіи празднества жен

щимъ, которыя твердо рѣшились отмстить Эврипиду за всѣ оскорбительныя имъ слова, въ трагедіяхъ сего писателя помѣщенныя. Судъ производится по всѣмъ учрежденнымъ правиламъ. Тимоклея занимаетъ мѣсто предсѣдателя, Сисилла отправляетъ должность секретаря, Сострада объявляетъ приговоръ: все сіе есть не иное что, какъ пародія ареопага. Вопрошаютъ, кто желаетъ говорить свое мнѣніе. Встаетъ одна изъ женщинъ, говоритъ рѣчь, въ которой изчисляетъ всѣ обиды, нанесенныя стихотворцемъ женскому полу. Потомъ начинаетъ другая; объявляетъ, что она продаетъ вѣнцы для боговъ, а Эврипидъ, по нечестію своему, обезславилъ ея торговлю, увѣряя людей, что боговъ совсѣмъ нѣтъ. Естьли принять въ разсужденіе, что Эсхилъ преданъ былъ уголовному суду за безвѣріе, Анаксагоръ подвергался таковой опасности, а Сократъ лишился жизни, бывъ обвиненъ въ безбожіи; то надобно согласиться, что и сіе обвиненіе есть сколь жестоко, столь и несправедливо; и слѣдственно Аристофанъ занимался самымъ подлымъ ремесломъ.

Другимъ доказательствомъ безстыдства Аристофанова служитъ то, что онъ выводитъ на театръ мущину въ женской одеждѣ и заставляетъ его защищать Эврипида, утверждая, что стихотворецъ сей не сказалъ и сотой части того, чтобы сказать объ нихъ надлежало, и женщины обязаны благодарить Эврипида, что онъ не открылъ всѣхъ

тайныхъ ихъ проказъ. "Мы здѣсь одни; „никто насъ не слышитъ. Къ чему такъ мно- „го шумѣть за нѣкоторыя укоризны, намъ „отъ него сдѣланныя, когда онъ умолчалъ о „другихъ безчисленныхъ нашихъ порокахъ?" За симъ слѣдуетъ ужасное изображеніе, котораго и перевесть не льзя. Объ ономъ судить можно по одному слѣдующему мѣсту: „обнаружилъ ли онъ искусство наше подки- „дывать дѣтей? Его упрекаютъ, что описы- „ваетъ только Федру, а не Пенелопу: но меж- „ду нами нѣтъ никодной Пенелопы, мы всѣ „Федры."

Можно ли повѣрить, чтобы такія мерзости произносимы были на Аѳинскомъ театрѣ? Впрочемъ, надобно думать, что и сами Греки не одобряли ихъ; ибо комедія сія, сколько извѣстно изъ исторіи, никакого не имѣла успѣха. Таковыя и многія другія имъ подобныя выраженія, а особливо подкидываніе дѣтей, о которомъ Аристофанъ въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ весьма часто и сквернословія, коими онѣ наполнены, служатъ доказательствомъ, что своевольство театра было соразмѣрно развращенію нравовъ.

Но чѣмъ окончалась нелѣпая сія шутка? Мущину, переодѣтаго въ женское платье, узнаютъ и хотятъ предать его суду градоправителей: но Эврипидъ, другъ его и знавшій все произходившее въ собраніи женщинъ, грозитъ имъ открыть мужьямъ всѣ ихъ проказы, ежели онѣ не освободятъ задержан-

наго ими человѣка: въ противномъ же случаѣ обѣщается не говорить объ нихъ ничего худаго, и все дѣло кончилось примиреніемъ.

Комедія подъ названіемъ: *Жабы* написана сколько противъ Эсхила, столько и противъ Эврипида. Перваго давно уже не было на свѣтѣ, а второй только что умеръ. Удивительно, какъ позволялось представлять сатиры на двухъ знаменитыхъ писателей, которымъ Аѳины удивлялись, и которыхъ уже не было въ Аѳинахъ; видно, что и всѣ Аѳиняне въ семъ случаѣ стольже мало были разборчивы, какъ и Аристофанъ. Вакхъ сходитъ въ адъ, ищетъ тамъ хорошаго трагическаго стихотворца; ибо тѣми, кои на празднествахъ его состязались о полученіи назначенной награды, былъ онъ весьма недоволенъ: переправляется чрезъ Стиксъ, и Харонъ, жалая оказать ему честь, составляетъ изъ лягушекъ хоръ и приказываетъ имъ кричать. Шутка самая грубая и нелѣпая, достойная сочинителя сей комедіи. Содержаніе ея состоитъ въ споръ Эсхила съ Эврипидомъ о первенствѣ; ибо закономъ постановлено было, что отличившійся стихотвореніями своими долженъ занимать мѣсто подлѣ Плутона и получать все нужное изъ Пританея ада, точно такъ какъ оказавшіе важныя услуги республикѣ содержимы были на иждивеніи Аѳинскаго Пританея. Служитель Плутона разсказываетъ слугѣ Вакха, что Эсхилъ уже́ давно занимаетъ первое мѣсто; но Эврипидъ, по прибытіи своемъ въ адъ, подговоривъ на

свою сторону бездѣльниковъ, разбойниковъ, преступниковъ, коихъ число несмѣтно, наконецъ успѣлъ лишить мѣста Эсхила. Вотъ *забавы* Аристофана, доказывающаго намъ чрезъ сіе, что Аѳиняне уважая память Эсхилову, отдавали по всей справедливости преимущество Эврипиду. Такимъ-то образомъ сатира неоднократно, и безъ всякаго намѣренія, отдавала достоинству должное предпочтеніе "Но не изгнали ли, спрашиваетъ „слуга Вакховъ, похитителя каменьями? „другой отвѣчаетъ: нѣтъ; а рѣшеніе пре„доставится большинству голосовъ. Эври„пидъ весьма хитръ, говоритъ слуга Вак„ховъ. Но не ужели Эсхилъ не имѣетъ у себя „пріятелей. . . . . Нѣтъ; потому что и въ „царствѣ мертвыхъ почти столько мало „честныхъ людей, какъ и въ Аѳинахъ."

Прѣніе между двумя стихотворцами, занимающее собою цѣлыя два дѣйствія есть, какъ удобно видѣть можно, не иное что, какъ взаимная сатира, наполненная мыслями истинными и ложными, и болѣе шуточна, нежели основательна. Эврипидъ упрекаетъ Эсхила за надутость его слога, за невѣроятные вымыслы, противуестественныя изображенія, уродливыя выраженія; сей столь же мало щадитъ Эврипида и сильно охуждаетъ слабый его слогъ, тонкость толкованій; но въ сужденіяхъ своихъ показываетъ весьма малое искуство, ибо почитаетъ погрѣшностію и недостаткомъ то, что въ самомъ дѣлѣ не только неосудительно, но даже

служиваетъ похвалу. Напримѣръ, онъ охуждаетъ Эврипида за то, что онъ изображаетъ царей и героевъ въ крайнемъ злополучіи и нищетѣ, выводитъ на театръ слабости человѣчества. Нѣтъ нужды въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, что Аристофанъ былъ худой судія. Наконецъ споръ прекращается пародіею: соперники соглашаются взвѣсить спихи на вѣсахъ. Эсхилъ предлагаетъ Эврипиду сѣсть въ одну изъ вѣсовыхъ чашъ совсѣми своими стихами, женою, дѣтьми, и съ великимъ лицедѣемъ его Кефизофономъ, вѣроятно, съ тѣмъ самымъ, коего Аристофанъ назвалъ слугою Эврипида, и надѣется, что всю сію тяжесть могутъ перетянуть только два остроумныя его слова. Плутонъ дѣло сіе предоставляетъ рѣшенію Вакха, который и отдаетъ преимущество Эсхилу, признавался однакожъ, что и соперникъ его человѣкъ не безъ достоинства. Вѣроятно, что Аристофанъ не сказалъ бы сего при жизни Эврипида.

О Комедіи его *Птицы* нельзя дать почти никакого понятія; сіе иносказаніе касается до дѣлъ политическихъ: въ ней непрѣстанно говорится о нѣкоемъ городѣ, подавшемъ причину къ несогласію Аѳинянъ съ Лакедемонцами, и оный въ комедіи представляется городомъ, который птицы хотятъ построить на воздухѣ.

Комедія *Лисистрата* написана въ такомъ же вкусѣ. Дѣло идетъ о преклоненіи

Аѳинянъ къ прекращенію той продолжительной Пелопонисской войны, которая для обѣихъ воюющихъ сторонъ была раззорительна. Лизистрата, жена одного изъ главныхъ градоправителей Аѳинскихъ придумываетъ средство преклонить ихъ къ заключенію мира: она склоняетъ женъ оставить своихъ мужей и не жить съ ними, пока не прекратится война; согласясь со всѣми Аѳинянками она беретъ во власть свою крѣпость; и сдѣлавшись обладательницею общественной казны запрещаетъ употреблять ее на военныя издержки; выдерживаютъ правильную осаду. Приходятъ къ нимъ посланники и Лисистрата заключаетъ мирный договоръ.

Содержаніемъ комедіи *Ѳесмофорiазусы* также служитъ заговоръ женщинъ. Аѳинскія жены вздумали лишить мущинъ правленія республикою и присвоить оное себѣ. Впрочемъ сочиненіе сіе написано гораздо умнѣе прочихъ, и сатира помѣщена въ ней со вкусомъ. Оно наполнено выраженіями язвительными противу Аѳинскаго правленія; но сочинитель въ комедіи сей весьма злословитъ женщинъ; въ семъ случаѣ Эврипидъ предъ нимъ уже ничто.

Комедія *Плутусъ* есть маловажное иносказаніе, изъ котораго однакоже заимствованы нѣкоторыя мысли въ Италіянскія театральныя сочиненія.

Въ комедіи подъ названіемъ *Миръ*, сочинитель оныя еще предается любимой своей

наклонности, и тѣмъ болѣе, что Клеонъ уже умеръ. Она вся состоитъ изъ иносказанія. Война и Миръ представлены въ ней дѣйствующими лицами. Нѣкто виноградарь, именемъ Тригей, является сидящимъ верхомъ на жукѣ и говоритъ, что онъ намѣренъ просить Юпитера о вящшемъ покровительствѣ Грекамъ. Уже по одному сему началу можно судить о достоинствѣ комедіи. Въ ней находится одно мѣсто, въ которомъ *Миръ* спрашиваетъ, что дѣлаетъ Софоклъ съ того времени, какъ оставилъ онъ Аттику. Ему отвѣтствуютъ: „онъ сдѣлался столь же скупъ, „столь же корыстолюбивъ, какъ стихотво„рецъ Симонидъ.“ Въ семъ-то состоитъ особенное дарованіе Аристофана; но сіе, по мнѣнію моему, не можетъ назваться острою шуткою. Софоклъ былъ тогда уже въ глубокой старости, и самъ Аристофанъ въ другихъ сочиненіяхъ хвалилъ его; но видно показалось ему несправедливымъ, естьли бы онъ изключилъ его изъ числа всѣхъ великихъ людей, которыхъ онъ злословилъ.

Остаются еще двѣ комедіи, заслуживающія наше вниманіе; одна изъ нихъ удостоилась подражанія Расинова, а другая, по несчастію, была причиною Сократовой смерти. *Шлегели* подали сочинителю Британника первую мысль къ сочиненію комедіи Plaideurs, такъ какъ и содержаніе *Разточительнаго сына*, играннаго въ простыхъ шалашахъ на ярманкахъ, произвело на свѣтъ Волтерову комедію подъ тѣмъ же названіемъ: изъ сего

слѣдуетъ только то, что и самое несовершенное твореніе можетъ быть усовершенствовано геніемъ.

Филоклеонъ подверженъ одной болѣзни съ Дандиномъ; страсть судить сдѣлала его сумашедшимъ, а сынъ его Бделиклеонъ приказываетъ имѣть строжайшее за нимъ смотрѣніе. Филоклеонъ спускается по веревкѣ, а Дандинъ вылѣзаетъ въ слуховое окно. „Естьли я сломлю себѣ шею, говоритъ онъ, „то похорони меня въ судилищѣ.“ Сынъ его, въ угожденіе непреодолимой страсти своего отца совѣтуетъ ему отправлять должность судьи въ своемъ домѣ. На то время открывается весьма къ стати дѣло достойное такого судьи; собака унесла сыръ. Дѣло сіе разбирается по всѣмъ приказнымъ обрядамъ. Въ судъ являются двѣ собаки, одна доносчица, а другая виноватая: обѣ онѣ вдругъ лаютъ. Вотъ въ чемъ состоитъ комическое
ство Аристофана. Приводятъ двухъ ще-
ы преклонить на жалость судью,
ся въ выборѣ двухъ бобовъ,
ьнаго боба даетъ оправ-
ему подражалъ Расинъ:
ему нѣкоторыя подроб-
атральную игру и за-
я Plaideurs принадле-
ни, которая даже по-
шутку, каковую ви-
еніи щенятъ, и ко-
во состоитъ въ
ивѣ прекрасныхъ

стиховъ и выраженій, обратившіяся въ пословицы. Впрочемъ по всей справедливости сказать можно, что не взирая на величайшую разность между сими комедіями Расина и Софокла, обѣ онѣ содержатъ въ себѣ сильную и остроумную критику на пороки и злоупотребленія судей. Но ежели представитъ себѣ, какимъ образомъ въ Греческой комедіи Аѳинскіе судьи, одѣтые наподобіе жуковъ, въ плащахъ и съ жезлами въ рукахъ бѣгаютъ по театру за Бделиклеономъ стараясь его ужалить: то всякой почувствуетъ, что сей такъ сказать отвратительный маскарадъ, также хоръ составленный изъ жабъ, летающій жукъ и множество другихъ нелѣпостей, суть чудовища на театрѣ и не могли бы терпимы быть даже и на площадныхъ нашихъ игрищахъ. Сверхъ того Греческій стихотворецъ въ двухъ послѣднихъ своихъ дѣйствіяхъ совсѣмъ оставляетъ свой предметъ. Филоклеонъ, убѣдясь доказатель
ми своего сына о невыгодахъ судей
зни, въ которой надлежитъ бы
праздну и льстить народ
ванъ его совѣту. Сперва
пьяна, и во всемъ п
дается онъ всѣмъ о
ностямъ, каковыхъ
отъ пьянаго старик
на всѣ сіи недостат
ждать, что въ ко
слѣды комическаго
чего надлежало ож
ли бы онъ жилъ

съ другимъ нравомъ; ибо нравъ имѣетъ великое дѣйствіе надъ дарованіемъ; извѣстно, что не злоба, зависть и ненависть научаютъ писать комедіи.

Комедія *Облака*, по несчастію весьма много прославляемая, заслуживаетъ быть такового только по причиненному ею злу. Хотя отъ представленія сей комедіи до осужденія на смерть Сократа протекло двадцать пять лѣтъ, однакожъ она весьма много разположила судей къ несправедливому приговору, погубившему самаго добродѣтельнаго, самаго честнаго человѣка въ Греціи; потому что обвиненія Анита были тѣжъ самыя, каковыя здѣсь употребляетъ стихотворецъ противъ сего философа.

Стрепсіадъ, Аѳинскій гражданинъ, приведенный въ крайнее раззореніе разпутствомъ своего сына, который разточилъ все имущество, обремененъ долгами и непрестанно превожимъ отъ своихъ заимодавцевъ, помышляетъ о средствахъ вывесть его изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Самымъ лучшимъ къ тому способомъ почитаетъ онъ идти совѣтоваться съ сосѣдомъ своимъ, философомъ Сократомъ, какъ съ однимъ изъ тѣхъ людей, кои говорятъ, *что небо есть печь, а люди уголья*, и кои доказываютъ, что день есть ночь, а ночь день. Не весьма ли язвительно изображена здѣсь философія Сократова? Она не походитъ на Платонову. Слуга Сократа не соглашается на желанія

Стрепсіада, требующаго, что бы онъ былъ наученъ таинствамъ философіи. "Таинство „сіе велико, говоритъ слуга. Сократъ недав„но спрашивалъ у своего ученика Херефона, „какъ далеко прыгаетъ блоха." Стрепсіадъ, удивленный симъ, кличетъ изо всей силы Сократа: философъ является на воздухъ сидя въ корзинѣ. Стрепсіадъ умоляетъ его именемъ боговъ. "Тише, какими богами клянешся ты? „въ училищѣ моемъ не признаютъ боговъ сей „земли." Стрепсіадъ спрашиваетъ, какихъ же боговъ имѣетъ Сократъ? *Облака,* отвѣтствуетъ философъ; и по сему-то Аристофанъ назвалъ комедію свою *облаками.* Сократъ призываетъ ихъ, и *облака*, въ приличной имъ одеждѣ, наполняютъ театръ: толкуетъ новому своему ученику, что *облака* суть боги, питающія софистовъ, предсказателей, врачей и стихотворцевъ. Смѣется надъ Юпитеромъ и называетъ его мечтою. „Нѣтъ никакого на свѣтѣ Юпитера, гово„ритъ онъ; доказательствомъ сему служитъ „то, что не Юпитеръ, а однѣ только облака „низпосылаютъ дождь на землю." Наконецъ требуетъ, чтобы Стрепсіадъ отрекся отъ боговъ своего отечества и покланялся бы однѣмъ только облакамъ. Мѣщанинъ соглашается на все, лишь только бы ему доставлено было средство не платить долговъ, нарушать справедливость и занимать безъ уплаты. Сократъ научаетъ его многимъ тонкимъ хитростямъ: легковѣрный мѣщанинъ уходитъ отъ него весьма довольнымъ и совѣтуетъ сыну своему Ѳидиппиду учиться

тому же и усовершенствовать себя подъ руководствомъ столь искуснаго учителя, каковъ Сократъ, который недавно чертилъ циркулемъ на пескѣ разныя изображенія, и когда присутствовавшіе смотрѣли на сіе со вниманіемъ, весьма искусно укралъ плащъ у одного изъ зрителей. Итакъ Сократъ, по крайней мѣрѣ, столь же проворенъ, какъ и площадные наши ворожеи; ибо украсть плащъ гораздо труднѣе, нежели колоду картъ. Стрепсіадъ приводитъ сына своего къ философу, и проситъ открыть ему два главнѣйшіе предмета его ученія, *справедливость* и *несправедливость*. "Не забудь особенно вооружить его съ ногъ до головы противу *справедливости*. „О! я его тотчасъ научу и тому „и другому, отвѣчаетъ Сократъ." И въ самомъ дѣлѣ являются на театрѣ олицетворенныя *справедливость* и *несправедливость*. Между ими происходитъ споръ, и *несправедливость* оканчиваетъ оный слѣдующимъ образомъ: "ежели ты хочешь, то я тебѣ ясно „покажу, я ли тебѣ, или ты мнѣ уступить „должна. Скажи мнѣ, что за люди наши „ораторы? — Бездѣльники. — Согласна. — А „наши кропашели трагедій! — Бездѣльники. — „Очень хорошо. — Наши градоправители? — „Бездѣльники — Не льзя быть лучше. Теперь „сочти всѣхъ зрителей; какова свойства боль„шая часть изъ нихъ? изъ честныхъ ли лю„дей состоитъ она? посмотри хорошенько. — „Признаюсь, они большею частію также „бездѣльники. — Чтожъ теперь скажешь? — „Я неправа. Милостивые государи, возмите

„мой плащъ; я перейду на вашу сторону: вы „сильнѣе.“

Фидиппидъ весьма хорошо пользуется наставленіями философіи, совершенно познаетъ, что такое *справедливость* и *несправедливость*, бьетъ заимодавцевъ, приходящихъ къ нему за долгомъ, и даже не щадитъ своего отца, доказывая ему философски, что онъ имѣетъ право бить его. (*Философы* нашихъ временъ *доказывали* еще хуже: но никто и никогда не слыхивалъ, что бы въ семъ состояла *философія* Сократова.

Всякой, читающій со вниманіемъ творенія Аристофановы, долженъ спросить самаго себя, во первыхъ, по какимъ причинамъ, въ теченій нѣкотораго времени, терпимы были такія театральныя зрѣлища, каковыхъ не находимъ ни въ одномъ изъ всѣхъ прочихъ народовъ, и которыя со временемъ запрещены были и въ самыхъ Аѳинахъ; потомъ, какимъ образомъ народъ Аѳинскій, вѣру свою весьма строго наблюдавшій, позволялъ комикамъ своимъ издѣваться надъ богами и выводить ихъ на театръ; наконецъ, какимъ образомъ народъ столь вѣжливый могъ равнодушно слушать грубыя ругательства и похабства, въ присутствіи его произносимыя? Я постараюсь объяснить всѣ сіи вопросы вѣроятными и краткими доводами.

Вопервыхъ можно принять за правило, что драматическое зрѣлище, по самому свой-

ству своему, должно много зависѣть отъ правленія; отъ нравовъ и обыкновеній различныхъ народовъ. Слѣдовательно ему и надлежитъ, до извѣстной однакожъ степени, измѣняться по разности земель, въ коихъ оно учреждено, и по разности временъ: что самое и случилось у Аѳинянъ. Изгнаніемъ Пизистратидовъ свергнувъ съ себя иго тиранніи, они предалися необузданной вольности и всѣмъ злоупотребленіямъ демократіи. Сіи злоупотребленія умѣряемы были любовію къ отечеству, каковою наполнена была вся Греція во время нашествій Дарія и Ксеркса. Но какъ съ одной стороны угрожавшая опасность возродила великія добродѣтели и непреоборимыя усилія, то съ другой стороны побѣда и благодѣяніе произвели гордость и развращеніе. Аѳинскій народъ вдругъ ослѣпился и своимъ могуществомъ и своимъ счастіемъ. У себя, былъ онъ властелиномъ правленія, а внѣ предписывалъ законы народамъ Греческимъ. Всѣ великіе мужи, виновники сего могущества, изпытали неблагодарность, подъ личиною любви къ свободѣ скрывавшуюся, но въ самомъ дѣлѣ произходящую отъ зависти, свойственной республиканцамъ: которые избавясь отъ непріятелей, обыкновенно начинаютъ болѣться своихъ защитниковъ. Наконецъ, во времена Перикла и Аристофана Аѳины составляли республику сильнѣйшую, богатѣйшую, тщеславнѣйшую и развращеннѣйшую во всей Греціи. Самъ Периклъ, который впрочемъ былъ въ великомъ уваженіи у своихъ согражданъ и коего самое

важное дарованіе состояло въ совершенномъ познаніи свойствa Аѳинскаго народа, возчувствовалъ нужду льстить ему, дабы чрезъ то онъ былъ въ состояніи дѣлать ему добро. и подвергнулся упрекамъ, будто бы привелъ еще въ большую силу духъ безначалія, которое ограничить было бы весьма полезно. Онъ не смѣлъ противиться своевольству Аристофана, ибо оно весьма нравилось народу, почитавшему таковое явное осмѣяніе поступковъ, однимъ изъ преимуществъ народной вольности. Уже и одна сія причина сіоль важна и благовидна, что даже многіе и въ наше время, при всемъ своемъ неудовольствіи на Аристофана, полагаютъ, что таковый комическій стихотворецъ могъ быть полезенъ въ республикѣ. Мнѣніе сіе было бы конечно справедливо, естьли бы возможно было увѣриться, что человѣкъ, коему поручается отправлять на театрѣ должность цензора, будетъ слѣдовать неизмѣнному гласу справедливости и истины. Но и при самомъ маломъ вниманіи видѣть можно, что и тотъ самый, который былъ достоинъ порученія сей толико опасной должности, откажется отъ оной, будучи совершенно увѣренъ, что всякое позволенное обвиненіе, неимѣющее нужды въ доказательствахъ и опѣтственности, есть уже и по сему одному сущая клевета и подлость. Я позволилъ бы въ республикѣ каждому гражданину имѣть право обвинять другаго; однакожъ чтобы сіе производимо было законно, въ судилищахъ и съ предоставленіемъ судимому права защищаться. А

какимъ образомъ можно отвѣчать на поноше-
ніе, ругательства, насмѣшки, злыя и вѣроломныя пронырства, каковыми наполняются драматическія сатиры? Когда многочисленному собранію говоритъ одинъ человѣкъ и хочетъ забавлять оное на щетъ также одного какого либо частнаго человѣка; то нужно ли говорить правду, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ или ненавистнымъ? и не тутъ-ли ложь находитъ самое приличное ей мѣсто? Правило сіе, будучи само по себѣ ясно, не утверждено ли еще и самымъ дѣломъ? Большая часть людей, коихъ Аристофанъ злословилъ съ крайнимъ неистовствомъ, не были ли мужи самые почтенные? Послушаемъ, что говоритъ о семъ Цицеронъ, коему не льзя не вѣрить, и который былъ также ревностный республиканецъ, какъ и всякой другой. Какимъ образомъ отзывается онъ о древней Греческой комедіи, о той самой, о которой мы теперь говоримъ? „Кого пощадила она? кого „не оскорбила? Дѣло было бы совсѣмъ иное, „естьли бы злословіе падало только на худыхъ „гражданъ, на Клеона, на Гипербола, Клеофо„на, тогда было бы оно еще нѣсколько сносно. „Но чтобы такой человѣкъ, каковъ Периклъ, „не взирая на оказанныя имъ въ теченіе мно„гихъ лѣтъ услуги отечеству въ военное и „мирное время, былъ обруганъ на театрѣ и „описанъ черными красками въ стихахъ „сатирическихъ, сіе сдольже кажется мнѣ „непристойнымъ, какъ естьли бы между на„ми Невій и Цецилій осмѣлились поносить

„Катона Цензора, или Сципіона Африкан-
„скаго.„

Я не настою въ томъ, чтобы театръ не имѣлъ дѣйствія на умы публики, дѣйствія столь драгоцѣннаго республиканцамъ. Я желаю, напротивъ того, придать ему болѣе силы и пользы, замѣнивъ личное ругательство и безславіе, могущее быть равно вреднымъ пороку и добродѣтели, и притомъ не превышаетъ силъ и самаго посредственнаго писателя, нѣкоторымъ родомъ драматической цензуры, заключающей въ себѣ болѣе дарованія и болѣе нравственности, и могущей въ тоже самое время произвесть сильное дѣйствіе. Я говорю стихотворцамъ: изображай общія качества друзей и враговъ народнаго блага: ежели вы совершенно проникните сіи качества и живо и вѣрно изобразите оныя, то каждый частный человѣкъ самъ собою помѣстится въ сіе изображеніе; всякой изъ зрителей тотчасъ узнаетъ его, такъ какъ мы удобно узнаемъ лица, точно изображенныя на картинахъ. Ибо существуетъ нѣкоторый родъ всеобщаго сознанія, которое стольже справедливо, какъ и совѣсть каждаго человѣка, и когда люди находятся въ собраніи, то совѣсть сія говоритъ столь сильно, что никакая власть на свѣтѣ, ни даже самые воины Нероновы (какъ свидѣтельствуетъ исторія) не могутъ принудить ее къ молчанію.

Впрочемъ истинна сія всѣмъ вообще и повсюду была ощутительна; ибо около вре-

менѣ Александра Македонскаго, когда Аѳины, при всей своей слабости, пользовались еще свободою, всѣ пороки и недостатки древняго театра были изтреблены силою законовъ, дозволявшихъ вводить въ комедію однѣ токмо вымышленныя имена и произшествія. Сему подражали и Римляне; ибо примѣчено, что Римское правительство, пропустившее сатиры Луциліевы, въ которыхъ разруганы самые сильные и знаменитые граждане, наконецъ почитало сіе своевольство весьма опаснѣйшимъ на театрѣ. Онъ комикамъ своимъ запрещало охуждать кого либо лично, и по примѣру тогдашнихъ Грековъ, позволяло представлять на театрѣ такія только комедіи, коихъ содержанія были вымышлены. Нѣтъ примѣра, чтобы Римляне могли равнодушно сносить наглыя шутки Аристофановы, и что бы ихъ цензоры уступили шуту важнѣйшую свою должность имѣть строжайшій надзоръ за поступками своихъ согражданъ.

Другой родъ своевольства, принадлежавшаго театрамъ сихъ народовъ, состоялъ въ томъ, что они выводили на оный боговъ своихъ и шутили надъ ними самымъ язвительнымъ образомъ. Убѣдительнѣйшимъ примѣромъ служитъ *Амфитріонъ* Плавтовъ; въ немъ увидимъ мы, какимъ образомъ Меркурій отзывается о Юпитерѣ и о себѣ самомъ. Въ Эврипидѣ видѣли мы великія кощунства противу боговъ; но Аристофанъ поступаетъ съ ними еще жесточе. И что бы ни говорили въ защиту сей терпимости въ такомъ городѣ, каковы были Аѳины, коего

правители и судіи оказывали великую строгость въ дѣлахъ, до вѣры касающихся, однакожъ справедливо и то, что при разсматриваніи древнихъ нравовъ встрѣчается почти непреодолимое затрудненіе въ рѣшеніи, почему древніе народы въ одномъ и томъ же предметѣ были и весьма равнодушны и чрезвычайно строги? Алкивіадъ былъ вызванъ обратно изъ Сициліи, гдѣ начальствовалъ онъ Аѳинскими войсками, ему надлежало оправдываться въ обвиненіи, на него взведенномъ, что онъ не почиталъ боговъ; но въ тоже самое время, когда его судили, тѣже боги уничижаемы были на театрѣ предъ цѣлымъ чародомъ, который только надъ ними смѣялся. Сего будетъ еще весьма недостаточно, ежели положатъ различіе между богами вѣры и богами баснословія, между божествами жрецовъ и божествами стихотворцевъ: правда различіе сіе имѣетъ нѣкоторую основательность, но кто намъ покажетъ сущность ея, и въ чемъ именно оная состояла? Кто назначитъ точные предѣлы между тѣмъ, что почитать, и между тѣмъ, чего гнушаться надлежало? Сей-то мѣры намъ и не достаетъ, безъ которой ничего рѣшительнаго сказать не можемъ. Извѣстно, что всѣ преданія стихотворцевъ не входятъ въ составъ языческой вѣры; но при всемъ томъ боги баснословія, по многимъ отношеніямъ, суть тѣжъ самые, о которыхъ упоминаетъ исторія. Вакхъ имѣлъ какъ во храмахъ, такъ и при народныхъ торжествахъ тѣжъ самыя принадлежности, каковыя приписываетъ ему Аристофанъ въ своей комедіи

Жабы. Ни Эврипидъ, ни Аристофанъ, ни Плавтъ нигдѣ и нималѣйшаго не показываютъ различія, которыхъ боговъ осмѣивать и которыхъ изъ нихъ уважать надлежало; и сіи писатели, имѣвшіе обыкновеніе говорить зрителятъ обо всемъ откровенно, не открыли имъ только сей тайны.

Обыкновеніе стихотворцевъ выводить боговъ на театръ и смѣяться надъ ними не можно приписывать невѣжеству или простотѣ, потому что произходило сіе уже во времена просвѣщенныя. Лучшее въ семъ случаѣ кажется мнѣ, оправданіе, есть то, что представленія драматическія возъимѣли начало свое отъ празднествъ, каковыя отправляемы были въ честь Вакху, и что при отправленіи оныхъ позволяемо было все то, что могло веселить и смѣшить народъ. Упоенные виномъ земледѣльцы, развалившись въ телѣгахъ своихъ, смѣло могли ругать всѣхъ, и никто не имѣлъ права на то жаловаться, подобно, какъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ городахъ во время карнавальныхъ маскерадовъ позволяется простому народу смѣяться надъ прохожими. У Римлянъ во время Сатурналовъ народъ таковымъ же пользовался своевольствомъ. Думаютъ, что зрѣлища у Грековъ, сохраняя свойство, ими полученное при самомъ учрежденіи своемъ, долгое время не подлежали никакому правилу, и все представляемое на оныхъ, лишь только бы увеселяло зрителей, почиталось хорошимъ. Римляне, подражая Греческому театру, возпользова-

лись также вольностію, и при народныхъ увеселеніяхъ позволяли употреблять то, что во всякое другое время строго запрещалось. Вотъ благовидныя оправданія своевольства древнихъ драматическихъ писателей; и мы должны довольствоваться симъ объясненіемъ, потому что не имѣемъ лучшаго.

Хотя срамословіе, часто встрѣчающееся въ Аристофанѣ и непристойность въ нравахъ, каковую увидимъ мы въ комедіяхъ Плавта, для насъ равно отвратительны, но причину тому найти не трудно. Языки Аѳинскій и Римскій были не столь скромны, какъ нашъ.

Le latin dans les mots brave l'honnêteté. (*)

Говоритъ Буало. Тожъ самое сказать можно и о Грекѣ. Уже примѣчено, что не всѣ языки имѣютъ одинакую разборчивость. Даже и Французскій языкъ, въ семъ отношеніи, подверженъ былъ многимъ измѣненіямъ; ибо въ Мольерѣ весьма часто встрѣчаются такія слова, которыя въ его время почитались пристойными, но нынѣ не льзя употребить ихъ ни въ хорошемъ обществѣ, ни на театрѣ. Слѣдовательно обыкновеніе, привычка и предразсудокъ положили въ знаменованіи и употребленіи словъ ощутительное различіе. Поелику у Грековъ, и даже у Римлянъ, хотя

(*) Римлянинъ въ словахъ своихъ не наблюдаетъ благопристойности.

и не всегда, одинѣ только разпутныя женщины могли жить свободно и вмѣстѣ съ мущинами: то молодые люди по укоренившейся въ нихъ привычкѣ жить вмѣстѣ съ женщинами сего рода, между шѣмъ, какъ матери семействъ не выходили изъ домовъ своихъ, не имѣли причины наблюдать въ обыкновенныхъ и ежедневныхъ разговорахъ строжайшей скромности. Благопристойность, наблюдаемая нынѣ въ общежитіи, могла усовершиться только у такого народа, у коего всегдашнее обращеніе людей обоего пола долженствовало не вдругъ, а постепенно, водворить общій вкусъ и очистить языкъ, въ общественныхъ бесѣдахъ употребляемый. Общество, такимъ образомъ состовленное, должно по всей справедливости зависѣть отъ власти женщинъ: онѣ содѣлались необходимыми законодательницами онаго. Мущины могутъ повелѣвать во всякомъ другомъ мѣстѣ; но здѣсь вся власть принадлежитъ совершенно женскому полу, который получилъ отъ самой природы даръ научать мущинъ кротости и учтивости. Какъ скоро оба пола соединяются, какъ скоро соединеніе сіе становится обыкновеннымъ путемъ къ благополучію; то взаимная требуетъ польза, что бы кротчайшій и любезнѣйшій изъ нихъ предписывалъ законы, и чтобы тотъ полъ, который доставляетъ сообществу большее удовольствіе и приятности, имѣлъ въ ономъ болѣе силы и дѣйствія. Тогда-то непремѣнно надлежало произойти сему правилу: въ присутствіи женщинъ никогда не произноситъ такого слова,

которое можетъ заставить ихъ покраснѣть отъ стыда ; отсюда произходитъ то почтеніе, каковое всякой, хотя нѣсколько вѣжливый человѣкъ, оказывать имъ будетъ; сей родъ дани для нихъ гораздо пріятнѣе, гораздо лестнѣе, нежели желаніе имъ нравиться , потому что одно возбуждается прелестію, женскому полу вообще принадлежащею, а другое служитъ изъявленіемъ почтенія; отсюда произходитъ уваженіе, оказываемое врожденной женщинамъ скромности, которая должна быть для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что придаетъ имъ новую прелесть, новую привлекательность, и которая всегда сопутствуетъ изъявленію ихъ чувствительности.

Таково было обращеніе при Дворѣ Людовика XIV. Оно весьма ощутительно во всѣхъ оставшихся намъ памятникахъ, оно послужило образцемъ для другихъ Европейскихъ народовъ, и наконецъ оно опредѣлило свойство вѣжливости Французовъ. По симъ-то признакамъ отличается нынѣ хорошія общества, по всей справедливости имя сіе заслуживающія. Французскій народъ, конечно, никогда не оставитъ сего пріятнѣйшаго и полезнѣйшаго свойства, которымъ онъ доселѣ отличался.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Латинской комедіи.

Ежели о Латинской комедіи судить по всей спрогости, то увидимъ, что ее никогда и не бывало, по тому что Римляне или переводили Греческія комедіи, или подражали онымъ; дѣйствующія лица были у нихъ всегда иностранцы, и во всѣхъ ихъ комедіяхъ дѣйствіе произходитъ въ какомъ нибудь Греческомъ городѣ. Можно ли назвать Латинскими комедіями такія драматическія сочиненія, въ которыхъ, кромѣ языка, нѣтъ ничего Латинскаго? Зрѣлище сіе не можетъ назваться отечественнымъ. Французскій театръ заслужилъ сіе названіе не прежде, какъ со временъ Мольера: до него всѣ наши комедіи были Испанскія, потому что *Лопе де Вега, Кальдерона, Роксасъ* и многіе другіе были первыми образцами для нашихъ сочинителей. Дань сію платятъ обыкновенно всѣ тѣ народы, кои далече отстали отъ поприща наукъ и искусствъ; но вступивъ на оный послѣ другихъ, они по крайней мѣрѣ имѣютъ надежду и способъ идти далѣе своихъ предшественниковъ, и Французы приобрѣли сію славу, которой не доставало Римлянамъ.

Сочиненія Эннія, Невія, Цецилія, Аквилія и многихъ другихъ, подражавшихъ Грекамъ, не дошли до насъ. Послѣ Плавта осталось намъ двадцать одна комедія; онъ писалъ во время

второй Пунической войны. Главнѣйшіе источники, откуда онъ почерпалъ свои мысли, были творенія Эпихарма, Дифила, Демофила и Филемона. Судя по его подражаніямъ не льзя имѣть высокаго мнѣнія о тѣхъ, кои служили ему образцемъ. Комическое искусство Плавта весьма недостаточно; онъ столь скуденъ въ изобрѣтеніи, столь единообразенъ въ слогѣ, что всѣ его комедіи сочинены почти на одинъ образецъ, въ каковомъ состояніи долго пребывало Италіянское комическое искуство, т. е. драматическое содержаніе разными образами передѣланное, но коего дѣйствующія лица всегда одинаковы. Въ каждой комедіи увидите какую либо разпутную женщину, старика или старуху ее продающую, молодаго человѣка, который ее покупаетъ и чтобы выманить у отца своего денегъ, употребляетъ онъ къ тому хитраго и проворнаго своего слугу. Присовокупите къ сему еще тунеядцевъ, которые были не иное что, какъ родъ подлыхъ услужниковъ, и коихъ ремесло какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ состояло въ томъ, чтобъ быть готовыми къ услугамъ покровителя, который ихъ кормилъ; далѣе увидите хвастливаго воина, коего нелѣпое чванство послужило одному изъ древнихъ Французскихъ писателей поводомъ къ сочиненію комедіи подъ названіемъ *Хвастуны*, которая въ нынѣшнія времена не является даже и на площадныя наши игрища. Таковы-то свойства непрестанно встрѣчаются въ комедіяхъ Плавта. Сіе единообразіе дѣйствующихъ лицъ и комическихъ прикю-

ченій по крайней мѣрѣ кажется только скучнымъ; напротивъ того единообразность слога и разговора отвратительна и несносна. Всѣ дѣйствующія лица во всѣхъ своихъ комическихъ положеніяхъ разговариваютъ всегда одинаково; а разговоръ ихъ состоитъ изъ шутокъ, по большей части, нелѣпыхъ, глупыхъ, грубыхъ. Старики, молодые люди, женщины, невольники, воины, самохвалы, всѣ хотятъ быть шутами, острословами, и не иначе изъясняются какъ глупыми поговорками и грубыми шутками. Кажется Плавтъ, и всѣ тѣ, коимъ онъ подражалъ, не разумѣли, въ чемъ состоитъ забавной комическій слогъ, и острыя шутки приличныя театру.

Онъ долженъ быть естественъ и сообразенъ съ положеніемъ и нравами: комическія дѣйствующія лица не должны быть такими шутами, которые стараются, какимъ бы то образомъ ни было, возбуждать въ другихъ смѣхъ; стихотворцу надлежитъ заставлять ихъ дѣйствовать и говорить такъ, что бы зрители смѣялись ни мало не примѣчая, что лицедѣй нарочно старается ихъ смѣшить; безъ сего искуства призракъ изчезаетъ. Строптивость и досада *Нелюдима*, таинственный и хитрый разговоръ *Тартюфа* заставляютъ насъ смѣяться; но ни сколько не примѣтно, чтобы который нибудь изъ нихъ имѣлъ намѣреніе смѣшить: они смѣшны по тому, что изображены точно, естественно, по тому что они никому не подражаютъ. И по сей-то причинѣ ничего

нѣтъ лучше *Нелюдима*, когда онъ говоритъ цѣлому обществу, которое весьма забавляется его прихотями:

> Par la sambleu, messieurs, je ne croyais pas être
> Si plaisant que je suis.

И дѣйствительно, онъ сего не думаетъ, онъ не долженъ сего думать, и по сей-то самой причинѣ чрезвычайно смѣшенъ. Но когда любовникъ, не давно лишившійся своей любовницы или поссорившійся съ нею, когда слуга ожидаетъ жестокаго наказанія, когда отецъ раздраженный на дѣтей и слугъ своихъ, занимаются только шутками, тогда уже нѣтъ комедіи, а остается только одна шутка.

Плавтъ не лучше сего знаетъ и всѣ прочія театральныя приличности. Дѣйствующія лица его ежеминутно обращаютъ къ зрителю продолжительныя разсужденія, длинные монологи, и непрестанно съ ними разговариваютъ. Явленія его наполнены длинными разговорами *въ сторону*, неимѣющими никакого правдоподобія; дѣйствующія лица его приходятъ и уходятъ безъ всякой причины, или оставляютъ театръ пустымъ. Люди, сказывающіе о себѣ, что они весьма заняты, мѣшкаютъ на театрѣ, разговариваютъ по пустому четверть часа, когда ничто ихъ не удерживаетъ идти для отправленія своего дѣла. Наконецъ, сочинитель имѣетъ кажется цѣлію подражать той при-

родѣ, которой подражать не должно; ибо выводитъ онъ на театръ нравы женщинъ развратныхъ и всю мерзость, каковою заражены мѣста непотребныя; и хотя, даже и въ наше время, были столь безразсудные сочинители, которые полагали, что подобное изображеніе могло быть къ чему нибудь полезно и имѣетъ нѣкоторое достоинство; но утвердительно сказать можно, что писатель и художникъ не должны никогда представлять предметовъ такого свойства, на кои честный человѣкъ смотрѣть не можетъ.

Плавтъ въ свое время весьма славился, и слава его дошла даже до временъ Августа. Варронъ, Квинтиліянъ, Цицеронъ отзываются о немъ съ похвалою, хотя сочиненія Теренціевы тогда уже существовали. Особенно хвалятъ Плавта за то, что онъ хорошо зналъ свойство языка своего; сіе достоинство было у Римлянъ весьма важно, а наипаче въ такомъ сочинителѣ, который писалъ прежде, нежели Латинскій языкъ достигъ до своего совершенства; но и при такомъ достоинствѣ, сочинитель можетъ имѣть весьма худой вкусъ въ комическихъ шуткахъ и заставить дѣйствующія лица разговаривать безъ связи и нелѣпо. Горацій, судія остроумный и разборчивый, отзывается о Плавтѣ слѣдующимъ образомъ: „Предки наши удивлялись спи„хамъ и острымъ словамъ Плавта съ нѣко„имъ пристрастіемъ, которое назвать мож„но глупостію.“ Но не уже ли онъ не имѣлъ никакого достоинства? Имѣлъ, и вотъ оно:

въ немъ есть нѣкоторыя прямо комическія положенія, нѣкоторыя весьма забавныя явленія, наконецъ свойство *Скупаго*, которое по всей справедливости одно заслуживаетъ сіе имя, и которое Мольеръ содѣлалъ безсмертнымъ. У Плавта заимствовали: Мольеръ *Алфитріона*, *Скапина*, и нѣкоторыя другія весьма удачныя мысли; Реньярдъ *Менехмовъ* и *Нечаянное Возвращеніе*. Вотъ настоящая его слава; ибо хотя оба сіи комика въ тѣхъ комедіяхъ, въ коихъ они подражали Плавту, гораздо превзошли его; однако дѣлаетъ ему честь и то, что удачными мыслями сего Латинскаго комика не постыдились воспользоваться столь знаменитые писатели.

Замѣтимъ однакожъ, что ни которое изъ сихъ сочиненій не занимаетъ у насъ перваго мѣста, ни которое изъ нихъ не принадлежитъ къ такъ называемой вышшей комедіи; что *Скапиновы обманы* и *Нечаянное Возвращеніе* суть только малаловажныя комедіи, въ коихъ описываются пронырства и плутни слугъ; и естьли *Алфитріонъ и Менехмы* причисляются къ комедіямъ весьма забавнымъ, то не должно забывать и того, что обѣ онѣ, заключая въ себѣ нѣчто чудесное, весьма далеки отъ правдоподобія. Свойство *Скупаго* есть по всей справедливости, комическое; Мольеръ и здѣсь весьма далеко превзошелъ свой образецъ, онъ не только представилъ его въ положеніяхъ весьма разнообразныхъ, но и умѣлъ соединить его съ превозходною завязкою, а завязка Плавтова никуда не годится; или

лучше сказать оной совсѣмъ нѣтъ. Я ничего не скажу о прочихъ его комедіяхъ; разсмотрѣніе оныхъ было бы продолжительно, скучно и безполезно. Остановлюсь только на тѣхъ, коихъ сравненіе съ новѣйшими можетъ быть и любопытно и поучительно. Мольеръ почти-послѣдовалъ разположенію Латинской комедіи Амфитріона, прибавя къ оной ролю Клеанѳы, отъ чего и произошли презабавныя явленія, въ коихъ разговариваетъ она съ Созіемъ. Кромѣ сего, онъ сдѣлалъ еще одно явленіе, въ коемъ Меркурій не впускаетъ Созія въ домъ въ то время, когда хотятъ садиться за столъ. Впрочемъ каждому извѣстно, что онъ сдѣлалъ всѣ перемѣны, всѣ поправки, каковыхъ токмо требуетъ вкусъ очищенный, и что разговоръ его исправнѣе, точнѣе и болѣе привлекаетъ вниманія, нежели разговоръ Плавтовъ. Но не должно скрывать и того, что самыя удачныя мѣста Мольеровой комедіи принадлежатъ подлиннику. Мольеръ весьма хорошо поступилъ, что не подражалъ Плавтову прологу, состоящему изо ста пятидесяти стиховъ, которые говоритъ Меркурій предъ началомъ комедіи. Онъ замѣнилъ оный разговоромъ весьма замысловатымъ между Меркуріемъ и Ночью. Здѣсь не безполезно будетъ привесть нѣкоторыя мѣста изъ Плавтова пролога. Вотъ онѣ:

„Я называюсь Меркуріемъ. Юпитеръ при-
„слалъ меня просить васъ съ кротостію и
„покорностію быть къ намъ благосклонными;
„ибо отецъ мой, сказать правду, столь же

„трусливъ, какъ и всякой изъ васъ. Онъ родил-
„ся отъ смертныхъ, а потому и неудивитель-
„но, что боязливъ и робокъ. Я самъ, хотя
„и сынъ Юпитера, не смѣлѣе его, и пото-
„му думаю, что отецъ мой трусость свою со-
„общилъ и мнѣ....Сей Юпитеръ будетъ играть
„въ комедіи; я буду имѣть честь играть
„съ нимъ вмѣстѣ. Уже не въ первый разъ
„Юпитеръ представляетъ шута..... Впро-
„чемъ тебѣ извѣстно, что онъ охотникъ
„угождать своимъ прихотямъ; онъ весьма
„влюбчивъ. Принявъ на себя видъ Амфитрі-
„она, онъ забавляется теперь съ Алкменою.“
Въ послѣдующихъ за симъ стихахъ сочини-
тель объясняетъ содержаніе комедіи. Такимъ-
то образомъ издѣвались на театрѣ Рим-
скомъ надъ *премилосердымъ и превели-
кимъ* Юпитеромъ. Созій начинаетъ комедію
среди глубокой ночи, но онъ не имѣетъ фа-
наря, изъ коего Мольеръ дѣлаетъ весьма
удачное употребленіе. Онъ боится, чтобы
кто съ нимъ не встрѣтился и не побилъ
его, что однакожъ можно почесть против-
нымъ правдоподобію; ибо чѣмъ болѣе онъ
трусливъ, тѣмъ болѣе долженъ поспѣшать
домой, и тутъ не время вести съ самимъ
собою разговоръ, состоящій изъ двухъ сотъ
стиховъ, и приготовлять длинное повѣство-
ваніе, которое надлежало ему разсказать сво-
ей госпожѣ. Ему всего нужнѣе было войти
въ домъ. Мольеръ предчувствовалъ сіе возра-
женіе, и предупредилъ оное. Сказавъ около
двадцати стиховъ о страхѣ и объ участи
невольниковъ, Созій говоритъ:

Mais enfin dans l'obscurité
Je vois notre maison, et ma frayeur s'évade. (*)

Итакъ Созій успокоился. Онъ уже у воротъ своего дома: тогда-то приготовляется онъ исполнить, какъ можно лучше, свое посольство:

Il me faudrait pour l'ambassade
Quelque discours premédité. (**)

Здѣсь правдоподобіе соблюдено. За симъ слѣдуетъ извѣстный и весьма забавный разговоръ Созія съ своимъ фанаремъ, о которомъ въ Латинской комедіи ни слова не сказано. Плавтъ, оказывая иногда столь великое желаніе смѣшить въ то время, когда даже и не должно, впалъ въ семъ случаѣ въ погрѣшность совсѣмъ противуположную. Онъ заставилъ Созія разсказывать весьма продолжительно, подробно и важно о побѣдѣ Ѳивянъ; разсказъ сей могъ бы помѣщенъ быть въ исторію или въ какую нибудь поэму. Мольеръ сохранилъ свойство комедіи и приличіе театра. Онъ почувствовалъ, что зрители весьма малое обратили бы вниманіе на битву, и что комическое свойство зависѣло только отъ того, какимъ образомъ Созій разскажетъ объ оной. Онъ заставляетъ его начертывать, какъ онъ умѣлъ, разположеніе войскъ, весьма къ стати останавливаетъ его *на срединѣ войска*, и вводитъ Меркурія, когда Созій не знаетъ, что ему дѣлать. Такое представленіе нѣсколько лучше описанія Плавтова, которое неминуемо возбудило бы въ зри-

(*) А! слава богу, вотъ и домъ нашъ; теперь весь страхъ мой миновался.

(**) Ну, теперь надобно мнѣ приготовить посольскую рѣчь.

телѣ скуку. Другая погрѣшность не менѣе ощутительная въ Латинскомъ сочинителѣ состоитъ въ томъ, что Меркурій находится на театрѣ съ самаго начала комедіи. Онъ слышитъ весь разсказъ, всѣ разсужденія Созія, и съ той минуты, какъ сей послѣдній примѣтилъ Меркурія, Плавтъ заставляетъ ихъ разговаривать *про себя*, и симъ разговоромъ наполняетъ цѣлыя четыре страницы. Меркурій непомѣрно хвастается и грозитъ, дабы испугать бѣднаго Созія; а сей, хотя полумертвъ отъ страха, дѣлаетъ отвѣты, совершенно противные положенію, въ какомъ онъ находится. Мольеръ, какъ искуснѣйшій комикъ, не палъ въ сіи погрѣшности. Онъ вводитъ Меркурія въ надлежащее время и къ стати, не долго заставляетъ его говорить *про себя*, а Созій его, увидя Меркурія, поступаетъ приличнымъ сему обстоятельству образомъ, и не дѣлаетъ никакихъ грубыхъ ругательствъ. Тутъ видна вся разность между описаніемъ естественнымъ и изображеніемъ нелѣпымъ и уродливымъ. Созій возбуждаетъ смѣхъ не шутками и игрою словъ, а чрезмѣрностію своего страха. Можетъ быть покажется удивительнымъ, что подобнаго рода шутки находятся въ Плавтѣ. Но сіе удивленіе изчезнетъ, когда примемъ въ разсужденіе, что острословіе изобрѣтено было въ отдаленнѣйшей древности. На всѣхъ языкахъ играли словами; самъ Цицеронъ подаетъ сему многіе примѣры, и Буало, охуждая острыя слова, не возпрещаетъ человѣку забавному и веселому

употреблять оныя иногда. Но при томъ замѣчаніе, согласно со мнѣніемъ всѣхъ разборчивыхъ и благоразумныхъ людей, что уѣ человѣческій удобно вдается сему роду забавы, которую однакожъ надлежитъ употреблять весьма рѣдко и съ великою осторожностію. Приведемъ нѣсколько примѣровъ игры словъ, находящейся въ Плавтовомъ *Амфитріонѣ*. Меркурій говоритъ, что на канунѣ того дня онъ убилъ четырехъ человѣкъ. *Я весьма боюсь*, говоритъ Созій, *что бы сего дня не переименили имя и не назвали бы Квинтомъ. Квинтъ* есть слово Латинское, означающее *пятый*. Римляне употребляли его и вмѣсто имени собственнаго, и Созій не хочетъ быть *пятымъ*. Онъ продолжаетъ шутить такимъ же образомъ. Мер. *Я накормлю моими кулаками перваго, кто только со мною встрѣтится*. Соз. *Я уже поужиналъ; береги ихъ для голодныхъ*. Мер. *До меня долетѣлъ чей-то голосъ*. Соз. *Я сдѣлалъ очень худо, что не остригъ крыльевъ у моего голоси, ежели онъ охотникъ летать*. Мер. *Мнѣ хочется на спину ему насыпать нѣсколько ударовъ*. Соз. *Я и безъ того усталъ, и теперь не въ силахъ нести никакого вьюку*. Мер. *Но здѣсь кто-то говоритъ*. Соз. *Ну! слава богу; онъ меня не видитъ. Меня зовутъ Созіемъ, но не знаю кто онъ*. Мер. *Чей-то голосъ поражаетъ мой слухъ*. Соз. *Естьли голосъ мой поразилъ его, то я весьма опасаюсь, чтобы онъ не поразилъ меня*. Вся сія игра словъ свойственна арлекину, а

не Мольеру. Но я повторяю, что всѣ шутки слѣдующаго за симъ явленія, къ которымъ подаютъ случай два *Я* превозходны, и Мольеръ сдѣлалъ очень хорошо, что употребилъ ихъ въ своей комедіи. Онъ заимствовалъ также у Плавта два явленія, изъ коихъ въ одномъ Алкмена ссорится и мирится, а въ другомъ Меркурій стоя у окна говоритъ весьма грубо Амфитріону, и выводитъ его наконецъ изъ терпѣнія: у него же взялъ онъ и развязку, но умѣлъ принаровить ее къ нашему театру.

Комедія, изъ которой Мольеръ извлекъ ролю *Скупаго*, называется *Авлюля*, Латинское слово, означающее глиняный горшекъ, потому что Эвкліонъ, Плавтовъ Скупой, нашелъ въ домѣ своемъ кладъ, сокрытый покойнымъ дѣдомъ его въ глиняномъ горшкѣ. Во Французской комедіи, упоминаемое въ ней богатство не было найдено, но скоплено, что гораздо лучше. Сверьхъ того Гарпагонъ представленъ богачемъ, каковымъ и всѣми вообще былъ признаваемъ, что и содѣлываетъ его скупость еще ненавистнѣе и менѣе извинительною. Напротивъ того Эвкліонъ бѣденъ, и находится почти въ одномъ положеніи съ Лафонтеновымъ сапожникомъ, коего и сто талеровъ съ ума сводятъ. Эвкліонъ, найдя кладъ, всячески старается сберечь его. Онъ въ непрестанной заботѣ, и отказываетъ себѣ во всемъ, опасаясь, чтобы не почли его богатымъ. Картина сія справедлива, и всѣ черты ея разительны. Эвкліонъ начинаетъ

комедію также, какъ и въ Мольерѣ, браня свою служанку, воображая, будто она догадывается о кладѣ, и хочетъ украсть оный. Эвкліонъ непрестанно твердитъ, что онъ бѣденъ, это весьма хорошо; Гарпагонъ говоритъ тоже самое, и сіе еще лучше; ибо всякому извѣстно, что онъ богатъ. Эвкліонъ, посылаетъ со двора служанку свою въ то время, когда онъ идетъ во внутренность дома осматривать свой кладъ. Ему должно итти со двора, хотя и противъ желанія, но онъ имѣетъ на то хорошую причину; ибо идетъ въ народное собраніе, гдѣ раздавали тогда деньги. Причина сія была весьма сильная, чтобы заставить скупаго отлучиться отъ дому. Принужденъ будучи оставить служанку свою для присмотра за домомъ, онъ запрещаетъ ей никого не пускать въ оный, ни даже самое Счастіе, естьли оно придетъ. *О! это было бы весьма удивительно*, говоритъ служанка, *оно никогда насъ не посѣщало.* Эвкліонъ. *Стереги хорошенько.* Служ. *Да чтожъ я буду стеречь? Въ домѣ нашемъ нѣтъ ничего кромѣ паутины.* Эвкліонъ. *Я хочу, чтобы она была въ моемъ домѣ; не трогай ее. Я скоро приду назадъ: запри двери крѣпко накрѣпко, и не пускай никого, кто бы то ни былъ. Погаси огонь; дабы никто онаго не попросилъ. Я тебя прибью, естьли застану, что огонь не погашенъ. Естьли придутъ къ тебѣ за огнемъ, скажи, что у насъ его нѣтъ. Естьли кто нибудь изъ сосѣдовъ придетъ просить у тебя ножа, иголи, или*

какой нибудь другой домашней посуды, скажи, что воры все украли.

Всѣ сіи изображенія справедливы, точны, естественны; но напротивъ того слѣдующія суть странны и не имѣютъ нималѣйшаго правдоподобія. Говорятъ о Эвкліонѣ, что онъ жалуется, будто его грабятъ, когда выходитъ изъ трубы его дымъ; что ложась спать кладетъ себѣ въ ротъ раздувальный мѣхъ, дабы не терять напрасно своего дыханія; что онъ копитъ и бережетъ обрѣзки своихъ ногтей, и проч. Таковое изображеніе скупости чрезмѣрно. Равнымъ образомъ и слѣдующее требованіе Эвкліона, когда онъ осмотрѣвъ обѣ руки у невольника, говоритъ: *покажи третью*, есть совершенно противно правдоподобію. Эвкліонъ очень хорошо зналъ, что у человѣка бываетъ только двѣ руки. Мольеръ однакоже умѣлъ воспользоваться и сею мыслію. Гарпагонъ осмотрѣвъ одну руку, говоритъ, покажи *другую*, и осмотрѣвъ оную, говоритъ еще, *другую*, тутъ ничего нѣтъ излишняго, ничево невѣроятнаго, потому что скупой, бывъ занятъ сильною страстію, удобно могъ забыть, что онъ видѣлъ двѣ руки; но при всемъ томъ, онъ не повѣрилъ бы, что человѣкъ имѣетъ три руки. Плавтъ поступилъ въ семъ случаѣ какъ шутникъ, а Мольеръ какъ искусный комикъ.

Одинъ богатой сосѣдъ хочетъ жениться на дочери Эвкліона. Сей тотчасъ подумалъ,

что найденный имъ кладъ сдѣлался всѣмъ извѣстенъ: но сосѣдъ не требуетъ за нею *приданаго*, и Эвкліонъ успокоивается. Извѣстно, съ какимъ искуствомъ Мольеръ возпользовался словомъ *безъ приданаго*, оно доставило ему одно изъ лучшихъ явленій его комедіи. Зять Эвкліона посылаетъ къ нему во время его отсутствія поваровъ, для приготовленія свадебнаго стола, и приказываетъ принести къ нему всѣ припасы и всѣ поваренныя принадлежности. Эвкліонъ, возвратясь домой, поднимаетъ ужасный крикъ, бьетъ поваровъ, сгоняетъ ихъ съ двора, и оставляетъ у себя все ими принесенное. Это все очень хорошо; но мнѣ еще болѣе нравится мысль Французскаго стихотворца, который изображая скупаго своего влюбленнымъ, произвелъ сильную борьбу между двумя столь несогласными страстями. Совершенство комическаго сочиненія состоитъ въ противуположности характера съ настоящими обстоятельствами. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ досада и смятеніе скупаго, который готовится дать обѣдъ своей невѣстѣ, который хочетъ ее угостить, и притомъ жалѣетъ денегъ. При сихъ-то обстоятельствахъ стихотворецъ можетъ точно изобразить природу; и какой сочинитель успѣлъ въ ономъ лучше Мольера! Наконецъ кладъ Эвкліоновъ похищенъ невольникомъ, и въ тоже самое время дочь его обезчещена тѣмъ самымъ, который хотѣлъ на ней жениться. Эвкліонъ, не знаетъ сего послѣдняго произшествія; онъ ни о чемъ не думаетъ, какъ только о своемъ сокровищѣ; въ

сіе время является женихъ дочери его, проситъ у него прощенія въ своемъ преступленіи; одинъ говоритъ о сдѣланномъ дочери насиліи, а другой тоже самое твердитъ о похищенномъ сокровищѣ; таковой родъ недоумѣнія забавенъ и приличенъ театру; и Мольеръ чувствовалъ всю цѣну онаго; но французскій стихотворецъ употребилъ не столь безчестное средство. Молодаго человѣка, влюбленнаго въ дочь Гарпагона, переодѣлъ онъ слугою, и ввелъ въ домъ будущаго его тестя. Сіе производитъ тоже явленіе, шѣже признанія, тотъже двусмысленный разговоръ, и наконецъ сіе возклицаніе, обратившееся въ пословицу, les beaux yeux de ma cassete ! *прекрасные глаза моего баула!* Здѣсь слова сіи не походятъ на шутку; ибо не возможно, чтобы Гарпагонъ не сказалъ оныхъ. Онъ видитъ признающагося преступника; ему говорятъ о сокровищѣ; онъ думаетъ только о богатствѣ своемъ; о своемъ баулѣ; наконецъ ему говорятъ о прекрасныхъ глазахъ. *Прекрасные глаза моего баула!* слова сіи должны были вырваться по неволѣ. Правда онѣ слишкомъ шутливы; но стихотворецъ въ томъ невиноватъ: ему хотѣлось только сказать слово, внушаемое самою природою.

Ликонидъ, женихъ дочери Эвкліона, приказываетъ возвратить ему любезный его глиняный горшекъ со всемъ находящимся въ немъ золотомъ. Эвклионъ, возхищенный отъ радости, цѣлуетъ свое сокровище, любуется

имѣ. Ничего нѣтъ лучше; но слѣдующаго возклицанія, въ туже самую минуту произнесеннаго, никакъ ожидать было не можно: „Кому принесу я мою благодарность? Богамъ „ли, имѣющимъ сострадание къ честнымъ „людямъ, или друзьямъ моимъ, поступаю„щимъ со мною столь хорошо? и тѣмъ и „другимъ.„ И въ тужъ минуту отдаетъ онъ сокровище своему зятю, и соглашается, чтобы онъ и съ симъ сокровищемъ жилъ въ его домѣ. Невольникъ обращается къ зрителямъ и говоритъ: „милостивые государи, „скупой Эвкліонъ вдругъ перемѣнилъ нравъ „свой: онъ сдѣлался щедрымъ. Естьли и вы „также желаете быть къ намъ щедрыми, „то похвалите насъ.„

Что касается до меня, то я не могу похвалить сей развязки; она весьма несогласна съ природою и совершенно противна самому основательному правилу театральнаго искусства, чтобы до самаго конца сочиненія соблюдаемо было единство нрава. Скупой не вдругъ перемѣняется, а особливо въ такую минуту, когда отысканное имъ сокровище должно быть ему гораздо драгоцѣннѣе и любезнѣе прежняго. Я охотно похвалю искуспво, показывающееся въ остальной части роли; но сія развязка и прочія погрѣшности въ сей комедіи служатъ доказательствомъ, что Плавтъ въ драматическомъ стихотворствѣ былъ весьма несвѣдущъ.

Основа комедіи *Менехмы* всякому извѣстна: вся сущность ея состоитъ въ тѣхъ

ошибкахъ и недоразумѣніяхъ, которыя почитаются обыкновенными и вѣрнѣйшими источниками комическаго искуства. Реньярдъ возпользовался содержаніемъ сей комедіи, и заимствовалъ изъ оной многія положенія; но обработалъ ихъ гораздо умнѣе: театральныя положенія у Реньярда сильнѣе, замысловатѣе и разнообразнѣе. Въ Плавшѣ, одинъ изъ двухъ Менехмовъ или близнецовъ, который еще въ дѣтствѣ своемъ былъ-похищенъ отъ родителей, пріѣзжаетъ въ Аѳины, гдѣ братъ его имѣетъ любовницу. Онъ прибываетъ въ то самое время, когда братъ его подарилъ любовницѣ своей прекрасное платье, принадлежащее его женѣ; разставаясь съ нею, онъ обѣщался придти къ ней вскорѣ; послѣ сего она приходитъ на площадь, видитъ тамъ недавно прибывшаго въ Аѳины Менехма, принимаетъ его за своего любовника, подходитъ къ нему и спрашиваетъ, для чего онъ заставляетъ себя долго ждать и нейдетъ къ ней, не имѣя никакого дѣла на площади. Точно тоже самое явленіе находится въ Реньярдѣ, когда Арамінта съ своею служанкою нападаетъ на пріѣзжаго Менехма. Но какая разность въ изображеніи? Менехмъ Плавтовъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи наконецъ пользуется сею ошибкою, соглашается на требованіе любовницы своего брата; „для чегожъ не согласиться, говоритъ онъ, нѣтъ ничего лучше, какъ имѣть хорошій обѣдъ, который ничего мнѣ не стоитъ.„ Онъ притворяется, будто хотѣлъ пошутить, а любовница, начиная уже выходить изъ терпѣнія, отдаетъ ему

подаренное ей платье съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ портному оное переправить и нашить нѣкоторыя украшенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что число тогдашнихъ женскихъ уборовъ было столько же велико, какъ и въ наше время. Вотъ нѣкоторыя названія, даваемыя Аѳинянками своимъ одеждамъ: *прозрачная, ржаной колосъ, малое бѣлое полотно, внутренняя, аллазистая, червленая, васильковая, иностранная*, и проч. Ясно, что Аѳинскія модныя торговки имѣли столь же изобретательный умъ, какъ и Парижскія: сіе замѣчаніе заслуживаетъ небольшее отступленіе.

Пришѣжій Менехмъ беретъ платье, обѣдаетъ, потомъ уноситъ съ собою дорогія вещи, которыя поручены ему отнести для починки къ бриліянщику. Говоритъ слугѣ своему, что онъ очень хорошо обманулъ. Поступокъ сей не весьма приличенъ человѣку, коего не выдаютъ за обманщика; и тѣмъ еще болѣе, что оный имѣетъ весьма мало комическаго; напротивъ того въ Ренъярдѣ видимъ мы весьма смѣшное бѣшенство обласпнаго Менехма, который думаетъ, что двѣ плутовки сговорились его обмануть; Арамінта и служанка ея почитаютъ себя разобиженными и презрѣнными. Здѣсь забавное доведено до высочайшей степени, когда Арамінта старается слезами своими привесть на жалость того, коего подозрѣваетъ она въ невѣрности, а Менехмъ будучи выведенъ изъ терпѣнія, и не зная какимъ образомъ изба-

виться отъ хлопотъ, проситъ и умоляетъ ее, подобно какъ умоляютъ обыкновенно демоновъ и сумасшедшихъ.

Esprit, démon, lutin, ombre, femme, ou furie,
Qui que tu sois enfin, laisse-moi, je te prie.

Вотъ самая совершенная картина, которую Плавтъ начерталъ только слегка.

Латинскій комикъ не показалъ никакого отличія въ нравѣ своихъ Менехмовъ; Реньярдъ напротивъ того весьма остроумно изобразилъ одного изъ нихъ человѣкомъ грубымъ и суровымъ. Симъ средствомъ явленія, въ которыхъ представляются люди, одинъ въ другомъ ошибающіеся, получаютъ бо́льшую живость. Присовокупя къ природной запальчивости человѣка еще постороннія неудовольствія, не трудно представить его сумасшедшимъ. Тогда всякое слово его покажется страннымъ. У Плавта, когда пришѣзжій Менехмъ упоминаетъ о кораблѣ, на коемъ прибылъ онъ въ Аѳины, тогда любовница брата его говоритъ: „боже „мой! о какомъ кораблѣ хочешь ты мнѣ гово„рить? *Мен.* О кораблѣ деревянномъ, кото„рый съ давнаго времени носитъ на себѣ „паруса, плаваетъ, становится на якорь, по„чинивается и получаетъ множество уда„ровъ молотомъ, онъ походитъ на лавку „скорняка; каждый лоскутъ пришитъ къ „другому.„ Сіе не иное что, какъ шутка. Реньярдъ подражалъ сему мѣсту, но во мно-

---

(*) Духъ ли ты! или демонъ, домовой, привидѣніе, вѣдьма или фурія, словомъ что ты ни есть, прошу тебя, оставь меня въ покоѣ.

гомъ исправилъ оное. Реньярдовъ областной Менехмъ упоминаетъ также о колескѣ, на коей пріѣхалъ онъ въ Парижъ.

Mais de quel coche ici me voulez-vous parler ?
Du coche le plus rude où mortel puisse aller;
Et je ne pense pas que de Paris à Rome,
Un coche, quel qu'il soit, cahote mieux son homme. (*)

Вотъ отвѣтъ, приличный человѣку, чувствующему великую досаду.

Я бы долго не кончилъ, естьли бы сталъ приводить здѣсь многія таковыя сравненія; для показанія разности между сими обоими сочинителями довольно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ. Вкусъ въ предметахъ, до умопроизведеній относящихся, есть нѣкоего рода чувство столько же тонкое и нѣжное, какъ и прочія чувства: ему нужно только намѣкнуть, а не толковать непрестанно.

Ищущіе содержанія для комической оперы могутъ найти оное въ самой забавной Плавтовой комедіи подъ названіемъ: *Казина*. Одинъ старикъ влюбленъ въ молодую сироту, воспитанную у него въ домѣ; онъ хочетъ выдать ее за одного изъ своихъ невольниковъ, съ тѣмъ условіемъ, что сей, какъ добрый слуга, уступитъ ему свои права.

(*) Но о какой почтовой колескѣ ты мнѣ говоришь? — О колескѣ самой безпокойной, самой прыской; думаю, что отъ Парижа до Рима ни одной не найдешь такой повозки, скольбы она худа ни была, которая могла бы больше натолкать бока путешественнику.

Условіе сіе совершенно сходно съ условіемъ, предлагаемымъ Графомъ Альмавивою Сусаннѣ *во Фигаровой женидьбѣ*, съ тою только разностію, что невольникъ гораздо сговорчивѣе. Жена сего старика, узнавъ о таковомъ его намѣреніи, покровительствуетъ другому невольнику, за котораго она хочетъ выдать воспитанницу. Послѣ многихъ споровъ между мужемъ и женою, наконецъ соглашаются кинуть жеребій. Любимецъ старика получаетъ невѣсту; но сговариваются обмануть стараго сластолюбца; вмѣсто новобрачной находитъ онъ дюжаго невольника, который поступаетъ съ нимъ весьма сурово. Развязка сія есть нелѣпая шутка; но при всемъ томъ мы находимъ нѣсколько подобныхъ сему примѣровъ, даже и на Французскомъ театрѣ, который, какъ уже довольно извѣстно, не всегда строго слѣдуетъ драматическимъ правиламъ.

Теренцій не имѣетъ ниодной изъ тѣхъ погрѣшностей, каковыя находятся въ Плавтѣ, кромѣ единообразія въ содержаніяхъ, котораго хотя и не могъ онъ истребить совершенно, но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ его менѣе ощутительнымъ, сколько отъ него зависѣло, на такомъ театрѣ, на который не дозволено было вводить любовныхъ связей съ женщиною свободною. Онъ могъ, такъ какъ и Плавтъ, давать молодымъ своимъ людямъ въ любовницы женщинъ только непотребныхъ. Что жъ онъ сдѣлалъ? Онъ нашелъ средство облагородить сего рода лица, такъ, что обратилъ на нихъ нѣкоторое вниманіе.

Онъ обыкновенно предполагаетъ, что онѣ дѣти, похищенныя отъ родителей и проданныя или обманомъ, или по какому нибудь другому несчастному случаю. Рожденіе ихъ дѣлается извѣстнымъ при концѣ комедіи; развязка сія ни сколько не противурѣчитъ предшедшему, по тому что сочинитель даетъ имъ честные нравы и изключительную страсть къ одному предмету. Такимъ-то образомъ сочинилъ онъ свою *Андріянку*, которой Французскіе комики подражали съ великимъ успѣхомъ. Въ Теренціи нѣтъ ни одного изъ тѣхъ подлыхъ свойствъ, каковыя видимъ въ комедіяхъ Плавта, никакого шутовства, никакой неблагопристойности, никакой грубости, никакой нелѣпости въ словахъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ сочинителей, онъ только одинъ ввелъ на театръ благопристойный разговоръ, языкъ страстей, и истинное изображеніе природы. Нравственность его чиста и поучительна, шутку употребляетъ онъ съ великою разборчивостію и со вкусомъ; въ разговорѣ его видна совершенная ясность, естественность, точность и красота. Въ разположеніи и во всемъ шествіи каждой его комедіи соблюдена театральная благопристойность. Чего жъ ему не доставало? бо́льшей силы и изобрѣтенія въ завязкахъ, бо́льшей привлекательности въ содержаніяхъ, бо́льшаго комическаго приличія въ свойствахъ представляемыхъ лицъ. Но справедливо ли, будто бы недостатокъ сей примѣченъ былъ Юліемъ Кесаремъ, который въ дошедшихъ до насъ стихахъ своихъ говоритъ о немъ слѣдующее? „Также и ты, по-

„лу-Менандръ помѣщенъ въ число знамени-
„тыхъ нашихъ писателей; сію честь заслу-
„живаешь ты по чистотѣ своего слога. Весь-
„ма желательно, чтобы къ прелести сочине-
„ній твоихъ присоединилась та комическая
„сила, которая моглабы сравнить тебя съ
„Греками. Вотъ чего не достаетъ тебѣ Те-
„ренцій, и я весьма о семъ сожалѣю.„

Ктожъ были тѣ Греки, кои имѣли сію ко-мическую силу, которой недоставало Теренцію? и по чему называетъ онъ его *полу-Менандромъ*? Извѣстно, что изъ двухъ комедій Греческаго сочинителя составилъ онъ одну свою комедію; и поелику ни въ одномъ изъ его сочиненій нѣтъ двоякаго дѣйствія, то и вѣроятно, что заимствованныя имъ комедіи были чрезвычайно просты. Избранный имъ предметъ обработываетъ очень хорошо; но только слабъ въ изобрѣтеніи; что же препятствовало ему пользроваться изобрѣтеніемъ Грековъ? Вопросъ сей останется всегда нерѣшеннымъ, потому что, къ крайнему сожалѣнію любителей словесности, многія древнія сочиненія до насъ не дошли.

Теренцій родился въ Африкѣ, а воспитанъ въ Римѣ. По видимому онъ былъ туда привезенъ еще въ юныхъ лѣтахъ; сему служитъ доказательствомъ совершенное его знаніе языка Латинскаго. Афраній, комическій стихотворецъ, славившійся въ тоже самое время, отзывается о немъ сими сло-

вами: *Вы никого не ставьте равнаго Теренціо.* Когда представилъ онъ первое свое сочиненіе *Андріянку* Эдиламъ, которые обыкновенно покупали комедіи для представленія оныхъ во время игръ, даваемыхъ ими народу; то Эдили до заключенія съ ними условія, послали его къ Цецилію, который по комическимъ своимъ сочиненіямъ считался тогда великимъ знатокомъ въ драматическихъ твореніяхъ. Престарѣлый стихотворецъ сидѣлъ за столомъ, когда Теренцій, будучи еще молодъ и неизвѣстенъ, и имѣя весьма мало обѣщающую наружность, къ нему явился. Сперва Цецилій велѣлъ поставить ему небольшой стулъ близъ ложа, на коемъ онъ самъ возлежалъ. Теренцій началъ читать комедію. Не успѣлъ еще докончить перваго явленія, какъ Цецилій всталъ, пригласилъ его ужинать, и посадилъ съ собою за столъ, а по окончаніи онаго выслушавъ всю комедію, разхвалилъ его до крайности. Вотъ похвальный примѣръ справедливости и честности, заслуживающій тѣмъ бо́льшее вниманіе, что весьма рѣдко случается, чтобы великіе писатели охотно хвалили своихъ совмѣстниковъ и любили своихъ преемниковъ.

Теренцій былъ невольникъ; Федръ также; Плавтъ доставлялъ себѣ пропитаніе работая на мѣльницѣ: Горацій былъ сынъ отпущенника. Съ другой стороны Кесарь и Фридрихъ упражнялися въ словесности; сіе доказываетъ, что она возвышаетъ людей самаго низкаго произхожденія, и не унижаетъ особъ васокаго рода.

Кажется, что въ Римѣ за долго, даже до временъ Августа, истинна сія была всѣми признаваема; ибо Сципіонъ и Лелій принимали участіе въ комедіяхъ Теренція. Исторія свидѣтельствуетъ, что онъ пользовался дружбою и благоволеніемъ сихъ двухъ великихъ мужей; и вѣроятно, что они помогали ему своими совѣтами, и что хорошій вкусъ ихъ научилъ его не слѣдовать вкусу Плавта.

Цецилій, какъ сказано выше, хвалилъ Теренція, напротивъ того, онъ имѣлъ великаго врага въ стихотворцѣ Луціи, на коего жалуется во всѣхъ своихъ прологахъ, какъ на самаго неистоваго и упорнѣйшаго изъ своихъ ругателей. Сей Луцій называлъ Теренція спицикомъ по тому, что онъ переводилъ Греческихъ сочинителей, а Теранцій оныѣпиствовалъ ему: „не всѣ ли наши комедіи за„имствованы отъ Грековъ?„ По видимому вся злость Луціева произходила отъ того, что самъ онъ не умѣлъ пользоваться Греческими твореніями съ равнымъ успѣхомъ, какъ Теренцій.

Впрочемъ и сей комикъ не всегда былъ счастливъ въ театральныхъ сочиненіяхъ. Комедія его подъ названіемъ: *Экира, свекровь* не была доиграна до конца; на самой срединѣ представленія сказано было, что мечебитцы въ циркѣ уже начали свои сраженія; весь народъ пошелъ туда для занятія своихъ мѣстъ; лицедѣи, видя себя однихъ на театрѣ, принуждены были оставить игру. Комедія сія по мнѣнію моему заслуживаетъ большее вниманіе предъ

всѣми прочими Терепціевыми комедіями, выключая содержанія; ибо желательно, чтобы въ оной находилось болѣе дѣйствія и живости. Но вымыселъ сей комедіи могъ бы послужить къ сочиненію того, что нынѣ называютъ *драмою*, который естьли бы былъ искусно описанъ, могъ бы обратить на себя великое вниманіе. Вотъ содержаніе сего романа. Молодый Аѳинянинъ во время одного изъ тѣхъ шумныхъ празднествъ, при которыхъ народъ пользовался чрезмѣрнымъ своеволіемъ, вышедъ изъ за стола въ самую глухую ночь, пьяный, встрѣчается въ нѣкоторой отдаленной улицѣ съ дѣвицею, и причиняетъ ей насиліе. Потомъ идетъ къ нѣкоей непотребной женщинѣ, которую онъ очень любилъ, и съ которою жилъ съ давняго времени, разсказываетъ ей о своемъ приключеніи, и даетъ ей кольце, отнятое имъ у сей дѣвицы. Нѣсколько времени спустя, отецъ его женитъ. Не переставая любить свою любовницу, онъ обходится съ молодою своею супругою цѣлые два мѣсяца съ совершеннымъ равнодушіемъ. Она сноситъ его холодность съ кротостію и неизмѣннымъ терпѣніемъ; не ропщетъ, но старается только ему нравиться, и возродить въ немъ къ себѣ любовь. Таковая ласковость подѣйствовала надъ его сердцемъ; онъ начинаетъ досадовать на нравъ своей любовницы; наконецъ совсѣмъ ее оставляетъ, и влюбляется въ свою жену; вскорѣ потомъ былъ принужденъ предпринять нѣкоторое по дѣламъ своимъ путешествіе. Дѣйствіе комедіи начинается возвращеніемъ

Памѳила, и все мною теперь изъясненное произходило внѣ театра. По пріѣздѣ своемъ, Памѳилъ узнаётъ, что Филумена (имя его жены), не могши жить вмѣстѣ съ своею свекровью, удалилась съ нѣкотораго времени къ своимъ родственникамъ; что въ самый сей день, Сострата (мать Памѳила) ходила къ своей невѣсткѣ и не была ею принята. Онъ отправляется туда самъ, и замѣчаетъ, что жена его недавно и тайно родила. Для него не было удивительно, для чего она скрывала свою беременность, ибо онъ знаетъ, что время, въ которое холодность его прекратилась, и въ которое онъ началъ съ нею жить, не можетъ быть согласно со временемъ рожденія младенца. Ему крайнѣ не хотѣлось обнаружить ея преступленіе, и въ горести своей полагаетъ твердое намѣреніе оставить ее навсегда. Но родители его и Филумены, коимъ тайна брачнаго ложа неизвѣстна, дивятся поступку Памѳила, и воображаютъ, что отдаленіе его отъ жены, не можетъ произходить ни отъ какой другой причины, какъ отъ возродившейся вновь любви къ Вакхисѣ, той непотребной женщинѣ, которую любилъ онъ прежде. Оба отца рѣшились ее призвать, и представить ей, сколь поступки ея вредны какъ ей самой, такъ и ихъ семейству; ибо приводятъ въ несогласіе мужа съ женою. Вакхиса клянется, что съ тѣхъ поръ, какъ Памѳилъ женился, она не имѣла никакого съ нимъ сообщества. Ее спрашиваютъ, можетъ ли она под-

твердить сіе при Филуменѣ и ея матери. Она соглашается, и свиданіе ихъ объясняетъ все, и доводитъ до развязки. Мать Филумены узнаетъ на рукѣ Вакхисы кольцо своей дочери, то самое, которое Памѳилъ снялъ съ руки обезчещенной имъ дѣвицы. Сія дѣвица была сама Филумена; о несчастіи своемъ открыла она только своей матери; а сія нимало не полагая, что Памфилъ былъ причиною ея беременности, и надѣясь прикрыть оную бракомъ, содержала несчастный сей случай въ тайнѣ.

Удивительно, по чему сія комедія, коея сущность обращала, можетъ быть, болѣе вниманія всѣхъ прочихъ Теренціевыхъ комедій, написана весьма холоднымъ слогомъ. Филумена не является на театрѣ; беременность ея не можетъ служить ему извиненіемъ; Теренцій могъ бы представить ее уже разрѣшившеюся отъ бремени въ домѣ своей матери, и за нѣсколько времени до возвращенія Памѳила. Вакхиса является только для разрѣшенія завязки: оба сіи дѣйствующія лица могли бы наибольшее обратить вниманіе въ зрителяхъ. Напротивъ того все происходитъ въ явленіяхъ и спорахъ между двумя сватами и свекровью, явленіяхъ безполезныхъ и скучныхъ. Комедія сія наиболѣе всѣхъ прочихъ оправдываетъ сдѣланный Теренцію упрекъ въ недостаткѣ драматической силы.

Брюэсъ и Палапратъ взяли изъ Теренціева *Эвнуха* содержаніе комедіи *Иѣлой*, ко-

его представленіе пріятно и забавно. Легко догадаться можно, что завязка во Французской комедіи гораздо живѣе завязки комедіи Латинской. Во всѣхъ вообще комедіяхъ древняго театра примѣтенъ недостатокъ въ силѣ, живости и дѣйствованіи, въ коихъ новѣйшіе театры имѣютъ предъ древнимъ великое преимущество. Положеніе нѣкоего влюбленнаго молодаго человѣка, введеннаго въ видѣ нѣмаго къ той особѣ, которую онъ любитъ, доставляетъ необходимо театральную игру, комическое дѣйствіе. *Херей* Теренціевъ, сошедъ подъ видомъ *Эвнуха* въ домъ нѣкоей развратной женщины, гдѣ живетъ дѣвица, въ которую онъ недавно влюбился, увидя ее шедшую по улицѣ, и которой вскорѣ послѣ того причинилъ онъ насиліе, доказываетъ только чрезмѣрную вольность и неблагопристойность театральныхъ нравовъ у древнихъ. Таковыя безчестныя произшествія часто попадаются въ ихъ драмахъ. Извинить ихъ можно только тѣмъ, что законы не полагали никакого наказанія за безчестіе, нанесенное дѣвицѣ несвободнаго состоянія. Въ *Эвнухѣ* Теренціевомъ, претерпѣвшая насиліе отъ Херея, признается наконецъ гражданкою, и Херей принужденъ былъ на ней жениться.

Самое нелѣпое обстоятельство, происходящее также отъ того развращенія нравовъ, которое при сравненіи древняго театра съ новѣйшимъ тщательно замѣчать должно, есть странный торгъ, заключенный въ

сей же самой комедіи между Федріемъ, любовникомъ разпутной женщины Ѳаисы, и полководцемъ Ѳразономъ, его соперникомъ. Ѳаиса проситъ съ простосердечіемъ Федрія, коего она любитъ, уступить мѣсто свое на два дня Ѳразону, обѣщавшему подарить ей молодую купленную имъ невольницу, которую она бы желала возвратить ея родственникамъ. Намѣреніе очень хорошо, но предложеніе показалось бы намъ нѣсколько необыкновеннымъ; однако Федрій соглашается. Онъ дѣлаетъ еще болѣе; въ концѣ комедіи, нѣкій шунеядецъ, другъ Ѳразона, представляетъ молодому любовнику Ѳаисы, что полководецъ сей богатъ, любитъ роскошь, имѣетъ всегда хорошій столъ, что Ѳаиса любитъ также и то и другое, и потому совѣтуетъ Федрію, не имѣющему способовъ къ доставленію себѣ удовольствія, что бы онъ подѣлился ею съ полководцемъ. Федрій на сіе соглашается. При всемъ томъ въ продолженіи всей комедіи показывалъ онъ себя весьма влюбленнымъ и ревнивымъ. Но какъ нравы сихъ народовъ дозволяютъ молодымъ людямъ любить только разпутныхъ женщинъ, то любовь ихъ походила болѣе на развратъ, нежели на страсть; а потому и одно сіе обстоятельство достаточно объясняетъ причину, по чему нравы наши придаютъ драматическому искуству болѣе привлекательности, нежели нравы древнихъ Грековъ и Римлянъ.

Сочинители комедіи *Нѣтаго* заимствовали у Теренція самыя лучшія обстоятель-

ства; но сверхъ того подлинникъ имѣетъ передъ ними еще и то преимущество, что подража- тели весьма далеки отъ него въ слогѣ и въ разговорѣ.

Жребій одному только Мольеру опредѣлилъ превзойти Теренція, даже и въ сей части сочиненія, когда онъ подражаетъ ему. Впрочемъ извѣстно, что во всѣхъ сихъ отношеніяхъ Мольеръ имѣетъ великое преимущество предъ всѣми древними и новѣйшими комиками. Изъ Теренціева *Форміона* заимствовалъ онъ главную завязку для сочиненія комедіи *Скапиновы Обманы*: здѣсь плутъ слуга обманываетъ двухъ легковѣрныхъ стариковъ, и обираетъ у нихъ деньги, дабы пособить оными любви двухъ молодыхъ людей; у Теренція, тунеядецъ играетъ тоже самое лице, условясь съ слугою. Но Французскій сочинитель весьма превзошелъ Латинскаго забавностью и комическою силою. За сію-то однакожъ комедію упрекаетъ справедливо его Буало въ томъ, что онъ соединилъ *Теренція съ Табариномъ*. И въ самомъ дѣлѣ Мольеръ сдѣлался шутомъ, чего не сдѣлалъ Теренцій; но намъ извѣстно также и то, что Мольеру нужно было шутовство, дабы понравиться черни, которая еще несовершенно была образована; и въ сей самой комедіи *Скапина*, все, въ чемъ не находится шутовства, несравненно превозходнѣе комедіи Теренціевой, и явленія, взятыя съ Латинскаго, имѣютъ совсѣмъ другое комическое свойство на Французскомъ.

Тожъ самое можно сказать и объ *Адельфахъ*, хотя комедія сія послѣ *Андріянки*, есть лучшее Теренціево сочиненіе. Мольеръ, въ комедіи *Школа мужей*, подражалъ противуположности двухъ братьевъ, изъ коихъ одинъ при-возпитаніи дѣтей употребляетъ строгость, а другой снизхожденіе. Достоинство *Адельфовъ* состоитъ въ той завязкѣ, что изъ двухъ молодыхъ людей, имѣющій болѣе свободы, употребляетъ оную во зло для того только, чтобы услужить брату, возпитываемому въ строгости. Естьли онъ похищаетъ дѣвицу открытою силою изъ дому нѣкоего купца, торгующаго невольниками, то дѣлаетъ сіе только для вручения ее своему брату, который ее любитъ; изъ сего происходитъ, что строгій наставникъ, сравнивающій непрестанно скромность своего возпитанника съ безпорядками, въ коихъ упрекаетъ онъ другаго, играетъ непрестанно ролю обманываемаго, и въ семъ-то состоитъ комическое искуство. Мольеръ весьма хорошо возпользовался онымъ, и въ комедіи *Школа мужей* опекунъ, употребляющій запоры и рѣшетки, непрестанно обманывается въ Изабеллѣ, коея выхваляетъ онъ цѣломудріе, въ то время, какъ Леонора, возпитанная въ правилахъ благоразумной свободы, ни на минуту не преступаетъ довѣренности своего опекуна. Но видно также, что разположеніе Мольера гораздо надежнѣе достигаетъ нравственной цѣли. Теренцій противуполагаетъ одну крайность другой: естьли одинъ изъ стариковъ отказываетъ во всемъ сыну своему, то другой, напротивъ того

даетъ своему во всемъ полную свободу: сіи двѣ крайности равно предосудительны; и Эсхинъ причиняя насилія и дѣлая долги для удовлетворенія своихъ прихотей, или въ угоду своему брату, не менѣе заслуживаетъ охужденіе въ своемъ поведеніи. Изъ сего произходитъ только то, что обманутый старикъ возбуждаетъ смѣхъ, хвастаясь такимъ воспитаніемъ, которое по существу своему столже неудачно, какъ и другое; напротивъ того Мольеръ къ смѣшной ошибкѣ присовокупилъ полезное нравоученіе. У него, опекунъ Леоноры дозволяетъ своей воспитанницѣ только то, что непротивно благопристойности. Онъ вознагражденъ успѣхомъ, равномѣрно какъ жестокій опекунъ наказанъ несчастіемъ, коего онъ самъ былъ причиною: все сдѣлано въ надлежащемъ порядкѣ, и разположеніе сіе совершенно.

Слабѣйшая изъ комедій Терепціевыхъ есть та, которая извѣстна подъ названіемъ *Эавтон-Тиморуменосъ*, или *Себя наказующій*. Здѣсь встрѣчается еще крайность, замѣщенная другою крайностію. Отецъ, разлучившій сына своего съ нѣкоею любимою имъ разпутною женщиною, принудилъ его удалиться, съ того времени онъ въ отчаяніи объ отсутствіи своего сына; онъ удалился въ деревню, гдѣ осуждаетъ себя на самыя трудныя работы. Можно легко видѣть причину сей печали; но по возвращеніи сына своего, онъ содѣлывается льстецомъ его страстей, и сообщникомъ своихъ невольниковъ, коихъ ложь и обманы онъ ободряетъ; все сіе есть совершенное излишество. Впрочемъ

завязка состоитъ въ ошибкѣ почти такой же, каковая находится въ *Адельфахъ*, но здѣсь она весьма холодна, ибо не кого было обманывать.

Шесть Теренціевыхъ комедій, дошедшихъ до насъ, написаны прежде, нежели сочинитель достигъ тридцати пятилѣтняго возраста. Онъ предпринялъ тогда путешествіе въ Грецію и погибъ на возвратномъ пути. Но о продолженіи сего путешествія, также о времени и обстоятельствахъ его смерти имѣемъ только преданія, да и то самыя невѣрныя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О лирической поэзіи древнихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Греческихъ Лирикахъ.

Оды у древнихъ народовъ, по общему всѣхъ мнѣнію, были пѣты. Самое слово *Ода* означаетъ пѣснь. Я не намѣренъ входить въ глубокія разсужденія о лирѣ Грековъ и Римлянъ, о согласіи музыки, пляски и стихотворства у сихъ народовъ; о строфахъ, антистрофахъ и перистрофахъ, означавшихъ движенія, дѣлаемыя для вторенія игравшему на мусикійскомъ орудіи; о мѣрѣ лирическихъ стиховъ, о вольности переходить изъ одной строфы въ другую, такъ что начатый смыслъ въ первой строфѣ оканчивался уже въ послѣдующей за оною, о возможности соглашать сіи пресѣченія смысловъ съ выраженіями музыки и движеніями пляшущихъ: всѣ сіи неудобства часто занимали ученыхъ, и многія изъ сихъ остаются еще необъясненными. Исторію художествъ у древнихъ можно себѣ представить нѣкоею обширною землею, усѣянною памятниками и развалинами, превозходнѣйшими произведеніями и малыми остатками оныхъ. Мы поставили себѣ за славу, однимъ подражать, а надъ другими дѣлать наблюденія. Но Геній оказалъ болѣе успѣха, нежели ученость; мы гораздо болѣе увѣрены, что Расинова Ифигенія превозходнѣе Эврипидовой, нежели въ томъ, что мы хорошо

поняли соображенїе и пособія всѣхъ искусствъ, которыя у Грековъ служили къ успѣшному представленію Ивгенїи.

Впрочемъ древніе не оставили намъ точнаго преданія о своихъ познаніяхъ и своихъ успѣхахъ. Они не приняли никакихъ предосторожностей отъ всесокрушающаго времени и варварства. Казалось, что они не спрашились ни того, ни другаго; и можетъ быть народы, долгое время на прозорище міра весьма важное лице представлявшіе, заслуживаютъ извиненіе въ томъ, что были обмануты ощущеніемъ своей славы и своего, такъ сказать, безсмертія.

Различіе въ нравахъ, въ вѣрахъ, въ правительствахъ, въ языкахъ должны были необходимо возродить также различіе въ искусствахъ, коимъ мы подражали, и которыя въ рукахъ нашихъ новый видъ возприяли. Итакъ тѣ же слова перестали означать тѣ же самыя вещи. Мы также называемъ нѣкое ироическое дѣяніе, состоящее изъ театральнаго разговора, именемъ трагедіи (что собственно значитъ *пѣснь козла*, потому что въ древнія времена въ награду за оную давали козла,) хотя трагедіи наши не поются, и хотя сочинитель *Осады Кале* получилъ въ награжденіе не козла, а золотую медаль. Итакъ мы имѣемъ оды, хотя онѣ и не пѣсни; и оды сіи состоятъ изъ строфъ, (т. е. *обращеній*), хотя никому и никогда не приходило въ голову оду на *Счастіе* превращать въ балетъ.

Здѣсь намѣренъ я только показать существеннѣйшую разность между одами, т. е. *пѣснями* древнихъ народовъ, и спихами, подъ именемъ одъ у насъ извѣстными, которыя никогда не поются, и даже рѣдко ихъ читаютъ.

Пѣснь представляетъ мнѣ вообще понятіе о нѣкоемъ внезапномъ вдохновеніи, о нѣкоемъ движеніи, потрясающемъ мою душу, о нѣкоемъ чувствованіи, коему необходимо должно обнаружиться; и попому, кажется мнѣ, что все, отъ внимательнаго разсматриванія, размышленія, и спокойнаго дѣйствія ума произходящее, не можетъ назваться таковою пѣснію. Слѣдственно *пѣснотворецъ* поражаетъ меня гораздо болѣе чувствованіями и картинами, нежели разсужденіемъ и умствованіемъ, и говоритъ болѣе моимъ чувствамъ, нежели разуму. Когда подъ перстами его звѣнящее мусикійское орудіе, когда непреоборимое дѣйствіе сладкогласія, когда чувствуемое имъ самимъ и производимое въ другихъ удовольствіе, сильно движутъ его душу, и ежеминутно усугубляютъ первое ощущаемое имъ впечатлѣніе; иогда приходитъ онъ въ сильное изступленіе; предметы какъ бы сами стремятся къ нему, и умножаются въ его взорахъ съ толикоюжъ быстротою, съ каковою подъ перстами его согласные производятся звуки. Пѣсни его раждаютъ въ душахъ слушателей тоже волненіе, каковое онъ въ самомъ себѣ ощущаетъ. Пѣснопѣвецъ становится тогда оракуломъ, пред-

сказателемъ, поэтомъ; онъ возхищаетъ и самъ возхищается; кажется, что имъ управляетъ посторонняя сила, которая утомляетъ и угнѣтаетъ его; дыханіе въ немъ останавливается отъ божества, его наполняющаго, и подобно человѣку быстрымъ потокомъ увлеченному, онъ не прежде приходитъ въ самаго себя, какъ въ ту минуту, когда оставитъ его Геній, которымъ онъ былъ наполненъ.

Таковыхъ точно качествъ требовали древніе отъ лирическихъ стихотворцевъ; ибо поэзія ихъ, такъ какъ нѣніе, была сопровождаема музыкою, а сладкозвучіе приводитъ въ сильный восторгъ и самаго сочинителя и слушателей, естьли только они чувствительными одарены орудіями. Таковъ былъ Пиндаръ, по свидѣтельству Горація. Послушаемъ, что говоритъ стихотворецъ о стихотворцѣ.

Pindarum quisquis studet aemulari
Jule, ceratis ope Daedalea
Nititur pennis, vitreo daturus
Nomina ponto:
Monte decurrens velut amnis, imbres
Quem super notas aluere ripas,
Fervet, immensusque ruit profundo
Pindarus ore;
Laurea donandus Apollinari,
Seu per audaces nova dithyrambos
Verba devolvit, numerisque fertur
Lege solutis;
Seu deos, regesque canit, deorum
Sanguinem, per quos cecidere justa

Mórte Centauri, cecidit tremendae
Flamma Chimerae;
Sive quos Elea domum reducit
Palma coelestes, pugilemve, equumve
Dicit, et centum potiore signis
Munere donat;
Flebili sponsae juvenemve raptum
Plorat, et vires animumque, moresque
Aureos deducit in astra, nigroque
Invidet orco.

„Всякъ, кто дерзаетъ подражать Пиндару,
„летитъ на восковыхъ Дедаломъ устроенныхъ
„крыліяхъ, и подобно Икару погрузится въ море.
„Какъ выступившій отъ дождей изъ береговъ сво-
„ихъ и съ высоты горъ низпадающій потокъ шу-
„митъ, такъ стихи, изъ устъ Пиндара изшедшіе,
„гремятъ всеплѣняющимъ краснорѣчіемъ и согла-
„сіемъ. Возпѣваетъ ли онъ отважные дифирамбы (*),
„наполняя ихъ новыми словами, и въ изступленіи
„своемъ забывая предписанную стихамъ мѣру;
„или славитъ боговъ, царей, и богами рожденныхъ
„чадъ, отъ коихъ возприяли достойную смерть
„Кентавры и ужасный пламень изрыгавшая Химера:
„или когда прославляетъ героевъ, возвращающихся
„въ отечество свое съ Элейскою пальмою или Атле-
„товъ, побѣдителей въ ристаніи, коимъ подноситъ
„дары, гораздо драгоцѣнѣйшіе многочисленныхъ
„истукановъ; или когда оплакиваетъ супруга по-
„хищеннаго у супруги, и, содѣлываетъ безсмерт-
„ными его мужество, доблесть, нравы, златому
„вѣку приличные, и тѣмъ изторгаетъ ихъ изъ
„вѣчнаго забвенія, онъ повсюду великъ, превыс-
„ренъ и всегда лавроваго вѣнка достоинъ.„ *Кни.* 4. *ода* 1.

(*) Диѳирамбы, такъ какъ и трагедіи, при пер-
вомъ ихъ изобрѣтеніи, посвящались древними

Естьли кто, услышавъ столь великую похвалу, вздумаетъ читать Пиндара не въ подлинникѣ, то удобно подумать можетъ, что Горацій имѣлъ какія либо особенныя свои причины превозносить сего Греческаго лирика; ему конечно весьма не понравится та великолѣпная Мивологическая пышность, каковою наполнены Пиндаровы оды, непрестанныя отступленія, которыя почти скрываютъ настоящій предметъ сочиненія, тѣ уклоненія, коихъ не видно ни цѣли ни связи. Хотя по мѣстамъ и примѣтитъ нѣкоторыя великолѣпныя картины, не взирая на переводъ, который конечно лишитъ его многихъ красотъ, хотя и почувствуетъ нѣкоторыя сильныя выраженія; однакожъ сіе не заставитъ его любить такое сочиненіе, въ которомъ ничто, его не прельщаетъ. Онъ соскучится, оставитъ книгу, и винить его нельзя. Но есть-

---

въ честь Вакху, что и самое названіе показываетъ; въ послѣдствіи времени въ нихъ прославляемы были подвиги героевъ. Древность не оставила намъ ниодного диѳирамба, и потому мы не имѣемъ объ нихъ другаго понятія, кромѣ того, каково подаетъ намъ Горацій, упоминая о Пиндаровомъ диѳирамбѣ. По словамъ его видно, что онъ составлялъ родъ смѣлаго стихотворенія, (audaces), которое не было подвержено никакой опредѣленной мѣрѣ стиховъ, но употребляли въ нихъ всѣ роды стопосложенія безъ разбора; что въ таковомъ родѣ сочиненій стихотворцу позволялось выдумывать и употреблять новыя слова и выраженія (nova verba).

ли о Пиндарѣ станетъ онъ судить только по переводу и не согласится со мнѣніемъ Горація, то, какъ я думаю, онъ будетъ весьма неправъ.

Сперва приведемъ себѣ на память сіе весьма извѣстное правило, что о стихотворцахъ по прозаическому переводу судить никакъ не можно; и что, читая его, даже и въ самомъ подлинникѣ, не должно забывать времени, когда онъ писалъ. Сіе умозрѣніе неоспоримо, но исполненіе онаго на самомъ дѣлѣ не столь легко, какъ о томъ думаемъ. Мы столь много привязаны къ настоящимъ обыкновеніямъ, предразсудкамъ, привычкамъ, образу мыслей, что весьма удобно отвергаемъ все то, что было во времена отъ насъ отдаленнѣйшія. Признаюсь, что родъ Геркулесовъ и Тезеевъ, похожденія Кадма и война Исполиновъ, Олимпійскія игры и путешествіе Аргонавтовъ не возбуждаютъ въ насъ такого удовольствія, каковое чувствовали древніе Греки, и что оды, въ коихъ упоминается о всѣхъ сихъ басняхъ, и кои всѣ къ единой стремятся цѣли, не могутъ быть для насъ привлекательны. Однакожъ надлежитъ согласиться, что Греческая исторія должна была обращать на себя великое вниманіе Грековъ; басни составляли часть ихъ бытописанія и принадлежали къ ихъ вѣрѣ; игры Олимпійскія, Истмійскія почитался, такъ сказать, священными учрежденіями, торжественными празднествами въ честь боговъ, коимъ они поклонялись, а потому стихотворецъ и не могъ принесть бо́льшаго

соотечественникамъ своимъ удовольствія, какъ соединивъ имена боговъ, учредившихъ сказанныя игры, съ именами атлетовъ, приходившихъ на оныя для спиянія торжественной славы. Такимъ образомъ соединяя похвалу побѣдителей съ похвалою безсмертныхъ, онъ содѣлывалъ ее священною, и съ великою охотою употреблялъ басни, весьма удобно возбуждающія лирическое изступленіе и показующія неизтощимыя сокровища поэзіи. Читая Пиндара на языкѣ Греческомъ не льзя не согласиться, что онъ щедро разточаетъ сіи сокровища, которыя въ великомъ изобиліи, такъ сказать, изъ его пера произтекаютъ. Всякое выраженіе его содержитъ въ себѣ отважную фигуру. Онъ оставляетъ всѣ посредствующія понятія, и его словоизраженія представляютъ собраніе картинъ, коихъ взаимное отношеніе и связь читатель самъ долженъ дополнить. Въ пѣсняхъ его не найдешь тѣхъ обыкновенныхъ союзовъ, коими связуются части рѣчи; изъ чего заключить можно, что Греки, превозносившіе великими похвалами сего стихотворца, не требовали отъ него методическаго шествія, каковое мы желаемъ видѣть въ каждомъ сочиненіи; мы требуемъ, что бы сія болѣе или менѣе сокрываемая основа никогда изъ виду нашего не изчезала, и которой бы нашъ мнимый лирическій безпорядокъ никогда не прерывалъ. Греки, бывъ несравненно чувствительнѣе насъ къ стихотворческому слогу, потому что языкъ ихъ гораздо сроднѣе къ поэзіи, требовали опіъ сочинителей

своихъ, а особливо отъ стихотворцевъ, сладкозвучія и картинъ, и Пиндаръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ удовлетворилъ ихъ желанію въ полной мѣрѣ. Хотя особенная пріятность Греческаго произношенія для насъ отчасти потеряна, однакожъ не льзя не придти въ возхищеніе отъ набора звучныхъ буквъ и реченій, отъ весьма часто встрѣчающагося звукоподражанія, важнаго и величественнаго паденія стиховъ, которые, кажется, сочинены для того только, чтобы быть возпѣваемыми на самомъ Олимпѣ. Сколь ни трудно прелагать Греческіе стихи въ стопосложенія языковъ нынѣшнихъ съ соблюденіемъ, хотя отъ части, сихъ неподражаемыхъ красотъ; однакожъ желаніе подать хотя нѣкоторое понятіе о шествіи Пиндара, заставило новѣйшихъ стихотворцевъ изпытать силы свои въ преложеніи твореній сего высприняго поэта. Для примѣра прилагается здѣсь начало первой Пиѳической оды, сочиненной въ честь Гіерона царя Сиракузскаго, одержавшаго побѣду въ ристалищѣ на колесницахъ во время отправленія Пиѳическихъ игръ. Хотя на сихъ играхъ обыкновенно одерживалъ побѣду управляющій конями, однакожъ Греки столь много пристрастны были къ таковымъ зрѣлищамъ, что не могли довольно выхвалить и того, кто умѣлъ сыскать себѣ искуснѣйшаго возницу и быстрѣйшихъ коней. Вотъ какъ Пиндаръ начинаетъ свою оду: (*)

(*) Приведенный здѣсь примѣръ взятъ изъ Пиндара, преложеннаго на Россійскій языкъ Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Златая лира, даръ богатый Аполлона,
И темновласыхъ Музъ! отъ сладости твоей,
Отъ силы твоего плѣняющаго тона
Трепещутъ радостно сердца у всѣхъ людей;
Лишь въ струны сребряны ударитъ Кориѳей
И знакъ подастъ пѣвцамъ божественнымъ поющимъ;
Твой слыша гласъ Зевесъ, со громомъ всемогущимъ
Огнь вѣчный гаситъ грозныхъ стрѣлъ;
Царь птицъ, витающій на скипетрѣ Орелъ,
Обширны крылья простираетъ
И сномъ приятнымъ засыпаетъ.

Затмѣнну облакомъ густымъ
Смыкаетъ онъ свою зѣницу отягченну,
И лирнымъ пѣніемъ плѣняяся златымъ,
Главу склоняетъ утомленну;
То поднимаетъ онъ, то клонитъ свой хребетъ,
Какъ будто въ слѣдъ твоимъ размѣрамъ онъ течетъ,
И перья кажутся сіяньемъ покровенны.
О лира! звуками твоими возхищенный,
Кидаетъ пылкій Марсъ ужасное копье.
Небесной радостью всѣ души оживленны,
Лишь только Фебъ прольетъ согласіе свое.

Но естьли на кого Юпитеръ гнѣвъ свой мещетъ,
Такой при пѣньѣ музъ блѣднѣетъ и трепещетъ;
Въ землѣ, въ моряхъ инымъ противенъ лирный тонъ;
Его гнушается стоглавый сей Тиѳонъ,
Противъ отца боговъ толь дерзко ополченный
Въ Сициліи, внутри пещеры возкормленный;
Теперь Кумейскія страны его гнетутъ,
Сицильскіе брега власисты перси жмутъ;
Подобная столбу, до облакъ возходяща,
И льдистые снѣга на вершинахъ носяща,
Тяжела Этна станъ гиганта грозно жметъ.

Изъ чрева у него потокъ лiется сѣрный;
Въ день огненна рѣка дымъ точитъ смрадный,
черный,
Въ нощи же въ пламенныхъ струяхъ она несетъ
Горящи каменья на дно морскiя бездны,
Летящiе изъ устъ, чудовища, желѣзныхъ;
Трепещутъ отъ сего живущи въ сихъ мѣстахъ,
И даже въ слышащихъ о семъ родится страхъ.

Оковы тяжкiе безбожнаго Тифона
Простерлись Этною отъ корня до верховъ,
На коихъ черная составлена корона
Изъ мрачныхъ и густыхъ лѣсовъ;
Тифона члены сей громадой удрученны,
Чрезъ камни острые всѣ кости раздробленны.
О! ты простершiй съ сихъ крутыхъ вершинъ
Твой взоръ въ глубоко дно долинъ,
Зевесъ, пошли твою намъ милость несказанну,
Да славу навсегда имѣетъ постоянну
Сей къ Этнѣ близкiй градъ, что создалъ Гiеронъ,
Достигшiй на играхъ блистательныхъ коронъ;
Подобно, какъ пловецъ, на свой корабль всходящiй,
Желаетъ, чтобы вѣтръ способный началъ дуть,
И безпрестанно только мнящiй,
Чтобъ свой свершить скорѣе путь;
Такъ я, усердiемъ возженный,
Желаю лишь того, чтобъ гимнъ сей посвященный
Тому, кто Этну основалъ,
Всю славу сей страны грядущу предвѣщалъ;
Чтобъ Гiероновы вѣнцы возпѣлъ струнами,
Сколь быстро онъ летѣлъ съ ретивыми конями;
Какiя учредилъ онъ славны торжества,
Пиры, музыку, празднества.
О Фебъ! Ликiи царь, на трехъ холмахъ сѣдящiй,
Кастальскiй чистый ключъ любящiй,
Всегда сiю страну въ умѣ твоемъ имѣй;
Героевъ порождай всегда обильно въ ней. и проч.

Таково есть шествіе Пиндара. Отъ призыванія Музъ, отъ похвалъ, каковыя приписываетъ онъ ихъ свойствамъ, отъ сего толь естественнаго приступа въ таковомъ сочиненіи, какова есть сія ода, онъ вдругъ переходитъ къ изображенію Тифона, подъ Этну Юпитеромъ низверженнаго, по тому что онъ былъ лютый врагъ боговъ и Музъ. Это значитъ привязываться къ слову, и таковое отступленіе показалось бы намъ очень неумѣстнымъ. Но Греки судили о томъ иначе, и, можетъ быть, они думали справедливо. Пиндаръ воспѣваетъ Гіерона, имѣвшаго во власти своей Сиракузы и Этну, близъ которой построилъ онъ городъ сегожъ имени; надлежало по необходимости упомянуть объ оной; но говоря объ Этнѣ, какъ можно было не сказать ничего о Тифонѣ? Лирическій стихотворецъ поступилъ бы весьма неискусно, естьли бы не представилъ сего описанія Грекамъ, которые были весьма пристрастны къ изобразительной поэзіи. Съ одами поступали они точно такъ, какъ мы съ операми, въ которыхъ охотно позволяемъ употреблять балеты, лишь только бы они были хороши. Въ разсужденіи стиховъ мы нестоль снизходительны, какъ древніе. О стихахъ судимъ мы большею частію по разуму; но Греки судили объ онихъ болѣе по чувствованію, по воображенію; извѣстно сколь непреклонный судія есть умъ; и сколь снизходительны бываютъ сужденія чувствъ.

La poésie eut le sort de Pandore,
Quand le génie au ciel la fit éclore,
Chacun des arts l'enrichit d'un présent.
Elle reçut des mains de la peinture
Le coloris, prestige séduisant,
Et l'heureux don d'imiter la nature.
De l'éloquence elle eut ces traits vainqueurs,
Ces traits brûlans qui pénetrent les coeurs.
A l'harmonie elle dût la mesure,
Le mouvement, le tour mélodieux,
Et ces accens qui ravissent les dieux.
La raison même à la jeune immortelle
Voulut serrir de compagne fidelle;
Mais quelquefois, invisible témoin,
Elle la suit et l'observe de loin (*).

Такимъ то образомъ говоритъ Мармонтель въ посланіи своемъ къ стихотворцамъ Піитическое воображеніе употреблено въ семъ правилѣ вкуса весьма хорошо и къ стати. Но

(*) Поэзія, при самомъ своемъ рожденіи на Олимпѣ имѣла равный съ Пандорою жребій. Каждое искуство наградило ее своимъ подаркомъ. Отъ Живописи получила она прелестныя краски, даръ подражать природѣ. Витійство надѣлило ее острыми и въ самую глубину сердца проницающими стрѣлами. Гармонія одарила ее способносіпію употреблять мѣру, движеніе, сладкозвучные обороты, и тѣмъ очаровательнымъ гласомъ, который самихъ боговъ возхищаетъ. Самый разумъ возхотѣлъ быть неразлучнымъ ея сопутникомъ; но иногда, будучи невидимымъ свидѣтелемъ, слѣдуетъ и надзираетъ за нею издалече.

въ наши времена нужно, чтобы разсудокъ недалеко уклонялся отъ поэзіи; напротивъ того у Грековъ онъ часто совсѣмъ уходилъ изъ виду. Сіе служитъ доказательствомъ, что они недостатокъ сей могли замѣнять другими совершенствами, а мы напротивъ того, не будучи великими музыкантами въ поэзіи, не можемъ столь часто приходить въ изступленіе. Впрочемъ имѣемъ мы другія выгоды, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто.

Ежели похвалы, приписываемыя Пиндару народомъ столь просвѣщеннымъ, и столь разборчивымъ, каковы древніе Греки, основательны, то мы должны имѣть самое высокое о немъ мнѣніе. Извѣстно, что о имя его было въ великомъ почтеніи, и мщеніе Александрово, осудившее всѣхъ Ѳивянъ безъ изъятія къ наказанію, остановилось предъ сею надписью: *не предавай сожженію домастихотворца Пиндара.* Лакедемоняне, овладѣвъ Ѳивами, почтили память его таковымъже уваженіемъ. Сколь же великую стяжалъ онъ славу при жизни своей, тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, великое множество одъ, сочиненныхъ имъ на одинъ и тотъ же предметъ, т. е. на побѣды, одержанныя подвижниками на играхъ общенародныхъ. Кажется, что каждый побѣдитель желалъ имѣть хвалителемъ своимъ Пиндара; каждый побѣдитель считалъ приобрѣтенную имъ славу какъ бы недастаточною, ежели сей стихотворецъ не возпоетъ его подвиговъ. Пѣсни его не оста-

вались безъ возмездія. Баснословное похожденіе Симонида, описанное Федромъ, показываетъ, что лирическіе стихотворцы награждаемы были щедро. Въ наши времена нѣтъ хуже средства къ пріобрѣтенію имущества, какъ оды: онѣ въ великомъ неуваженіи; было однакожъ время, въ которое принимали ихъ гораздо лучше, нежели нынѣ. Годо за одну оду получилъ епископство: ода сія имѣла найлучшую удачу, и притомъ была одна изъ худшихъ. Шапелень написалъ оду Кардиналу Ришелье, которая, къ великому нашему удивленію, по мнѣнію самаго Боало, довольно хороша: но въ томъ, что сочиненная имъ ода на взятіе Намура весьма дурна, онъ не признается, хотя истинѣ сей никто не противурѣчитъ. Въ семъ случаѣ Депрео былъ ниже Шапеленя, такъ какъ и Кинота въ сочиненномъ имъ прологѣ къ одной оперѣ. Сугубый сей примѣръ приводитъ на память сіи Лафонтеновы стихи:

Ne forçons point notre talent;
Nous ne ferions rien avec grace. (*)

Желающій достигнуть до начала лирическаго стихотворства, принужденъ бываетъ заблуждаться въ области вымысловъ и во мракѣ древности; всякое произхожденіе болѣе или менѣе погружено въ баснословіи. Кому точно извѣстно, когда положены правила гармоніи, къ которой человѣкъ имѣетъ опъ

(*) Не станемъ поступать сверхъ нашихъ силъ и дарованій; иначе не сдѣлаемъ ничего хорошаго и приличнаго.

самой природы еліянную въ него наклонность? Нѣтъ сомнѣнія, что она была единственнымъ источникомъ поэзіи, и что отъ пѣнія до размѣрнаго словъ шествія весьма малое находится разстояніе. Вѣроятно, что въ самыя древнія времена лирическими пїитами назывались люди, которые первые отличились въ семъ родѣ поэзіи, или которые преподавали другимъ первыя наставленія. Повѣствуемыя объ нихъ чудеса суть не иное что, какъ иносказательныя изображенія приобрѣтенныхъ ими успѣховъ и власти надъ умами другихъ. Линъ почитается изобрѣтателемъ размѣра и сладкогласія, т. е. что онъ первый умѣлъ соглашать мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ: онъ былъ первый любимецъ Музъ. Виргиліи въ шестой Эглогѣ сказываетъ, что сей лирикъ возсѣдитъ на Парнассѣ вмѣстѣ съ Музами, имѣя чело украшенное вѣнкомъ. Онъ былъ наставникомъ Орфея, который наконецъ славою превзошелъ своего учителя, ибо силою музыки и поэзіи заставилъ учредить въ Греціи духовные обряды, заимствованные имъ отъ Египтянъ. Онъ установилъ таинства Вакха и Цереры Элевзинской, по примѣру таинствъ Изиды и Озириса, которыя именемъ его названы были Орфическими. До насъ дошли только нѣкоторые отрывки сочиненныхъ имъ духовныхъ пѣсней. Онѣ особенное вниманіе заслуживаютъ потому, что содержатъ самыя возвышенныя и чистѣйшія понятія о единствѣ бога и о всѣхъ божіихъ свойствахъ, безъ малѣйшей примѣ-

си многобожія. Здѣсь приведемъ въ примѣрѣ одну изъ его пѣсней, сохраненную Свидомъ. „Единый богъ существуетъ самъ со„бою, а все прочее имѣетъ бытіе свое отъ „него. Онъ вездѣ сущъ: онъ никому изъ „смертныхъ не видимъ, но самъ видитъ „все. По правдѣ и по суду своему нака„зуетъ онъ людей, низпосылая напасти, „войну и болѣзни. Ему послушны вѣтры, воз„движающіе воздухъ и волны, его велѣніемъ „блещетъ молнія. Возсѣдитъ превыше не„бесъ на златомъ престолѣ, и земля есть „подножіе его. Десницу свою простираетъ „до предѣловъ Океяна, и отъ гласа его го„ры въ основаніяхъ своихъ трясутся. Онъ „управляетъ вселенною, онъ начало, средина „и конецъ.„

Свида, приведя въ примѣрѣ сей отрывокъ, заключаетъ, что Орфей читалъ Моисеевы книги, и оттуда извлекъ все ученіе о Богѣ и его свойствахъ. Нѣкоторые покушались опровергнуть сіе мнѣніе; но всякой видитъ, что въ приведенномъ нами примѣрѣ заключаются не только мысли, но и выраженія священныхъ книгъ, которыя еще за долго существовали до Орфея, и никакъ не льзя не вѣрить, чтобы послѣдній не выписывалъ изъ перваго. Сверхъ сего замѣтимъ, что величайшую сокровенность древнихъ таинствъ составляло повсюду единство Бога: сіе было вѣрою людей мудрыхъ, которые однакожъ почитали ее недостаточною для простаго народа,

и которымъ вѣра и общенародное богослуженіе казались самымъ надежнымъ и самымъ необходимымъ постановленіемъ общественнаго порядка.

Горацій говоритъ, что Орфей, бывъ почитаемъ изтолкователемъ воли боговъ, умягчилъ нравы людей, доказавъ имъ, что убійство есть порокъ пребезаконный, и отучивъ ихъ питаться животными; сіе послѣднее правило возобновлено было Пиѳагоромъ. Изъ многихъ достовѣрныхъ сочиненій видимъ, что люди, ведшіе жизнь воздержную и умѣренную, были называемы учениками Орфея. Тезей, въ Еврипидовой Федрѣ даетъ имя сіе Ипполиту, своему сыну, упрекая его, что онъ во всемъ старается показывать себя человѣкомъ строгихъ нравовъ. Слѣдовательно Орфей есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мудрецовъ, и весьма долгое время къ имени піита придаваемо было и названіе мудреца, потому что стихотворство, по существу своему, тогда заключало въ себѣ правила какъ нравоучительныя, такъ и касающіяся до вѣры.

Знаменитѣйшій изъ учениковъ Орфеевыхъ былъ Музей, который слѣдовалъ по стопамъ своего наставника, и Аѳиняне сдѣлали его начальникомъ Элевзинскихъ таинствъ. Виргилій въ шестой книгѣ Энеиды говоритъ, что Орфей въ поляхъ Елисейскихъ почитается первымъ изъ благочестивыхъ стихотворцевъ, коихъ пѣсни достойны были самаго Аполлона, и которые посвятили жизнь свою наукамъ изящнымъ.

Алкей, Стесихоръ, Симонидъ и многіе другіе оставили намъ только свои имена и нѣсколько отрывковъ отъ своихъ сочиненій, но и тѣ весьма немногимъ извѣстны. Мы имѣемъ не болѣе двѣнадцати стиховъ отъ всѣхъ стихотвореній знаменитой Сафы, о коей сказалъ Горацій:

Огонь ея любви въ стихахъ ея пылаетъ.

Впрочемъ уже и малое число оставшихся послѣ ея стиховъ, по сильному въ нихъ выраженію любовной страсти, подтверждаетъ истинну всего объ ней повѣствуемаго, и заставляетъ сожалѣть о ея сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ. Буало сдѣлалъ весьма хорошій переводъ, хотя оный можетъ быть и не одушевленъ жаромъ подлинника

Займемся, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, Анакреономъ, который приобрѣлъ себѣ безсмертную славу своею веселостію, чего весьма многіе не могли достигнуть своими трудами; симъ сладострастнымъ цѣнословагателемъ, который все честолюбіе полагалъ въ любви и наслажденіяхъ, и всю славу въ воспѣваніи оныхъ, или лучше сказать, который въ самихъ пѣсняхъ, доставившихъ ему славу, кромѣ собственнаго своего удовольствія, ничего не видѣлъ, ничего не чувствовалъ. Стихотворенія его, коихъ часть дошла и до нашихъ временъ, дышутъ нѣгою и веселостію, нѣжностію и пріятностію. Онъ не сочинитель: онъ не пишетъ. Но увѣнчанный розовымъ вѣнкомъ сидитъ за столомъ съ прекрасными

Греческими дѣвицами; пьетъ изящныя вина съ острова Сціо и Лезбоса, и въ то время, какъ Мнаэса и Аглая украшаютъ власы его цвѣтами, онъ береть свою семиструнную изъ слоновой кости лиру, и Лидійскою мѣрою возвѣщаетъ гимнъ розѣ. Естьли онъ говоритъ о старости и смерти, то дѣлаетъ сіе не для того, чтобы показать стоическую неустрашимость; но чтобы себя ободрить пользоваться всемъ тѣмъ, что только онъ можетъ у нихъ похитить. Замѣтимъ мимоходомъ, что самые сладострастные стихотворцы, каковы были Анакреонъ, Горацій, Тибуллъ, Катуллъ, въ самыхъ описаніяхъ удовольствія весьма охотно помѣщали и изображеніе смерти. Они приглашали ее на свои празднества, и сажали, такъ сказать, съ собою за столъ, какъ-бы нѣкую гостью, которая не только не приводила ихъ въ уныніе, но и совѣтовала имъ продолжать жизнь въ удовольствіяхъ. Горацій во многихъ мѣстахъ одъ своихъ, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о необходимости умереть; и сіи всегда быстрыя описанія, устремляющія на минуту воображеніе ко мрачнымъ мыслямъ, выраженнымъ разительными словоизвитіями, правильными и весьма удачными инорѣченіями, производятъ въ душѣ нѣкоторое впечатлѣніе, приводящее въ пріятное волненіе не причиняя страха, разпространяютъ въ оной на краткое время нѣкое печальное размышленіе, которое, правда было бы несогласно съ шумною веселостію, но весьма хорошо соотвѣтствуетъ спокойствію довольной души, и даже изъявленію любви сча-

стливой. Вообще можно сказать, что мысль, напоминающая о скоротечности нашей жизни, заставляетъ насъ наиболѣе чувствовать всю цѣну оныя. Я присовокуплю, что сіе служитъ еще доказательствомъ врожденнаго вкуса древнихъ, что они говорили только мимоходомъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ новѣйшіе писатели твердятъ непрестанно, т. е. о времени и смерти, о коихъ воображеніе наше хотя и дозволяетъ напоминать себѣ, но нечасто; ибо въ противномъ случаѣ оно скоро почувствуетъ сильную скуку и отвращеніе; на предметахъ сихъ останавливаются нынѣ слишкомъ часто и долго, хотя оными не свѣтскому, но духовному краснорѣчію наипаче заниматься должно.

Анакреонъ, при самомъ посредственномъ имуществѣ, былъ весьма безкорыстенъ; сіи два обстоятельства доставляютъ совершенное благополучіе. Онъ жилъ довольно долгое время въ Самосѣ, при дворѣ того Поликрата, который только по одному имени былъ тиранномъ. Государь сей подарилъ ему пять талантовъ. Но Анакреонъ, не привыкши имѣть при себѣ столь великую сумму денегъ, не могъ уснуть почти двои сутки; онъ тотчасъ возвратилъ щедрому Поликрату пять его талантовъ; и сіе историческое произшествіе, повѣствуемое Греческими писателями и повторенное Гиральдомъ въ его исторіи о стихотворцахъ, подало Лафонтену мысль написать баснь о *Чеботарѣ*.

Точнаго понятія о слогѣ Анакреоновомъ подать никоимъ образомъ не можно.

Стихотворецъ сей отъ всѣхъ прочихъ совершенно отличенъ. Въ сочиненіяхъ его господствуетъ какая-то пріятность и нѣкоторая непринужденная и плѣнительная простота, чего никоимъ образомъ не можно изобразить въ переводѣ, сколь бы онъ хорошъ ни былъ. Онъ сочинялъ по вдохновенію, а переводятъ его съ напряженіемъ великихъ силъ. Итакъ не будемъ переводить Анакреона. (*)

(*) Стихотвореній Анакреоновыхъ на Французскомъ языкѣ есть три перевода въ стихахъ; первый Гасоновъ, весьма хорошаго изданія; другой де Лафосса; послѣдній Г. де Сиври, трудившагося и кже надъ переводомъ Естественной Исторіи старшаго Плинія. Сей послѣдній переводъ Анакреоновыхъ стихотвореній довольно хорошъ, писанъ съ довольно пріятною исправностію, а двухъ первыхъ не льзя и читать.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Горацiи.

Изъ всѣхъ Латинскихъ лириковъ одинъ только Горацій сохранился до временъ нашихъ; мнѣніе Квинтиліана, утверждающаго, что всѣ прочіе лирики не заслуживаютъ чтенія, много утѣшаетъ насъ въ сей потерѣ. Напротивъ же того приписываетъ онъ величайшую похвалу Горацію, и похвала сія подтверждена во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Горацій, кажется, соединяетъ въ себѣ Анакреона и Пиндара, но къ ихъ дарованіямъ присовокупляетъ онъ еще собственный свой даръ. Въ сочиненіяхъ его есть изступленіе и возвышенность Ѳивскаго стихотворца: онъ столько же богатъ извитіями и изображеніями; но уклоненія его отъ главнаго предмета не столь скоропостижны и не столь далеки, шествіе гораздо плавнѣе и надежнѣе, словоизраженіе имѣетъ въ себѣ болѣе разнообразія и пріятности. Пиндаръ, возпѣвающій всегда одинакіе предметы, имѣетъ всегда одинакій слогъ; въ Горацiи находятся всякаго рода слоги: кажется, что всѣ они ему врожденны, во всѣхъ слогахъ достигъ онъ совершенства. Возметъ ли онъ лиру; будучи возхищенъ Пиѳическимъ духомъ, мгновенно преселяется въ совѣтъ боговъ, или на развалины Трои, на вершину Альпійскихъ горъ, или садится близъ Гликеріи, и гласъ его всегда приличенъ предмету, его одушевляющему. Онъ величественъ на Олимпѣ, и любезенъ сидя под-

лѣ своей любовницы. Съ таковоюжъ удобностію описываетъ возвышеннымъ слогомъ великую душу Катона и Регула, съ каковою изображаетъ самыми очаровательными чертами нѣжную ласку Лицимніи и любезность Пирры. Предаваясь сластолюбію стольже явно, какъ Анакреонъ, бывъ ревностный исполнитель и учитель веселостей, онъ наполнилъ творенія свои тоюже пріятностію, каковую находимъ въ Анакреонѣ, но токмо съ бо́льшимъ благоразуміемъ и философіею; быстрымъ воображеніемъ своимъ не только равняется Пиндару, но превозходитъ его основательностію мыслей и чистотою нравоученія. Обративъ надлежащее вниманіе на чистоту, силу и краткость его слога, на сладкозвучіе его стиховъ, многообразіе предметовъ; приведя себѣ на память, что сей же самый стихотворецъ писалъ сатиры, исполненные остроты и ума; письма, содержащія въ себѣ лучшія наставленія для людей живущихъ въ гражданскомъ обществѣ, и стихи, которые, такъ сказать, сами собою напечатлѣваются въ памяти читателя; науку о стихотворствѣ, которую можно назвать уложеніемъ изящнаго вкуса; не льзя не согласиться, что Горацій одаренъ былъ самымъ рѣдкимъ умомъ, каковый природѣ произвесть и образовать угодно было.

Здѣсь для примѣра предлагаются нѣсколько одъ Гораціевыхъ, и вопервыхъ помѣстимъ оду на Счастіе. Она писана въ героическомъ родѣ; ее можно сравнить съ одою Руссо, и когда увидимъ, что Французская

ода весьма мало походитъ на Латинскую. (*) Содержаніе сей послѣдней очень просто. Въ ней говорится о высадкѣ войскъ, каковую намѣренъ былъ Августъ учинить въ Англію, но оная не была произведена въ дѣйство: тутъ же упоминается и о войнѣ Парѳянской. Стихотворецъ призываетъ Счастіе, и проситъ его быть благопріятнымъ Августу и Римлянамъ. Въ самомъ началѣ старается онъ примириться съ богами, о которыхъ предавшись Эпикурову ученію, думалъ весьма мало; потомъ дѣлаетъ продолжительное описаніе принадлежностей Счастія, и наконецъ, послѣ призыванія, оплакиваетъ гибельныя послѣдствія междоусобной брани и развращеніе нравовъ. Таково есть начертаніе сей оды.

Ad Fortunam. (**).

Parcus deorum cultor et infrequens,
Insanientis dum sapientiae
Consultus erro: nunc retrorsum
Vela dare, atque iterare cursus

(*) Въ примѣрѣ семъ соединены двѣ оды вмѣстѣ, одна начинается сими словами: Parcus deorum cultor, а другая: O diva gratum quae regis Antium, Г. Лагарпъ думаетъ, что первая изъ сихъ одъ есть не что иное, какъ начало другой слѣдующей за нею оды, которую издатели Горацієвыхъ стихотвореній отдѣлили безъ всякаго основанія.

(**) Г. Лагарпъ, въ Ликеѣ своемъ помѣстилъ сдѣланный имъ стихами переводъ нѣсколькихъ

Cogor relictos. Namque Diespiter,
Igni coruscо nubila dividens
Plerumque per purum tonantes
Egit equos, volucremque currum;

Горацiевыхъ одъ. Чувствуя всю трудность, какову̀ю переводчикъ въ предпрiятiи семъ необходимо встрѣтить долженъ, онъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку. „Я покусился перевесть нѣс„колько Горацiевыхъ одъ не по тому, что пре„ложенiе сiе почитаю удобнымъ: но для того, „что въ сочиненiяхъ сего стихотворца нахо„дится много ума собственно такъ называемаго; „а умныя мысли на всякомъ языкѣ выражены „быть могутъ. Впрочемъ, для бо́льшаго соблю„денiя разнообразности въ слогѣ, я долженъ „былъ во многихъ мѣстахъ перемѣнить мѣру „стиховъ (rythme), и тѣмъ замѣнить, когда вы„раженiя опредѣленной востребуютъ величины, „ту удобность, съ каковою Греки и Римляне „переходили изъ одной строфы въ другую.

D'Epicure élève prophane,
Je refusais aux dieux des voeux et de l'encens.
Je suivais les égaremens
Des sages insensés qu'aujourd'hui je condamne.
Je reconnais des dieux: c'en est fait: je me rends.
J'ai vu le maître du tonnerre,
Qui, la foudre à la main, se montrait à la terre;
J'ai vu dans un ciel pur voler l'éclair brillant;
Et les voûtes éternelles
S'embrâser des étincelles
Que lançait Jupiter de son char foudroyant.
Le Styx en a mugi dans sa source profonde:
Du Ténare trois fois les portes ont tremblé.
Des hauteurs de l'Olympe aux fondemens du monde,

Quo bruta tellus, et vaga flumina,
Quo styx, et invisi horrida Taenari
Sedes, Atlanteusque finis
Concutitur. Valet ima summis

L'Atlas a chancelé.
Qui, des puissances immortelles
Dictent à l'univers d'irrevocables lois.
La fortune agitant ses inconstantes aîles,
Plane d'un vol bruyant sur la téte des rois.
Aux destins des États son caprice préside.
Elle seule dispense ou la gloire ou l'affront;
Enleve un diadème, et d'un essor rapide,
Le porte sur un autre front.
Déesse d'Antium, ô déesse fatale!
Fortune! à ton pouvoir qui ne se soumet pas?
Tu couvre la pourpre royale
Des crépes affreux du trépas.
Fortune, ô redoutable reine!
Tu places les humains au tron où sur l'écueil;
Tu trompes le bonheur, l'espérance et l'orgueil,
Et l'on voit se changer, à la voix souveraine,
La faiblesse en puissance et le triomphe en deuil.
Le pauvre te demande une moisson féconde,
Et l'avide marchand, sur le goufre de l'onde,
Rapportant son trésor,
Présente à la Fortune, arbitre des orages,
Ses timides hommages,
Et te demande un vent qui le conduite au port.
Le Scythe vagabond, le Dace sanguinaire,
Et le guerrier latin, conquérant de la terre,
Craint tes funestes coups.
De l'Orient soumis les tyrans invisibles,
A tes autels terribles,
L'encensoir à la main, fléchissent les genoux.
Tu peux, (et c'est l'effroi dont leur ame est troublée),

Mutare, et insignem attenuat deus
Obscura promens. Hinc apicem rapax
Fortuna cum stridore acuto
Sustulit; hic posuisse gaudet.

Heurtant de leur grandeur la colonne ébranlée,
Frapper ces demi-dieux;
Et soulevant contr' eux la révolte et la guerre,
Cacher dans la poussiere
Le trône où leur orgueil crut s'approcher des cieux.
La Nécessité cruelle
Toujours marche à son côté:
De son sceptre détesté
Frappant la race mortelle,
Cette fille de l'Enfer
Porte dans sa main sanglante
Une tenaille brûlante,
Du plomb, des coins et du fer.
L'Espérance te suit, compagne plus propice,
Et la Fidélité, déesse protectrice,
Au ciel tendant le bras,
Un voile sur le front, accompagne tes pas;
Lorsqu' annonçant les alarmes,
Sous un vêtement de deuil,
Tu viens occuper le seuil
D'un palais rempli de larmes,
D'où s'éloigne avec effroi,
Et le vulgaire perfide,
Et la courtisane avide,
Et ces convives sans foi;
Qui dans un tems favorable,
Du mortel tout puissant par le sort adopté,
Venaient environner la table,
Et s'enivraient du vin de sa prosperité.
Je t'implore à mon tour, déesse redoutée;
Auguste va descendre à cette île indomptée
Qui borne l'univers:

O diva, gratum quae regis Antium
Praesens vel imo tollere de gradu
Mortale corpus, vel superbos
Vertere funeribus triumphos:
Te pauper ambit sollicita prece
Ruris colonus: te dominam aequoris,
Quicumque Bythyna lacessit
Carpathium pelagus, carina.
Te Dacus asper, te profugi Scythae.
Urbesque, gentesque, et Latium ferox,
Regumque matres barbarorum, et
Purpurei metuunt Tyranni.
Injurioso ne pede proruas
Stantem columnam: neu populus frequens
Ad arma cessantes, ad arma
Concitet, imperiumque frangat.
Te semper anteit saeva Necessitas,
Clavos trabales et cuneos manu
Gestans ahena; nec severus
Uncus abest, liquidumque plumbum.
Te spes, et albo rara Fides colit

Tandis que nos guerriers vont affronter encore
Ces peuples de l'Aurore,
Qui seuls ont repoussé notre joug et nos fers.
Ah! Rom vers les dieux leve des mains coupables.
Ils ne sont point lavés ces forfaits exécrables,
Qu'ont vus les immortels.
Elles saignent encore nos honteuses blessures;
La fraude et les parjures,
L'incesse et l'homicide entourent les autels.
N'importe, c'est à toi, Fortune, à nous absoudre.
Porte aux antres brulans où se forge la foudre,
Nos glaives émoussés.
Dans le sang odieux des guerriers d'Assyrie,
Il faut que Rome expie
Les flots de sang romain qu'elle-même a versés.

Velata panno; nec comitem abnegat;
Utcumque mutata potentes
Veste domos inimice linquis.
At vulgus infidum, et meretrix retro
Perjura cedit: diffugiunt cadis
Cum faece siccatis amici,
Ferre jugum pariter dolosi.
Serves iturum Caesarem in ultimos
Orbis Britannos, et juvenum recens
Examen, Eois timendum
Partibus, Oceanoque rubro.
Eheu! cicatricum et sceleris pudet,
Fratrumque. Quid nos dura refugimus
Aetas? Quid intactum nefasti
Liquimus? Unde manus juventus
Metu deorum continuit? Quibus
Pepercit aris? O utinam nova
Incude diffingas retusum in
Massagetas Arabesque ferrum!

„Внимая гласу буйственной мудрости и по-
„грузясь въ заблужденіе, я рѣдко посѣщалъ храмы,
„и богамъ самыя скудныя приносилъ жертвы! нынѣ
„обращаюсь вспять и паки вступаю въ путь, отъ
„коего доселѣ уклонялся. Ибо вижу Юпитера; свер-
„кающими молніями разсѣкая облака, онъ шествуетъ
„по воздуху на громоносныхъ коняхъ своихъ и бы-
„стротекущей колесницѣ: земный шаръ, протe-
„кающія по немъ рѣки, самый Стиксъ, брега ужас-
„наго Тенара и верхи Атлантскихъ горъ отъ
„гласа грома его трясутся. И такъ есть бо-
„жество, человѣческими управляющее дѣлами;
„оно уничижаетъ возвышенныхъ и возноситъ
„униженныхъ: на быстрыхъ крыліяхъ летаю-
„щее Счастіе у иныхъ отъемлетъ дары свои,
„другихъ надѣляетъ ими. Богиня, царствующая
„во градѣ Анціумѣ, могущая возносить и послѣд-
„няго изъ смертныхъ на высочайшій степень ве-
„личія, или пышные пріумфы премѣнить въ пла-

„чевныя призиы, къ тебѣ съ моленіемъ простира-
„етъ трепещущія руки земледѣлецъ бѣдный; тебя
„на утлыхъ корабляхъ плавающіе признаютъ бо-
„гинею морей, свирѣпый житель Даніи, скиѳаю-
„щійся Скиѳъ, грады, народы; надменный Лаціумъ, и
„облеченные въ порфиру тираны тебя страшатся.
„Они трепещутъ, да несокрушишь гибельнымъ уда-
„ромъ твоимъ столповъ безпредѣльныя ихъ влас-
„ти; трепещутъ, что бы возмутившійся народъ не
„ополчился противу ихъ и не сверглулъ бы ига по-
„виновенія. Тебѣ предшествуетъ жестокая Нужда,
„держа въ желѣзной рукѣ своей заклепы, путы,
„крюки, клинья и разтопленное олово: (*) За то-
„бою слѣдуетъ Надежда, рѣдкая въ бѣлую одежду
„облеченная Вѣрность, которая сопутствуетъ
„тебѣ даже и въ то время, когда премѣнивъ
„одежду и во гнѣвѣ твоемъ оставляешь домы
„людей сильныхъ: когда подлый народъ, вѣро-
„ломная любовница удаляются: ложные друзья
„бѣгутъ, какъ скоро изчезаешь изобиліе, и съ не-
„счастнымъ злой участи его дѣлить не умѣютъ.
„О Счастіе молю тебя, сохрани дни Августа, цве-
„ствующаго на край міра противу Британскихъ на-
„родовъ. Блюди юныхъ ратниковъ, идущихъ потря-
„сти возпокъ и черное поколебать море. Ахъ! нане-
„сенныя ими собратіямъ своимъ язвы и преступле-
„нія наши покрываютъ насъ стыдомъ и срамомъ! Мы
„живемъ въ желѣзномъ вѣкѣ! На какое беззаконіе не
„попустимся? Юноши наши не боятся боговъ! Какой
„жертвенникъ не осквернили они убійствомъ и не-
„честіемъ? О Боги, пусть притупившіеся мечи наши
„изощрятся на пораженіе Арабовъ и Массагетовъ!

Нѣкоторыя въ одѣ сей помѣщенныя мысли заимствованы изъ двѣнадцатой Олимпической оды Пиндара, въ которой сей сти-

---

(*) Всѣ сіи орудія употребляемы были при наказаніи преступниковъ.

хотворецъ такжe призываетъ на помощь Счастіе.

Фортуна Зевса дщерь, отрада смертныхъ рода,
По влажной стихіи ведуща корабли,
Внушающа совѣтъ въ собраніяхъ народа,
Рѣшающа судьбу во браняхъ на земли,
Пребудь съ Гимерою, мольбѣ моей внемли!

Всѣ люди мыслями обмануты бываютъ,
Такъ мысли бѣгаютъ, кружатся съ быстротой,
Онѣ отчаяньемъ насъ въ бездну повергаютъ;
Отъ нихъ, гордившійся богатствомъ, высотой,
Лежитъ поверженный, какъ будто червь земной.

Невѣрно иногда бываетъ предвѣщанье;
Ползущій человѣкъ! не буди ослѣпленъ:
О будущемъ узнать есть буйное желанье;
Одинъ бываетъ вдругъ всѣхъ сладостей лишенъ,
Другой изъ бездны золъ для счастья извлеченъ.
и проч.

Ода сія подтверждаетъ сказанное мною выше о Римскомъ лирикѣ, что онъ, внемля и послѣдуя мгновенному вдохновенію, описываетъ всѣ ему предметы въ сіе время представляющіеся. Читатель видѣлъ весь путь, Горацiемъ протеченный; онъ возносится до небесъ, низходитъ до ада, летаетъ купно съ Фортуною надъ царскими престолами и по морскимъ безднамъ. Богиню сію сперва представляетъ онъ въ страшномъ видѣ, и описываетъ ужасную *Нужду*; потомъ придаетъ ей сопутницами *Надежду* и *Вѣрность*. Въ чертоги пришедшаго въ немилость вельможи вводитъ ее въ печальной одеждѣ; описы-

ваетъ роскошныя пиршества и разсѣяніе невѣрныхъ гостей, какъ скоро является несчастіе. Наконецъ достигаетъ своей цѣли, т. е. поручаетъ сей богинѣ Августа, проситъ, чтобы она была къ нему благосклонна, и тѣмъ оканчиваетъ свое поприще.

Теперь приведемъ въ примѣръ двѣ любовныя оды. Онѣ очень кратки: въ нихъ увидимъ кротость смѣшанную съ упреками, похвалу съ охужденіемъ; таковое смѣшеніе было душею и основаніемъ любовныхъ разговоровъ: все сіе совершается и нынѣ.

Ода къ Юліи Баринѣ.

Ulla si juris tibi peierati
Poena, Barine, nocuisset unquam:
Dente si nigro fieres, vel uno
Turpior vngui;
Crederem. Sed tu simul obligasti
Perfidum votis caput, enitescis
Pulchrior multo, iuvenumque prodis
Publica cura.
Expedit matris cineres opertos
Fallere, et toto taciturna noctis
Signa cum coelo, gelidaque diuos
Morte carentes.
Ridet hoc, inquam, Venus ipsa, rident
Simplices nymphae, ferus et Cupido,
Semper ardentes acuens sagittas
Cote cruenta.
Adde, quod pubes tibi crescit omnis:
Servitus crescit nova: nec priores
Impiae tectum dominae relinquunt
Saepe minati.

Te suis matres metuunt juvencis
Te senes parci; miseraeque nuper
Virgines nuptae, tua ne retardet
Aura maritos.

„О Юлія, ежели бы небо за вѣроломство „твое наказало тебя какимъ либо безобразіемъ, „тогда вѣрилъ бы я твоимъ клятвамъ: ты кля„нешся; но тотчасъ нарушаешь клятву, и при „всемъ томъ становишся прекраснѣе, прелестнѣе, „и сонмъ обожателей окружаетъ тебя. И такъ нару„шеніе обѣщаній, учиненныхъ тобою надъ прахомъ „твоея матери, именемъ свѣтилъ, въ безмолвную „нощь по небесному своду протекающихъ, име„немъ всего Олимпа, именемъ божествъ хладныя смерти непричастныхъ, остается безъ наказанія. Сама Венера забавляется твоимъ непостоянствомъ; забавляются Нимфы и свирѣпый Купидонъ, „на окровавленномъ камнѣ пламенныя изощряю„щій стрѣлы. Сколько юношей цвѣтущаго дости„гаютъ возраста, столько новыхъ готовится „тебѣ плѣнниковъ: однакожъ и прежніе, хотя и „часто испытывали твое непостоянство, не ос„тавятъ вѣроломной своей владычицы. Тебя стра„шатся матери, чтобы сыновья ихъ не впали въ „разставленныя тобою сѣти; тебя боятся старики „скупые; тебя боятся недавно вступившія въ „бракъ дѣвицы, что бы прелести твои мужей „ихъ не соблазнили.“

Ода къ Пиррѣ.

Quis multa gracilis te puer in rosa
Perfusus liquidis urget odoribus
Grato, Pyrrha sub antro?
Cui flauam religas comam,
Simplex munditiis? heu, quoties fidem,
Mutatosque deos flebit; et aspera

Nigris aequora ventis
Emirabitur insolens,
Qui nunc te fruitur credulus aurae.
Qui semper vacuam, semper amabilem
Sperat, nescius aurae
Fallacis? miseri, quibus
Intentata nites me tabula sacer
Votiva paries indicat vuida
Suspendisse potenti
Vestimenta maris deo.

„О Пирра! какой нѣжный, стройный и благо-„воніями умащенный юноша, на розахъ, въ прият-„номъ дому твоемъ блаженствуетъ съ тобою? „Для кого убираешь ты русые свои волосы съ не-„брежною простотою, которая еще болѣе красоту „твою умножаетъ? Но, ахъ! сколько прольетъ онъ „слезъ отъ нарушенной тобою вѣрности, отъ непо-„стоянства Венеры и Купидона! Легковѣрный, незная, „сколь обманчивы прелести, въ глубокой тишинѣ „безпечности наслаждается ими, и думаетъ, что „ты всегда будешь ему вѣрна, любезна; но какое „поразитъ его изумленіе, когда сія тишина вдругъ „въ ужасную превратится бурю. Несчастенъ тотъ, „кто не видитъ твоего обмана. Я уже давно из-„пыталъ его, и уже на стѣнѣ Нептунова храма „повѣсилъ я изображеніе моего кораблекрушенія „и омоченную волнами мою одежду. (*)

Отмѣнный стихотворческій даръ Горація видѣнъ даже и въ простой, обыкновенной

(*) Претерпѣвшіе кораблекрушеніе, за спасеніе своея жизни обыкновенно приносили богамъ, а особливо Нептуну, благодареніе. На стѣнахъ храма бога морей вѣшали они дощечку съ изображеніемъ претерпѣннаго ими на морѣ несчастія, также и ту самую одежду, въ которой они выплыли на берегъ. *Прим. переводящ.*

запискѣ, которую написалъ онъ по случаю ужина у его любовницы Гликеріи: пылкое и веселое воображеніе его приглашаетъ на оный Венеру, Купидона, Нимфъ и проч.

O Venus, regina Cnidi, Paphique,
Sperne dilectum Cypron, et vocantis
Thure te multo Glycerae decoram
Transfer in aedem.
Fervidus tecum puer, et solutis
Gratiae zonis, properentque nymphae,
Et parum comis sine te Juventas,
Mercuriusque.

„О владычица Книда и Пафоса, Венера! оставь любез-
„ный тебѣ Кипръ, и преселись въ прекрасный храмъ,
„Гликеріею тебѣ уготованный; она почтитъ тебя
„фиміамомъ благовоннымъ. Благоволи, да сопут-
„ствуютъ тебѣ пламеноносный сынъ твой, Хари-
„ты въ прозрачныхъ одеждахъ, Нимфы, Меркурій,
„и любезная, но безъ тебя никакой прелести не-
„имѣющая Юность.„

Надлежитъ имѣть великую гибкость въ умѣ и слогѣ, чтобы отъ сихъ пріятныхъ и спрастныхъ изображеній можно было съ успѣхомъ прейти къ слогу оды Justum et tenacem, коея начало столь великолѣпное и столь важное весьма часто приводится въ примѣръ выспренняго краснорѣчія.

Justum, et tenacem propositi virum,
Non civium ardor prava iubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida, neque Auster,
Dux inquieti turbidus Adriae,
Nec fulminantis magna jovis manus:
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

„Справедливаго и въ намѣреніяхъ своихъ твер-
„даго мужа ничто поколебать не можетъ: ни вопль
„буйственнаго и къ беззаконію побуждающаго на-
„рода, ни свирѣпые взоры лютаго и разъяреннаго
„тирана, ни бурные вѣтры, морскія волны до
„облаковъ воздымающія, ни мощная десница молніе-
„носнаго Юпитера. Хотя бы вся вселенная обру-
„шилась, онъ и подъ развалинами міра падетъ
„непреклонно.„

Горацій написалъ около тридцати одъ любовныхъ; всѣ онѣ служатъ доказательствомъ, что писатель сей одаренъ былъ умомъ тонкимъ и нѣжнымъ. Большая часть изъ нихъ столь превозходны, что, какъ кажется, онѣ написаны самими Граціями. Въ семъ родѣ сочиненія не имѣлъ онъ никакого образца; Анакреону не подражалъ онъ ни въ чемъ. Сущность сихъ небольшихъ стихотвореній на всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ, гдѣ только извѣстны вѣжливость и желаніе нравиться, равно приятна. Ими прельщаемся мы гораздо болѣе, нежели героическими одами сего писателя, коихъ содержаніе нерѣдко бываетъ для насъ весьма чуждо, и коихъ быстрое и смѣлое шествіе не всякому языку свойственно, а особливо Французскому, который робкими, такъ сказать, идетъ стопами, и строго наблюдаетъ извѣстный порядокъ и предписанное словоразположеніе. Можетъ быть, непостоянный полетъ сего стихотворца покажется для Француза нѣсколько страннымъ, можетъ быть мы найдемъ, что сіи творенія гораздо болѣе занимаютъ воображеніе, нежели умъ. Новѣйшія оды сочиняются не для того, чтобы ихъ пѣли,

а потому и не могутъ походить на оды Греческія и Латинскія. Напротивъ того большая часть изъ нихъ не иное что суть, какъ рѣчи въ стихахъ, столь же порядочно расположенныя, стольже правильно связанныя, какъ и самая проза. Я не говорю, что за сіе заслаживаемъ мы совершенное охужденіе; но утверждаю, что Французскія оды безъ наблюденія строжайшей правильности въ словосочиненіи, имѣли бы въ себѣ болѣе возторга и быспроты, которыхъ не видимъ мы даже и въ самыхъ лучшихъ нашихъ одахъ. О семъ подробнѣе говорить будемъ, когда дойдемъ до новѣйшихъ лириковъ. (*)

(*) *Примѣчаніе.* Между Французскими лирическими стихотворцами Руссо по всей справедливости занимаетъ первое мѣсто. При окончаніи сей статьи, кажется, не безполезно будетъ замѣтить, сколь великій вредъ хорошему вкусу наносятъ тѣ, кои, составляя на удачу учебныя книги, піитики и риторики въ пользу и употребленіе юношества, вводятъ неопытныхъ воспитанниковъ въ заблужденіе, ибо нерѣдко ставятъ въ примѣръ, полагаясь только на имя прославившагося писателя, самые худые стихи, о которыхъ надлежитъ говорить тогда только, когда наставникъ желаетъ показать погрѣшности и недостатки оныхъ, а не выдавать ихъ за правила, или за примѣры подражанія достойные. Всѣ сіи спищики, коихъ число весьма велико, говоря о Горація, никогда не опустятъ помѣстить слѣдующаго о семъ Латинскомъ лирикѣ сужденія, напечатаннаго въ одномъ посланіи Руссо:

Non moins brillant, quoique sans étincelle,
Le seul Horace en tous genres excelle

De Cythérée exalte les faveurs,
Chante les dieux, les héros, les buveurs,
Des sots auteurs berne les vers ineptes,
Nous instruisant par gracieux préceptes
Et par sermons de joje antidotés.

Юные воспитанники, коихъ вкусъ еще не образованъ и не подкрѣпленъ собственнымъ ихъ разсудкомъ, стихи сіи учатъ на изусть: потому что ихъ заставляютъ читать оныя въ училищахъ, и почитаютъ весьма хорошими, потому только, что написалъ ихъ Руссо. Напротивъ того надлежало бы имъ показать всѣ погрѣшности, каковыми стихи сіи наполнены. Неправда, будтобы въ Горація нѣтъ *огня* или *искръ* (étincelles): въ немъ ихъ очень много, а при томъ разнаго рода, ежели подъ словомъ симъ надлежитъ разумѣть мысли и выраженія острыя: оды его наполнены ими. Въ семъ стихѣ Руссо, кажется, хочетъ сказать, что *искры* въ сочиненіяхъ должно почитать порокомъ или недостаткомъ оныхъ; но слово сіе никѣмъ и никогда не было принимаемо въ худую сторону: ежели бы въ какихъ либо дурныхъ стихотвореніяхъ и находились *искры*, то еще не слѣдуетъ заключать, что имъ въ сочиненіяхъ хорошихъ быть не должно. Слѣдующее выраженіе: Horace exalte les faveurs de Cythérée, (Горацій слишкомъ много превозноситъ Цитерины ласки) есть слабо и холодно. И самый послѣдній риѳмотворецъ можетъ превознесть сіи ласки; но Горацій, Шолье, Тибуллъ говорятъ объ нихъ какъ страстные любовники, какъ искусные стихотворцы; они сами ихъ чувствуютъ и заставляютъ чувствовать, а не *слишкомъ много превозносятъ*. Berner (*качать*,) и проч. Сей и слѣдующіе за нимъ стихи нелѣпы, глупы, выраженіе въ нихъ

низко и важнымъ поучительнымъ сочиненіямъ неприлично, а притомъ риѳмы ineptes и préceptes для слуха весьма грубы въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ надлежало бы говорить приятно. Instruire par préceptes et par sermons, есть самое Маротическое разположеніе словъ въ такихъ стихахъ, которые выдаются за правило и образецъ; des sermons de joie antidotés; тупъ языкъ самой варварской, котораго нигдѣ употреблять не должно. Впрочемъ сіи критическія замѣчанія нимало не препятствуютъ почитать Руссо, по другихъ его сочиненіямъ, стихотворцемъ превозходнымъ; но надобно только умѣть выбирать изъ него мѣста лучшія, когда наставники желаютъ помѣщать ихъ въ учебныя книги. Ибо въ нихъ надлежитъ юношеству тщательно показывать сѣти, въ которыя оно по неопытности своей удобно впадать можетъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О пастушеской поэзіи и басни ѣ древнихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пастушескія стихотворенія.

Нѣтъ иподного стихотворенія, которое было бы столь мало нами уважаемо и столь чуждо нашимъ нравамъ и вкусу, какъ пастушеское. Причиною тому не родъ сей поэзіи, который подобно, какъ и всѣ прочіе, самъ по себѣ хорошъ, пріятенъ и плѣнителенъ, естьли только стихотворецъ опишетъ его съ надлежащимъ искуствомъ: но сіе произходитъ отъ того, что образъ нашей жизни весьма отдалился отъ природы, и что мы никогда не видывали пастушескаго состоянія у древнихъ народовъ и плѣнительныхъ онаго пріятностей. Въ однѣхъ покмо странахъ, природою ущедренныхъ, гдѣ всегда царствуетъ благоразтвореніе воздуха, сладостное спокойствіе и безбѣдное во всемъ довольствіе, пастухи и въ сельскихъ хижинахъ обйтающіе поселяне могутъ еще нѣкоторымъ образомъ равняться съ пастухами Ѳеокрита и Виргилія. Неоспоримымъ сему доказательствомъ служатъ соревновательныя и понынѣ еще существующія въ Сициліи прѣнія въ играніи на свирѣляхъ; онѣ совершенно походятъ на тѣ прѣнія, каковыя описаны въ Греческихъ и Латинскихъ эклогахъ.

Слѣдственно описанія сіи не можно почитать игрою воображенія стихотворцевъ. Поэзія во всякое время была вѣрною подражательницею изящной природы; и потому поселяне грубые, бѣдные, приведенные нищетою, страхомъ и нуждою въ нѣкое безсловеснымъ животнымъ приличное состояніе, никогда бы не могли подать стихотворцамъ нималѣйшаго понятія объ эклогѣ. Правда, стихотворцы украшаютъ все; но неоспоримо также и то, что они прежде, нежели примутся за украшеніе какого либо предмета, бываютъ сильно поражены онымъ. Въ картинахъ своихъ они описываютъ то, что видятъ, а противнаго тому никогда не изображаютъ. Новѣйшія буколическія стихотворенія, конечно, не иное что суть, какъ подражаніе древнимъ, игра воображенія. У насъ нѣтъ ни Коридоновъ, ни Тирсисовъ; но они существовали нѣкогда въ Греціи, въ Италіи. Тамъ пастухи имѣли величайшую склонность къ пѣнію и поэзіи. Есть климаты, въ которыхъ склонность сія бываетъ врожденна, и какъ бы плодомъ тоя страны и даромъ природы. О семъ заключать можемъ по однѣмъ токмо областямъ южной Франціи. Кому не извѣстны веселыя пляски и пѣсни жителей Прованскихъ? Любовные ихъ стишки, и нѣжныя пѣсни переселились съ полей и изъ внутренности ихъ хижинъ на театры самой столицы; потому что повсюду, гдѣ только ощущается сила и дѣйствіе пріятной, прелестной и благодѣтельной природы, человѣкъ весьма охотно пре-

дается всѣмъ простымъ увеселеніямъ, всѣмъ невиннымъ забавамъ, каковыми она удобно позволяетъ наслаждаться каждому человѣку. Все сіе найдемъ мы въ идилліяхъ Ѳеокрита и въ эклогахъ Виргилія.

Ѳеокритъ родился въ Сиракузахъ. Въ стихотвореніяхъ его весьма ощутительны естественность и пріятность, особенный даръ описывать кроткія чувствованія, и также сильно выражать страсти. Стихи, въ которыхъ описываетъ онъ пастушку, старающуюся посредствомъ чарованія обратить къ себѣ любовь непостояннаго любовника, Расинъ почитаетъ самыми нѣжнѣйшими и страстнѣйшими, каковыя токмо въ твореніяхъ древнихъ стихотворцевъ найти можно. Слогъ его особенно отличается простотою и истинною; впрочемъ простота его не всегда бываетъ пріятна, ибо иногда походитъ на грубость. Читатель видитъ въ немъ множество обстоятельствъ самыхъ маловажныхъ, множество произшествій слишкомъ обыкновенныхъ, и предметы его сочиненій нерѣдко бываютъ одинаковы. Большею частію описываетъ онъ прѣнія въ играніи на свирѣли и ссоры пастуховъ. Онъ написалъ тридцать эклогъ, напротивъ того Виргилій, подражатель его, сочинилъ только десять. Но за то содержанія Виргиліевыхъ эклогъ гораздо разнообразнѣе, слогъ плавнѣе и пріятнѣе; пастухи его гораздо умнѣе, нежели Ѳеокритовы. Сладкозвучіе его стиховъ плѣнительно до чрезвычайности: онъ умѣлъ соединить пріятную нѣжность съ тонкою шуткою,

и сіе искуство Горацій по справедливости называетъ особеннымъ даромъ, каковымъ сельскія музы наградили Виргилія, molle atque facetum. Виргилій описаніями игръ, забавъ и любовныхъ похожденій пастуховъ своихъ занимаетъ читателей гораздо болѣе, нежели Ѳеокритъ; въ нихъ нѣтъ никакого нерадѣнія, никакой утомительности. Все описано точно, изящно, приятно. Наконецъ слогъ въ эклогахъ Виргилія, такъ какъ и во всѣхъ другихъ его твореніяхъ, столь превосходенъ, что читая ихъ не льзя не выучить наизусть, а выучивъ непрестанно хочется ихъ перечитывать, чтобы болѣе насладиться приятностію слога.

Віонъ и Мосхусъ, родомъ одинъ изъ Смирны, а другой изъ Сиракузъ, были современники Ѳеокриту и жили въ одной съ нимъ странѣ. Въ ихъ сочиненіяхъ, хотя писаны и съ большимъ тщаніемъ, видна иногда какая-то принужденность; въ нихъ менѣе чувствительности. Ихъ элегіи единообразны: напротивъ того идилліи наполнены нѣжными и остроумными мыслями. Для примѣра приведемъ здѣсь двѣ небольшія Віоновы Идилліи.

„Одинъ мальчикъ забавлялся въ лѣсу
„ловленіемъ птицъ; вдругъ увидѣвъ Купидо-
„на, сидящаго въ кустарникѣ, несказанно
„тому обрадовался. Онъ ставитъ силки
„и подстерегаетъ Купидона, но сей не-
„престанно порхая отлетаетъ. Мальчикъ
„съ досады бросаетъ силки и сѣти, бѣжитъ
„къ старому земледѣльцу, который научилъ

„его сему забавному искуству, жалуется на „свою неудачу и указываетъ ему на Купидона, „скрывшагося между густыми ѣтьвями. „Старикъ, качая головою, смѣется и говоритъ: „мальчикъ! оставь сію добычу. Не лови та„кихъ птичекъ; страшись сего чудовища. „Когда выдешь изъ младенчества, то птица „сія, которая теперь порхаетъ и удаляется, „прилетитъ къ тебѣ сама.„

Сіи иносказательныя мысли весьма часто попадаются и въ другихъ сочиненіяхъ: но въ то время, когда жилъ Віонъ, онѣ были новы. Слѣдующая идиллія, по мнѣнію моему, гораздо лучше.

„Киприда явилась мнѣ во снѣ. Она вела „за руку маленькаго Купидона, который „шелъ потупивъ глаза въ землю. Пѣвецъ са„довъ, сказала она мнѣ, возми къ себѣ Амура, „и научи его твоимъ пѣснямъ. Сказавъ сіе „удалилась. Я думалъ, что Амуръ будетъ охот„но слушать мои наставленія. Сказываю ему, „какимъ случаемъ Панъ изобрѣлъ косвенную, „а Минерва прямую свирѣль; Меркурій лиру, „Аполлонъ цитру. Амуръ мало внималъ сло„вамъ моимъ. Онъ началъ пѣть нѣжные сти„хи; чрезъ него узналъ я о любви боговъ и „человѣковъ, которую возпламенила его мать. „Вдругъ забылъ я все, чему училъ Амура, а „помню только то, что онъ мнѣ разсказы„валъ.„

Вспомнимъ, что сіи небольшія изображенія, коихъ основа очень маловажна, никакъ не могутъ обойтися безъ того украшенія, каковое сочиненію доставляютъ стихи; но

для сего потребно имѣть кисть нѣжную и вѣрную. Жаль, что Лафонтенъ, преложившій въ стихи до изъ прекрасныхъ сочиненій Анакреоновыхъ, не сдѣлалъ сей чести Віановой идилліи, которая написана также хорошо. Таковыя произведенія требуютъ руки искусной, легкой и опытной; ибо главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы въ нихъ остроуміе было соразмѣрно чувствительности и нѣжности: а мѣра сія не приобрѣтается, но самою природою дается.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Баснѣ.

„Человѣкъ имѣетъ природную наклон-
„ность слушать разсказы. Басня возбуж-
„даетъ въ немъ любопытство и забавляетъ
„его воображеніе. Начало свое получила она
„въ самой глубокой древности. На самыхъ
„древнихъ памятникахъ и у всѣхъ наро-
„довъ находятся иносказанія и прит-
„чи. Кажется, во всякое время люди боялись
„истинны, а истинна боялась людей. Кто
„бы ни былъ изобрѣтателемъ басней, хотя
„бы робкій умъ какого либо невольника вы-
„думалъ сей иносказательный языкъ, для
„объясненія мыслей своему господину, или
„нѣкій мудрецъ, желавшій примирить ис-
„тинну съ самолюбіемъ, самымъ надменнѣй-
„шимъ изъ всѣхъ повелителей, изобрелъ

„сей приятный и забавный образъ выраже-
„нія мыслей; однакожъ изобрѣтеніе сіе уму
„человѣческому великую честь приноситъ.
„Сею-то счастливою хитростію истинна
„прежде, нежели явится человѣку, дружит-
„ся, такъ сказать, съ его гордостію и вла-
„дычествуетъ надъ его воображеніемъ. Она
„забавляетъ ихъ изобрѣтенными вымыслами,
„избавляетъ отъ постыднаго упрека и не
„томитъ скукою, съ наставленіями нераз-
„лучною. Разумъ доискиваясь смысла въ бас-
„нѣ, не имѣетъ времени сердиться на со-
„держащееся въ ней наставленіе; и истинна,
„являющаяся въ концѣ, находитъ насъ обе-
„зоруженными. Мы сами ужѣ себѣ опредѣлили
„приговоръ, который не охотнобы приняли
„отъ драгаго; ибо извѣстно, что мы иногда
„желаемъ исправиться въ своихъ порокахъ;
„но никогда не можемъ терпѣть, чтобы насъ
„осуждали.„ (*Похвальное слово Лафонтену.*)

Писатели согласно утверждаютъ, что Езопъ жилъ при Пизистратѣ; и ежели справедливо, какъ объ немъ разсказываютъ, будто бы Дельфійскіе жители убили его за то, что нанесъ имъ великую обиду сочинивъ на нихъ басню, *плавающія палки*, то Езопа надлежитъ полагать въ числѣ жертвъ, погибшихъ за философію; ибо остроумными сочиненіями своими онъ заслуживаетъ имя философа. Онъ наиболѣе отличился баснями. Впрочемъ разсказъ его не имѣетъ никакихъ украшеній. Нравственность составляетъ все ихъ достоинство, а притомъ не льзя сказать, чтобы она о всемъ была равно справедлива. Многія

изъ его басенъ недостаточны; Федръ и Лафонтенъ нѣкоторыя изъ нихъ исправили. Впрочемъ, статься можетъ, что Езопъ невиненъ въ семъ недостаткѣ. Планудъ, Греческій монахъ четырнадцатаго вѣка, первый собралъ Езоповы басни, и, какъ уже нѣсколько доказано, помѣстилъ въ оное собраніе подъ именемъ сего знаменитаго баснотворца, многія басни, которыя онъ сочинилъ самъ. Авіенъ, жившій въ царспівованіе Ѳеодосія віпораго, оставилъ намъ послѣ себя сорокъ притчей на Латинскомъ языкѣ. Какъ по изобрѣтенію, такъ и по слогу своему всѣ онѣ весьма посредственны. Лафонтенъ взялъ изъ нихъ самыя лучшія. Сверхъ сего находится много самыхъ древнихъ басенъ, сочиненныхъ Габріемъ, который поставилъ себѣ за правило, чтобы каждая баснь не болѣе, какъ только изъ четырехъ стиховъ состояла, желая сею краткоспію превзойти всѣхъ прочихъ баснотворцевъ. Во многихъ изъ нихъ вымыслъ весьма хорошъ; но чрезвычайная краткость затмѣваетъ истинну: онѣ походятъ болѣе на загадки, а потому нравственность и неимѣетъ времени явиться во всей своей ясности. Никакое сочиненіе не должно содержать въ себѣ оборотовъ принужденныхъ или выраженій темныхъ; и слава, приобрѣтаемая преодолѣніемъ какой либо трудности, здѣсь не имѣетъ ни малѣйшаго достоинства, потому что весь трудъ читателя въ семъ случаѣ дѣлается безполезнымъ и потерянным. Величина каждаго сочиненія, какое бы оно ни было, точно неопредѣлена, и не

зависитъ совершенно отъ воли сочинителя. Здравый разумъ повелѣваетъ, чтобы она была предмету своему соразмѣрна.

Послѣ Езопа болѣе всѣхъ славится Федръ, который простое и обнаженное нравоученіе басенъ Фригіянина, украсилъ прелестями стихотворства. Плавность его слога, чистота языка, точность и соразмѣрность достойны Августова вѣка. Одинъ только Лафонтенъ превзошелъ его. Разсмотрѣніе всего того, что сей единственный человѣкъ умѣлъ присовокупить къ предшествовавшимъ ему баснописцамъ, было бы конечно любопытно, привлекательно, полезно; но сіе оставляю до той части моего сочиненія, въ которой разсуждать буду о сочиненіяхъ новѣйшихъ. Здѣсь занимаюсь я сими разными родами поэзіи столько, сколько потребно для показанія свойствъ писателей древнихъ. Подробнымъ описаніемъ словесныхъ наукъ займемся тогда, когда достигнемъ до возрожденія оныхъ въ Европѣ, а отъ сей эпохи дошедъ до временъ нашихъ, увидимъ, какимъ образомъ каждый родъ измѣнялся у разныхъ новѣйшихъ народовъ, какимъ образомъ оный сокращался или разпространялся, ослабѣвалъ или достигалъ большаго совершенства; и такимъ образомъ объ части сего круга Словесности соединясь вмѣстѣ, представятъ въ совершенной ясности предметы между собою тѣсно соединенные, но которые, по принятому мною начертанію сего сочиненія, я долженъ былъ раздѣлить.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЛИКЕИ

2